

МОРИС ДРЮОН

ПАРИЖ
от Цезаря до Людовика Святого

ИСТОКИ
И БЕРЕГА

Морис Дрюон

**Париж от Цезаря до Людовика
Святого. Истоки и берега**

«Азбука-Аттикус»

1965

Дрюон М.

Париж от Цезаря до Людовика Святого. Истоки и берега /
М. Дрюон — «Азбука-Аттикус», 1965

ISBN 978-5-389-09544-1

Мориса Дрюона читающая публика знает прежде всего по саге «Проклятые короли», открывшей мрачные тайны Средневековья, и роману «Сильные мира сего», приоткрывающему закулисы современного западного общества. На этот раз перед нами совсем другой Дрюон – историк, писатель, но также и человек, влюбленный в великий город, который рассказывает о своем понимании Древнего мира, об истоках великих цивилизаций. В книге «Париж от Цезаря до Людовика Святого» главный персонаж – это город, который хранит память Франции, здесь оживают образы тех, кто закладывал фундамент французской столицы: Юлия Цезаря, Юлиана Отступника, враждующих королей Фредегонды и Брунгильды; Карла Великого, Пьера Абеляра, Людовика Святого и многих других. В книге «Истоки и берега» Дрюон поэтически живо рассказывает о Средиземном море, на берегах которого зародились начала культуры человечества.

ISBN 978-5-389-09544-1

© Дрюон М., 1965
© Азбука-Аттикус, 1965

Содержание

Париж от Цезаря до Людовика Святого	7
Введение	7
I. Дочь Рима	9
Жест Цезаря	9
Колонна Тиберия	11
Проповеди Дени	17
Коронация Юлиана	20
Победа Аэция[60]	28
II. Столица франков	36
Решение Хлодвиг[76]	37
Могила Женеьевы	43
Крыша Хильдеберта[112]	48
Казнь Брунгильды[131]	53
Трон Дагоберта	56
III. Забытый империей	63
Безучастность Карла	63
Коронация Пипина	66
Без Карла Великого	77
Противостояние Эда[186]	87
Аллилуйя Оттону	95
IV. Главный город Капетингов	105
Ассамблея Адальберона[218]	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Морис Дрюон
Париж от Цезаря до Людовика
Святого. Истоки и берега

Моей матери

LES RIVAGES ET LES SOURCES

Copyright © 1965 by Maurice Druon

PARIS DE CÉSAR À SAINT LOUIS

Copyright © 1964 by Maurice Druon

© Н. Василькова, перевод, комментарии, 2015

© С. Васильева, перевод, комментарии, 2010

© Д. Ренье, фото, 2015

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство КоЛибри®

* * *

Париж от Цезаря до Людовика Святого

Введение

«...Париж мне по-прежнему мил; я отдал ему свое сердце еще в дни моего детства... Я француз только благодаря этому великому городу: великому численностью своих обитателей, великому – своим на редкость удачным местоположением, но сверх всего великому и несравненному своими бесчисленными и разнообразнейшими достоинствами: это слава Франции, одно из благороднейших украшений мира».¹

Когда Мишель Монтень² писал эти строки, Парижу сравнялось уже шестнадцать столетий и он весь целиком умещался на пятистах гектарах земли. Сегодня Париж раскинулся на более чем десяти тысячах гектаров. За четыре последних века существования столица Франции увеличилась в двадцать раз.

Монтень, попади он из своего Парижа в сегодняшний, не узнал бы ничего, кроме собора Парижской Богоматери, шпиля Сент-Шапель,³ башни Святого Иакова,⁴ кусочка Лувра да нескольких стен в Клюни...⁵ Что же до остального: дорог, зданий, транспорта, лавок, звуков, – тут ему просто все показалось бы чужим, ну, кроме разве что названий некоторых улиц на табличках... А если говорить о людях, то, может быть, родными ему показались бы повадки студентов, пробегающих каждый день через скверик у Сорбонны, мимо его мраморного подobia, где Монтень изображен сидящим – совсем по-домашнему, нога на ногу. Скульптура почти не возвышается над землей – мыслитель на одном уровне с проходящими людьми, на одном уровне с жизнью. Но Факультетская улица,⁶ где уже в наше время Монтеню воздвигнут памятник, на цоколе которого выгравированы сказанные им прекрасные слова, – эта улица показалась бы ему незнакомой.

Тем не менее Париж как город совершенно тот же, потому что, желая рассказать о нем, дать ему определение, воспеть ему хвалу, – мы говорим словами Монтеня, не меняя ни буквы. В ходе веков камни стираются быстрее, чем слова.

Слава города и его долговечность складываются в основном из поступков, горестей, драм, снов и мечтаний людей, поколения которых сменяют одно другое и память о которых сохра-

¹ Монтень М. Опыты. Ч. 3, гл. IX. О суетности. Пер. А. С. Бобовича.

² Монтень Мишель (Montaigne, Michel Eyquem de; 1533–1592) – французский писатель и философ.

³ Сент-Шапель (Sainte-Chapelle) – «святая капелла», была задумана как хранилище реликвий, вывезенных Людовиком IX (Святым) из Константинополя, и возведена в 1245–1248 годах. Это лучшая из готических церквей небольших размеров. Тонкие каменные стены часовни усилены металлическими скобами и богато украшены. В первом ярусе (нижней капелле) три нефа, он укреплен контрфорсами. В основном ярусе (верхней капелле, высота которой достигает 20 м), куда можно было пройти из главных покоев дворца, вначале был устроен небольшой альков для королевской семьи. Неф верхней капеллы знаменит своими полностью сохранившимися витражами (в основном XIII века). Наружный портик с западной стороны, круглое окно-роза и пинакли, а также башенка перестроены в эпоху Нового времени.

⁴ Башня Святого Иакова (La tour Saint-Jacques) – все, что осталось на этом месте от романской церкви Сен-Жак-ла-Бушери, бывшая ее колокольня, законченная в 1573 году, когда церковь перестраивали, меняя стиль с романского на готический. В период Великой французской революции церковь, объявленная народной собственностью, была продана и разобрана на доходный товар – камни. А у башни – своя судьба. В 1648 году Блез Паскаль проводил здесь замеры атмосферного давления. Благодарные французы установили ему в башне памятник. Кроме того, ниши башни сохранили 19 статуй разных святых. Статуя святого Иакова украшает колокольню на самом ее верху, где по углам стоят скульптуры человека, орла, быка и льва – символы четырех евангелистов. Некоторое время башня служила для производства охотничьих пуль: расплавленный металл, падая с 50-метровой высоты через специальную решетку, застывал маленькими шариками в подставленных тазах с водой. С 1981 года на башне и в примыкающем к ней сквере работает метеостанция.

⁵ Имеется в виду открытый в 1843 году Музей Средневековья, который объединяет под своей крышей руины галло-римских терм и резиденцию аббатов Клюни.

⁶ Rue des Écoles (фр.).

няется дольше, чем их жилища. Добавляя после многих других собственную хвалу родному городу, я уступаю при этом своим склонностям романиста. В истории первых веков его существования, часто весьма туманной и неопределенной, я прилагаю особые старания к тому, чтобы различить человека, людей, тех, чьи деяния, следуя одни за другими, сотворили его легенду и соткали его судьбу.

I. Дочь Рима

Жест Цезаря

Люди, которым предстоят великие исторические свершения, появившись на свет, ничем особенно не отличаются от других младенцев. Новорожденные как новорожденные. Так же и города, очаги цивилизации: посмотреть в начале существования – место как место. Предна-

значение как тех, так и других до поры до времени внешне никак не проявляется, но наступает момент, когда судьба ставит на них свою отметину, открывая тем и другим их место под солнцем и открывая их самих миру.

Естественно, и остров Лютеция⁷ изначально ничем не отличался от сотни таких же, как он, островов. Подобно всем прочим, и этот напоминал изумруд из рассыпавшегося по водам Сены ожерелья. Ничто еще не привлекало внимания к глухой галльской деревушке, окруженной стеной из грубо вытесанных камней. Ничто не привлекало к ней внимания, и остров Лютеция мирно дремал посредине реки, пока весенним днем 53 года до Рождества Христова не появился здесь Юлий Цезарь, который шел из Амьенуа в Гатине,⁸ затем дальше – к Сансу⁹ и искал самый короткий путь туда.

Той весной сеноны и карнуты¹⁰ – племена, жившие близ Санса и Орлеана, – наотрез отказались посылать своих представителей на Галльскую ассамблею, происходившую в амьенском лагере. Цезарь сразу же воспринял их отсутствие на ассамблее как акт неповиновения, поднял свои легионы и двинулся с ними в поход, решив перенести ассамблею в главный город паризиев, который назывался Лютеция Паризиорум,¹¹ – ближайший к мятежным территориям населенный пункт.

Украшенные изображениями орла и волчицы¹² штандарты центурионов возникли среди ив и болотной флоры, которая произрастала по правому берегу, – совсем рядом с тем местом, которое сегодня занимает Шатле.¹³ Легионеры утопали в грязи там, где мы сейчас пробираемся сквозь толпу в часы пик, торопясь в Театр Наций. Участники легендарного похода совсем уже скоро сыграют пролог эпопеи в двадцати актах, длящейся двадцать веков.

Цезарь остановил коня, приподнялся в седле и, указывая на остров, выступавший из воды напротив него, на остроконечные крыши, видневшиеся сквозь одетые листвою ветви, произнес: – Сегодня вечером я разобью свой лагерь там!

Одним этим жестом он извлек Париж из сумрака – словно вытащил шар с выигрышным номером в лотерее Истории. Цезарь созвал в приглянувшемся ему городке Галльскую ассамблею и тем самым, предвосхищая события, назначил Лютецию Паризиорум на роль столицы.

⁷ Красивое слово «Лютеция», которое, как иногда кажется, должно переводиться как «город света» (от *лат.* lux), на самом деле переводится вовсе не так. Оно образовалось от слова не латинского, а кельтского, и если переводить буквально, то Лютеция – что-то вроде Болотограда (от *кельт.* lut – «болото»).

⁸ Амьенуа (Amienois) – исторический район на севере Франции, в окрестностях города Амьен (Amiens), в среднем течении реки Сомма (Somme). Гатине (Gâtinais) – старинная французская провинция, разделявшаяся когда-то на французское Гатине, с главным городом Немур, и орлеанское, с главным городом Монтаржи.

⁹ Санс (Sens) – старинный город в Бургундии, на правом берегу реки Йонна. Название происходит от племени сенонов.

¹⁰ Сеноны (senones) и карнуты (carnutes) – древние кельтские народы, имевшие общую границу. Сеноны на севере граничили с паризиями, главным их городом был Агединк (civitas Senonum, или Senones). Карнуты жили на обоих берегах Луары, между реками Шером и Эрой. Главным городом был Аутрикум (Autricum, ныне Шартр). Из других карнутских городов лучше всех известен Сенабум (ныне Орлеан). У карнутов дольше, чем у их современников и земляков, сохранились священные леса, где друиды совершали жертвоприношения и разбирали тяжбы. Завоевывая одну за другой земли будущей Франции, Цезарь в 57 году расположил свой лагерь именно на территории карнутов, но они свергли поставленного им царя Тасгетия и долго боролись за свою независимость под начальством Верцингеторига.

¹¹ Lutetia Parisiorum (*лат.*). Паризии – галльское племя, обитавшее по среднему течению реки Секвана. Паризии не были самым мощным племенем в Галлии, но об их экономическом процветании свидетельствуют такие археологические находки, как, например, золотые весы.

¹² Орел легионов, воинский знак всех легионов Римской империи, начиная со времени римского полководца Мария (156 или 155–86 до н. э.), – это серебряный орел с молниями в когтях, которого в бою несли впереди на высоком древке. Что же касается волчицы на штандартах – имеется в виду, вероятно, Капитолийская волчица, вскормившая основателей города Рима – близнецов Ромула и Рема.

¹³ Châtelet (*фр.*) – площадь в Париже, названная по имени древней крепости Гран-Шатле, возведенной на этом месте для защиты близлежащего моста. Крепость была разрушена при Наполеоне I. Современный вид площадь приобрела при Наполеоне III. В центре находится фонтан Шатле, неподалеку расположен театр Шатле с залом, способным принять около трех тысяч зрителей.

Четыре года спустя Цезарь стал хозяином в Риме. Но к тому времени он успел мимоходом отметить город, который придет в свое время на смену Риму.

Колонна Тиберия

Стоило Цезарю покинуть Лютецию, паризии взбунтовались. Один из легатов¹⁴ Цезаря Лабиен¹⁵ разгромил на равнине Гренель войско паризиев с Камулогеном во главе, сражение это происходило на территории, где расположены наше Марсово поле и наша Военная школа.

Подобные совпадения заставляют задуматься. Следует ли, в частности, из этого сделать вывод о том, что действия, когда-то совершенные людьми в некоем месте, накладывают на него отпечаток и остаются в земле, словно зерно, которое постоянно дает всходы одного и того же растения?

Римские войска расквартировались в Лютеции. Вследствие размещения на острове постоянного гарнизона лагерь был укреплен, превращен в *castellum*.¹⁶ Возможно, на месте палатки Цезаря и, несомненно, на месте палатки Лабиена вскоре были воздвигнуты *palatium*, каменное строение, где жил римский префект, и *tribunal*, который он возглавлял и где отправлял правосудие.

С началом правления Августа в прямом подчинении у римского императора находились три провинции Трансальпийской Галлии: Лугдунская со столицей Лугдун (теперешний Лион), Аквитания и Белгика – словом, вся «Косматая Галлия» (*Gallia comata*), как называли ее из-за длинных волос обитателей, – в отличие от старой римской провинции Нарбоннской Галлии, или *Provincia Romana*, – Прованса, где властвовал сенат.

---

¹⁴ *Legatus* (от *lat. legare* – посылать) – посланник сената в Римской республике, а в империи – императорский наместник в римской провинции.

¹⁵ Лабиен (*Labienus*) *Тит Амний* (100–45 до н. э.) – римский государственный деятель и полководец. Во время Галльской войны был сначала легатом в войске Цезаря, затем наместником в Галлии. Позже Лабиен примкнул к приверженцам Гнея Помпея и воевал против Цезаря при Фарсале и в Африке. Погиб близ испанского города Мундо в сражении между войсками Цезаря и сторонниками сыновей Помпея.

¹⁶ Укрепленное место, форт, укрепление, крепостца (*лат.*).

Барельефы колонны Юпитера. Ок. 14 г. н. э.

Непосредственные преемники власти Цезаря поочередно навещали Галлию и надзирали за порядком в ней. Сначала Август, который прожил там довольно долго, деля ее на административные единицы, затем Тиберий, тревожное напоминание о котором мы огибаем, проходя мимо Триумфальной арки в Оранже,¹⁷ после него – Калигула, организовавший в Лионе первые

---

¹⁷ Триумфальная арка воздвигнута в 20 году н. э. в честь победы римлян над галлами. Массивная арка имеет три прохода и богато декорирована рельефами, отображающими события Римско-галльских войн и победы Юлия Цезаря. Интересно, что

литературные конкурсы, причем награда, присужденная Калигулой, воспринималась почти так же, как современная Гонкуровская премия. Клавдий родился в Лионе, и римские сенаторы всегда радовались возможности посмеяться над ним, лишний раз поддразнить, назвав галлом. Если Нерон особенно интересовался Грецией, то Гальба и Вителлий,¹⁸ правда по необходимости – желая подавить последние вспышки мятежа, снова проложили дорогу в Галлию.

В Лютеции *nautes*, то есть лодочники, морские купцы, которые вместе с рыболовами первыми обеспечили городу процветание, ибо составляли ее основное население и занимались перевозкой товаров по воде, дали обет и в соответствии с ним поставили колонну в честь Юпитера напротив *palatium*'a, с той стороны острова, что смотрит на верхнее течение реки. Это произошло при императоре Тиберии и почти в то самое время, когда в Иудее сбирь прокуратора Пилата схватили знахаря-ясновидца, который нарушал своими предсказаниями общественный порядок. Впрочем, этому самому Пилату, сосланному во Вьенн, пришлось закончить карьеру в Галлии, где он и умер. Скорее всего – покончил жизнь самоубийством, но причиной были не угрызения совести, правители того времени часто казнили непокорных на кресте: нет, он пребывал в отчаянии, попав в императорскую немилость. Что же до Иисуса Христа, Пилат, должно быть, и само имя его позабыл...

Колонна Юпитера стояла точно на месте Нотр-Дам-де-Пари. Камни, из которых она была сложена, нашли строители XVIII века, когда закладывали фундамент для клироса кафедрального собора Парижской Богоматери.¹⁹ Эта колонна – древнейший монумент столицы – давала не один повод для волнения, растроганности: на всех четырех ее сторонах кельтские божества были изображены рядом с римскими богами. Наверное, здесь же располагался и алтарь, где приносили жертвы или оставляли дары.

Дворец и алтарь: франкские короли и христианское богослужение окажутся на одной и той же площадке. А старинный торговый корабль мы видим в центре герба Парижа.

Город, напоминающий корабль, город на воде и богатством своим обязанный воде; даже имя этого города кажется взятым из водяного потока, потому что, вполне вероятно, слово «Париж» уходит корнями в галльское «*pa-*», означающее – «корабль».

Однако Лютеции было еще очень далеко до того, чтобы стать в Галлии главным населенным пунктом. Резиденция императорского легата, или прокуратора, находилась в Лионе. Даже в бельгийской части Галлии, Белгике, положение паризиев было более чем скромным, они во всем зависели от сенонов. Позднее церковь, словно расплавленный металл, льющийся в изложницу, по мере завоевания римскими легионами территории Галлии, станет по их следам распространять свое влияние и религиозную юрисдикцию. Именно по этой причине парижский епископ вплоть до царствования Людовика XIII по иерархии подчинялся архиепископу Санса.

обнаружена и раскопана она была лишь в XIX веке.

¹⁸ *Гальба Сервий Сульпиций* (Servius Sulpicius; 5 год до н. э. – 69 год н. э.) – с 31 года консул, затем наместник Аквитании, Африки и части Испании, в июне 68 года стал императором, но в январе 69-го был убит. *Вителлий* (Vitellius Aulus Germanicus; 15–69) – римский император, правивший всего восемь месяцев: с 17 апреля до 20 декабря 69 года, когда был убит при взятии Рима войсками Веспасиана. Отличался расточительностью и чревоугодием.

¹⁹ Сейчас этот памятник древней культуры экспонируется в зале *frigidarium* (холодных древнеримских бань) терм, составляющих часть музея Клюни.

Жертвенник галло-романского храма, найденный на территории собора Нотр-Дам в 1711 г.

Тем не менее, пока длился первый имперский период, город не переставая рос и всячески старался утвердиться. Население вскоре настолько увеличилось, что он уже не уместился на острове: слишком много стало народу, слишком много всего научились делать – развились старые и появились новые профессии и ремесла. Проблему с жильем удалось решить, перебравшись на левый берег: именно здесь возводились новые кварталы жилых домов, здесь сооружались новые общественные здания.

Лютетия, рожденная на месте бивака у пересечения дороги с рекой, и захотела бы – не смогла бы забыть о своем предназначении: стать для начала чем-то вроде появившихся позднее почтовых станций, где меняют лошадей путешественники и торговцы. Вот она и прокладывала новые пути – к Мелену, Мо и Суассону,²⁰ к Понтуазу и Руану,²¹ к Дрё и Шартру,²² становясь

---

²⁰ Мелен (фр. Melun) – главный город французского департамента Сена-и-Марна, у северной окраины леса Фонтенбло, в 45 км к юго-востоку от Парижа. Первые упоминания о нем относятся к 52 году до н. э. – тогда он назывался Melodunum, а

центром, откуда звездными лучами во все стороны разбегались дороги. Свое будущее – вот что строила Лютеция, мостя эти дороги, по которым шли и ехали люди со своими чаяниями и плодами своего труда. Но главной оставалась дорога Цезаря, дорога на Санс и Орлеан, где вскоре стало так тесно, что во избежание заторов стали строить новую, параллельную дорогу, *via inferior*,²³ и народ тут же сократил название, чтобы удобнее было произносить, до *via infer*, это «infer» в Средние века превратилось в «enfer», то есть «ад», и стала нижняя дорога дорогой в ад, позже – Адской улицей, *rue d'Enfer*, ну а в последний раз История поиграла в слова еще позже, слив артикль со словом и добавив окончание... и получилась хорошо знакомая нам улица Данфер-Рошро!²⁴

Самые древние известные нам парижане носили имена Марцеллус или Тетрикус, Сердус или Солимарус. Утром они отправлялись в термы²⁵ (теперь эти термы можно увидеть в музее Клюни) и, сидя там в клубах пара, беседовали о делах или о политике, обсуждали новости, пришедшие из Рима. Одобряли энергичные меры, принятые легатом императора Марка Аврелия для того, чтобы пресечь распространение христианства во Вьенне и в Лионе. Если им требовалось разрешить какие-то вопросы, связанные с торговлей или системой путей сообщения, они перебирались во дворец префекта, стоящий на острове: здесь обитали городские власти, здесь вершилось правосудие. Иногда в городе давал представления цирк, при нем был зверинец, в цирке выступали жонглеры, в цирке же проводились кулачные бои. Пока еще – хвала Юпитеру! – на арены не бросали христиан на растерзание диким животным, ибо практически некого было бросать, но на нее уже выходили знаменитые гладиаторы, суперзвезды той эпохи. Тогда Сердус и Солимарус, Тетрикус и Марцеллус спешили к аренам (в район улицы Монж²⁶), устраивались поудобнее в принадлежащих им каменных креслах – о том, что они были владельцами кресел, свидетельствовали вырезанные на камне имена... Вот так и долетела до нас память об этих людях... А летом они ходили в театр – он был выстроен неподалеку от нашей улицы Расина,²⁷ на площадке, которую нынче занимает площадь Одеон,²⁸ – в самый первый парижский театр, спектакли которого показывались только по утрам. Там играли Сенеку, Теренция и Плавта, там на сцену выходила Федра...

А жили галло-романские горожане, Тетрикус, Солимарус, Сердус и Марцеллус, в «латинском квартале».

нынешнее его имя – на латыни *Metlosedum* – датируется VI веком. Город *Мо* (Meaux) – латинское его название было сначала *Latinum*, потом *Meldi* (по названию галльского племени) – также находится в департаменте Сена-и-Марна, на реке Марна, но к северо-востоку от Парижа. *Суассон* – город в 90 км от Парижа, в департаменте Эна. При римлянах Суассон был известен как главный город племени свессонов и назывался *Noviodunum* или *Augusta Suessionum*.

²¹ *Понтуаз* (фр. *Pontoise*, в переводе «мост через Уазу») – северо-западный пригород Парижа, который служит с 1964 года административным центром департамента Валь-д'Уаз. *Руан* (фр. *Rouen*, в античную эпоху *Rotomagus*) – столица Нормандии, город находится в 120 км от моря и предположительно был основан римлянами.

²² *Дрё* (фр. *Dreux*) – город во французском департаменте Эр-и-Луар, на реке Блэз, в 82 км к западу от Парижа. *Шартр* (фр. *Chartres*) – город на реке Эр, префектура (столица) департамента Эр-и-Луар. Во времена Античности Шартр, столица племени карнутов, был уже большим городом.

²³ Нижняя, подземная дорога (лат.).

²⁴ *Данфер-Рошро Пьер Мария Аристид* (Denfert-Rochereau; 1823–1878) – французский полковник, прославившийся защитой Бельфора во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов.

²⁵ *Термы* (лат. *thermae*) – в эпоху римских императоров публичные учреждения, которые сочетали в себе греческий гимнасий, то есть место для физических упражнений и общения, с теплой баней.

²⁶ *Rue Monge* (фр.).

²⁷ *Rue Racine* (фр.).

²⁸ *La place d'Odéon* (фр.).

Проповеди Дени

Древнее – тысячелетнее! – народное предание гласит, что Париж еще до конца I столетия нашей эры обзавелся своим первым революционером. Его звали Дионисий или, на французский лад, Дени. Он родился в Афинах, в юности его потрясла тьма, внезапно упавшая на весь средиземноморский восток в Страстную пятницу,²⁹ а вскоре в Афинах появился с намерением найти здесь новых учеников и последователей святой апостол Павел. Дионисий принял от него крещение и основал первую афинскую христианскую общину, стал афинским епископом. Позже он отправился в Рим, где в то время правил Нерон, бросивший апостола Петра вместе с учителем Дионисия Павлом в темницу: святые апостолы обвинялись в неповиновении закону, злоумышлении и намеренном поджоге.³⁰ А уже после этого третьим последователем Петра, епископом Климентом,³¹ ему была поручена миссия отправиться в языческую Галлию и проповедовать тогдашнему населению Парижского региона Слово Божие.

Увы, увы! Более внимательное прочтение Григория Турского,³² далекого предка всех французских историков, не позволяет нам думать, что Дионисий, первый епископ Афин, и Дионисий, первый парижский епископ,³³ – один и тот же человек. Это было бы слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Двух Дионисиев разделяет сто пятьдесят лет, и они-то и обязывают нас отказаться от столь лестного отождествления. Парижский епископат был основан при императоре Деции,³⁴ в середине III века, но никак не в царствование Домициана.³⁵

---

²⁹ Из Жития святого Дионисия Ареопагита: «В тот самый день, когда был распят на кресте, ради нашего спасения, Христос Господь и когда в полдень солнце померкло и в продолжение трех часов была тьма, Дионисий в изумлении воскликнул: „Или Бог, Создатель всего мира, страждет, или сей видимый мир кончается!“»

³⁰ По некоторым преданиям, апостол Павел был осужден на смерть за то, что помогал апостолу Петру одолеть друга императора, Симона волхва, и обратить в христианство двух любимых жен императора Нерона. Другие источники указывают, что причиной казни апостола Павла послужил факт обращения им в христианство главного императорского виночерпия. По некоторым данным, день смерти апостола Павла совпадает с днем казни апостола Петра в 67 году (предположительно 29 июня ст. ст.), по другим – ему, как римскому гражданину, отсекли мечом голову в тот же день, 29 июня, но ровно через год. С апостолом же Петром было так: его приговорили к распятию, наподобие Иисуса Христа, но он не считал себя достойным принять такую же кару, какой подвергся Господь, и просил мучителей распять его головой вниз, желая даже в смерти преклонить перед Ним свою голову.

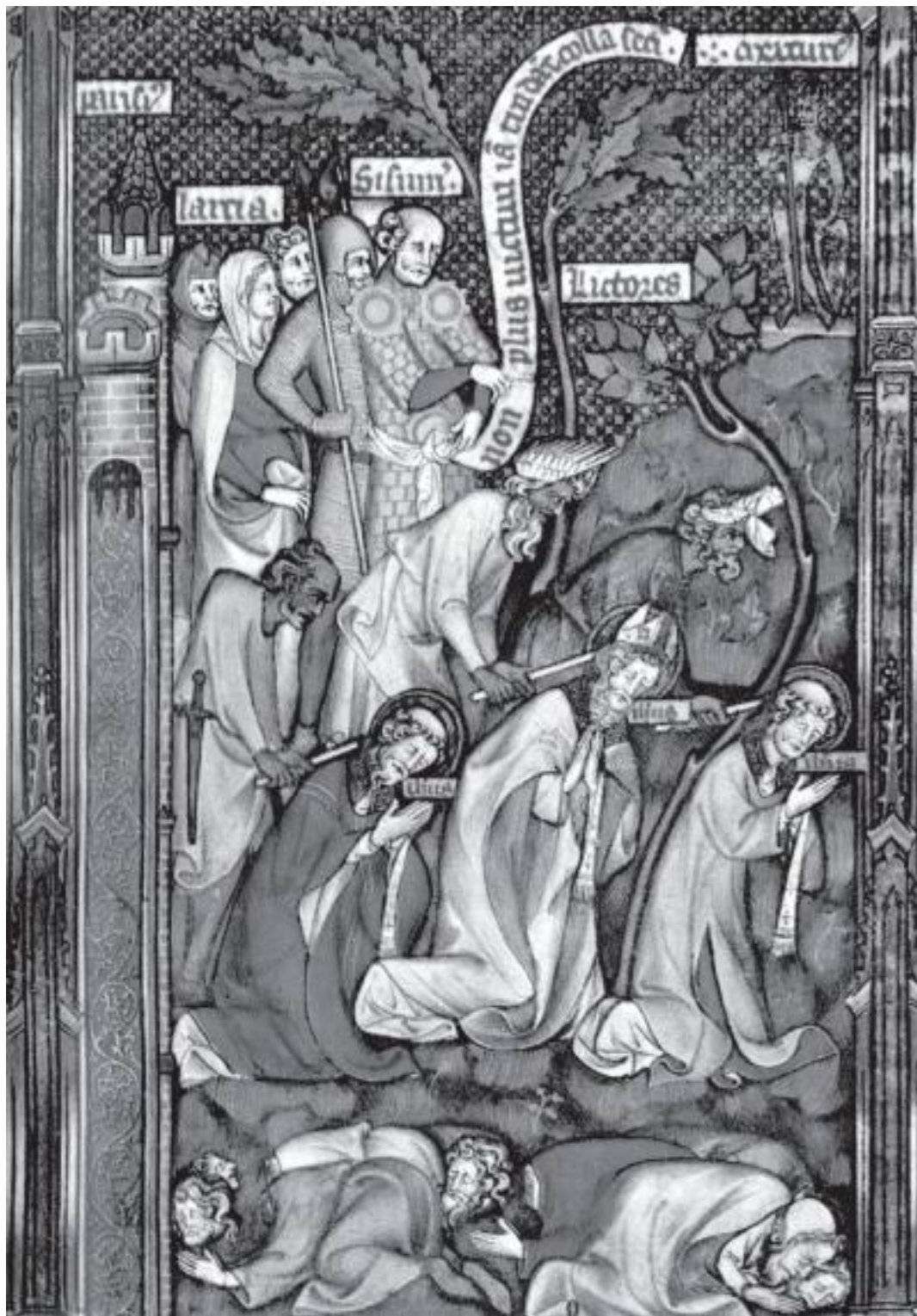
³¹ *Святой Климент* – третий епископ Рима (с 92 по 101 год). Претерпел мученическую кончину при императоре Траяне (в 101 году). Памятником деятельности Климента остались его Послания к коринфянам.

³² *Григорий Турский* (Gregorius Turonensis; 538–594) – франкский священник и историк, настоящее его имя Георгий Флоренций. Его иногда называют отцом французской истории, поскольку важнейшая работа этого плодовитого автора – состоящая из десяти книг «История франков» (Historia francorum), пять книг которой посвящены времени, в котором жил он сам.

³³ *Дионисий Парижский* (III век н. э.) – первый епископ Парижа, священномученик. Память – 3 октября.

³⁴ *Гай Мессий Квинт Траян Деций* (лат. Gaius Messius Quintus Trajanus Decius; 201–251) – римский император с 248 (захватил Рим в 249 году) по 251 год.

³⁵ *Тит Флавий Домициан*, чаще называемый просто Домициан (лат. Titus Flavius Domitianus; 51–96), – последний римский император из династии Флавиев. Император с 81 года. Почетные титулы: Germanicus (с 84 года) и Princeps iuventutis (Вождь молодежи), Великий понтифик, девятикратный консул (с 83 по 88 год и в 90, 92 и 95 годах), цензор (с 5 сентября 85 года, с конца года – несменяемо), 16-кратный трибун (с 13 сентября 81 года – ежегодно), авгур и член коллегии арвальских братьев.

Мученичество Св. Дионисия и его сподвижников. Миниатюра. 1387

Тем не менее остается верным то, что Дионисий Парижский пришел к нам из Рима, что он, скорее всего, грек и в любом случае вскормлен эллинизмом, как и многие проповедники Деяний апостолов. Остров был официальной резиденцией религиозных властей, христианство находилось под запретом, потому Дионисию пришлось излагать людям свою философию свободы, равенства и братства на самой окраине – там, где уже начинались поля, в предместьях на левом берегу. Строго говоря, он не призывал к мятежу, он просто отрицал божественное происхождение императора и боролся за отделение церкви от государства, где священнослужите-

лям следует быть посланниками Духа, а не находиться на службе у власти. Коренных жителей, притесняемых римскими оккупантами, рабов и даже молодежь из знатных семейств привлекала новая мораль, на проповеди Дени в построенном им храме собирались целые толпы. То место, где первохристиане устраивали свои трапезы, состоявшие попросту из хлеба и вина, где они совершали богослужения, прославляя Господа и Пресвятую Деву Марию, и сейчас служит для отправления религиозного культа, сегодня здесь располагаются сама церковь Нотр-Дам-де-Шан³⁶ и ее приход.

Но вернемся в III век. Император Домициан послал в Париж префектом своего военачальника Сисиния, чтобы тот казнил тамошних христиан. Первыми были взяты под стражу смутьян Дионисий и два его ближайших сподвижника, Рустик и Елевферий. Их бросили в тюрьму Глоция на набережной Цветов. Префектура парижской полиции и поныне находится в этих краях.

После допроса Дионисия и его товарищей повели к северу от города, к холму, где тогда возвышался храм Меркурия. Воспоминание о пути, по которому они шли, о той прямой мощеной римской дороге, сохранилось в названии улицы Мучеников.³⁷

По пути на казнь истерзанного пытками Дионисия еще трижды спросили, не желает ли он покориться императору и принести языческим богам жертвы в обмен на жизнь. Но ему было девяносто лет, и он решил, что спасать ему уже почти нечего, стало быть то, что можно спасти, не стоит отречения. После третьего отказа ему, священнику Рустiku и дьякону Елевферию отрубили голову, а гора, где была свершена казнь, и по сей день называется горой Мучеников, *Mons martyrum* на латыни, Монмартром.

После казни у присутствующих случилась коллективная галлюцинация, а может быть, избыток фантазии у народа расцвел рассказы очевидцев о мученичестве святого, но утверждают, что люди видели, как Дионисий встал с плахи, поднял с земли свою голову с длинной белой бородой, подошел к ближайшему роднику, омыл ее и продолжил путь к северу. Он прошел таким образом расстояние в шесть тысяч шагов... Кое-где говорится, что четырнадцать километров.

Чудо – это то, во что верят.

Могила святого Дионисия Парижского очень скоро стала почитаемым местом – примерно как гробница отшельника у мусульман. Ходили слухи, что земли вокруг нее, как по волшебству, стали невероятно плодородными. Позже здесь поселились монахи-бенедиктинцы, король Дагоберт³⁸ выбрал монастырь Сен-Дени местом своего захоронения, и Сен-Дени превратился с тех пор в королевскую усыпальницу.

Однако Дионисий подарил Парижу куда больше, чем возможность паломничества и место упокоения монарших останков. Он принес в город римского права эллинский дух. После него левый берег никогда не переставал быть приютом для философов, мыслителей, учителей и реформаторов, неустанно стремящихся к глубочайшему познанию человека и самой справедливой морали. Здесь вплоть до наших дней велись и ведутся сегодня настоящие афинские диспуты.

---

³⁶ Notre-Dame des Champs – Божья Матерь Полей. Улица, называемая так же, находится в центре, неподалеку от Люксембургского сада.

³⁷ Rue des Martyres (*фр.*).

³⁸ Дагоберт I – король франков в 629–638 годах, сын Лотаря II и Бертруды. Он даровал весомые привилегии монастырю Сен-Дени.

Коронация Юлиана

Прошло меньше века, и новая религия из преследуемой стала почти официальной. Константин Великий,³⁹ покидая незадолго до начала 312 года Галлию, где во время многочисленных войн своего отца получал военное образование, взял себе эмблемой крест, потому что это помогало ему прокладывать среди кровопролитий и убийств дорогу к верховной власти. Он дошел до города Византия, который стал с тех пор носить имя Константинополь. Этот безжалостный к соперникам первый христианский император вовсе не был тем святым героем, каким его благоговейно рисует предание, и образцом христианской добродетели тоже отнюдь не был. Всемогущий язычник, принявший христианскую веру и называвший на созванном им Вселенском соборе в Никее собравшихся там епископов «братьями и сослужителями», не постеснялся убить своего сына Криспа, его мачеху, свою жену Фаусту, своего тестя, своего зятя...

---

³⁹ *Константин I Великий* (Флавий Валерий Константин; 272–337) – римский император с 306 года. С его именем связан поворот императорской власти к признанию христианства и его последующей трансформации в государственную религию. Изданный им Миланский эдикт (313) уравнил христианство в правах с иными религиями в государстве. Оставаясь до конца дней носителем титула верховного языческого жреца, Константин, согласно легенде конца V века, был окрещен папой Сильвестром. В православии Константин канонизирован как равноапостольный, в католичестве к лику святых не причислен. Приписываемый Константину Великому документ «Константинов дар» использовался в Средние века папским Римом для обоснования своих притязаний на светскую власть и территории в Италии. По просьбе сына мать Константина, Елена, отправилась в Святую землю, где обрела Крест Господень (326) и много сделала для восстановления поруганных христианских святынь, за что церковь почтила и ее наименованием «равноапостольная». Память этих святых служила в сельском хозяйстве главным сроком для посевов льна, поэтому День святых Константина и Елены у крестьян назывался «длинные льны».

Золотой статер паризиев. I век н. э.

Фрагмент антропоморфной вазы галлороманского периода. Ок. 749

Выйдя из катакомб, христиане, казалось, вознамерились расширить трещины, которые уже наметились в великом римском здании, приблизить упадок Римской империи. Империя к этому времени была столь обширна, что столица оказалась на дальней, восточной ее оконечности, и корона ее то и дело продавалась тому, кто больше заплатит, а потому служила причиной кровавого сведения счетов между честолюбивыми соперниками. Слишком уж много непохожих один на другой народов ее населяло, слишком много наемников из краев, где до мира было далеко, составляли ее армию, слишком часто накатывали гигантские волны переселенцев

– они тысячами шли, шли, шли из Азии, мало-помалу продвигались по Восточной Европе, и этот грозный прибой постоянно бился о берега служивших естественными границами рек – Дуная и Рейна. И вот уже в империи колеблются между двумя разными религиями: древней, терпимой по отношению ко всем иноверцам, и новой, не терпевшей никакого соперничества.

Неужели этот христианский Бог рассыпает карающий огонь повсюду? Когда при Нероне горел Рим, ученики апостолов Петра и Павла радостно кричали, что на город обрушилась Господня кара, а иначе и быть не могло, поскольку Рим – это новый Вавилон, вселенское скопище грехов. Но маленькая Лютеция – что она-то сделала такого, чем заслужила столь великое наказание? Тем не менее и ее не раз пожирал огонь. Пламя обратило в руины весь прекрасный левый берег, и, поскольку времена процветания прошли, торговля – хоть на суше, хоть по водным путям – заметно сократилась из-за того, что обстановка везде была беспокойной, из-за того, что войска постоянно перемещались, из-за мятежей и подстрекательств к бунту, из-за войн, которые то и дело разжигались претендентами на трон Римской империи, из-за постоянной угрозы вторжения чужаков, – восстанавливать его уже не стали. Предпочли разбить виноградники вокруг разрушенных терм и обуглившихся храмов. Население сосредоточилось на острове, в Сите:⁴⁰ к построенным там домам теперь добавляли этажи.

А что стало с налогами и пошлинами? Снизилась ли она, когда уменьшились денежные средства и материальные возможности, когда сузился круг источников дохода? Ничуть не бывало, даже наоборот! Не только сегодня, но и уже тогда парижане бранили фискальные органы и посланных ими сборщиков... Из всего немалого состава римской администрации осталась активной и действенной, даже чересчур действенной, только сеть сборщиков налогов, душивших страну поборами, добавляя к стольким разнообразным бедствиям, ее терзающим, еще одно, вгоняя ее в беспросветную нищету.

Но наступил февраль 358 года, и в Лютецию явился вестник надежды. Ему было двадцать пять лет, его звали Юлиан, и он носил титул цезаря, а это со времен Диоклетиана означало, что вы видите перед собой законного наследника императорской власти. Юлиан, то есть Юлий... Цезарь... эти имена, спустя четыре столетия вновь соединившиеся, показали парижанам решительно благоприятными для их города. Давайте на минутку остановимся и получше познакомимся с тем, кого можно считать вторым основателем Парижа. Он этого заслуживает.

Флавий Клавдий Юлиан Цезарь,⁴¹ племянник Константина Великого и двоюродный брат императора Констанция II, который был в то же время и его шурином, потому что Юлиану пришлось, из государственных соображений, жениться на сестре императора Елене. Единственный, кто уцелел из семьи, где никто никогда не умирал от старости и где редко умирали от болезни, где в самом широком употреблении были братоубийство, детоубийство, отцеубийство, вообще убийство любого родственника, свойственника или кого-то из кумовьев.

Сыновья Константина Великого, желая устранить со своего пути любого возможного соперника, уничтожили родню почти целиком. Констанций⁴² из всей семьи оказался в этой резне единственным победителем, Юлиан – единственным, кто ее избежал.

Тем не менее императорская власть по-прежнему была под угрозой, ведь к престолу стремится каждый, а некоторые даже и не ждут, когда путь к нему окажется открыт. Это было время государственных переворотов, ведь любой военачальник, если в его жилах текло хоть

---

⁴⁰ *Cite* (cité, в переводе «город, поселок, населенный пункт») – так называется в Париже (аналогично с лондонским Сити) старая часть города, расположенная на одноименном острове посреди Сены.

⁴¹ *Флавий Клавдий Юлиан* (лат. *Flavius Claudius Iulianus*, известный также в истории христианства как Юлиан Отступник, лат. *Iulianus Apostata*; 331 или 332–363) – римский император из династии Константина Великого. Последний языческий римский император, ритор и философ.

⁴² *Констанций II* (Флавий Юлий Констанций, лат. *Flavius Julius Constantius*; 317–361) – сын Константина Великого, римский император (337–361).

немного крови искателя приключений, лелеял надежду, что подчиненные ему войска провозгласят его цезарем, и потому самые великие сражения века происходили между императором и его военачальниками. Разве мы не помним германского офицера Максенция,⁴³ который, надев в Отёне пурпурную мантию и захватив власть над Галлией и западом Римской империи, вынудил Константина Великого покинуть свою столицу, чтобы разбить наглеца в Паннонии и преследовать его до Лиона? Разве мы не видели чуть позже главаря франков Сильвана,⁴⁴ который, находясь во главе пехоты, присвоил императорский сан и процарствовал там, где нынче Кёльн, всего двадцать восемь дней?

Юлиан всю юность провел практически в ссылке – под надзором в резиденциях, расположенных на территории сегодняшних Греции и Италии. Воспитанный в христианской вере, он вскоре отверг ее и с радостью вернулся к практике древних, языческих культов. Может быть, его подтолкнули к этому чересчур уж прекрасные примеры «милосердия и любви к ближнему», которыми изобиловала история его семьи? А может быть, он питал врожденное отвращение к конфликтам и интригам, раскалывавшим духовенство, проповедующее новую религию, при которой раскол следовал за расколом, при которой каждый объявлял соседа еретиком? Впрочем, скорее всего, Юлиан, проникшись эллинистической философией,⁴⁵ которую он долго изучал в изгнании, обернулся лицом к религии, которую неверно называли языческой, как к самому чистому отражению этой философии. Кроме того, с политической точки зрения Юлиан обнаружил в христианстве принципы, противоречащие принципу абсолютной власти, заложенному в основу Римской империи,⁴⁶ а стало быть, непригодные для сохранения этой империи.

Память о Юлиане Цезаре была запятнана, и вплоть до наших дней его имя неизменно сопровождается прозвищем Отступник, намеренно приклеенным к нему историками Церкви, хотя Юлиану гораздо больше подошел бы титул Реставратора.

Этот молодой человек куда более склонен был учиться словесности, чем воинскому искусству... Этот молодой человек даже в палатке во время отдыха между сражениями продолжал сочинять эпиграммы, писать мемуары, эссе, посвященные догматам, и оды Солнцу... Этот молодой человек в первый же год своего командования войсками вымел с территории между Вогезами и Кёльном аламанские племена,⁴⁷ но чуть не погиб, застигнутый врасплох в Сансе, когда аламанское войско добралось-таки до города и осадило его. На второй год Юлиан все же разбил объединенную франко-аламанскую армию, а одержав решительную победу, прогнал побежденных с левого берега Рейна, который они занимали.

Странное время, когда границы были условны, а линии, разделявшей народы, власти и религии, не было вовсе! Франкские племена мы видим среди захватчиков, но выступавшие

⁴³ *Максенций* (Марк Аврелий Валерий, *лат.* Maxentius; 306–312) – римский император, сын Максимиана. Воспользовавшись недовольством римлян фискальными мерами Галерия, Максенций с помощью преторианцев захватил власть и убедил отца снова стать императором. Разгромив войска Флавия Севера и Галерия, укрепился в Риме и пять лет правил Италией и Африкой. Когда он под предлогом мести за смерть отца приказал уничтожить в Риме статуи Константина Великого и готовить против него поход, Константин перешел Альпы, разбил его военачальников при Турине и Вероне и его самого в битве у Сакса-Рубра на Тибре. Во время бегства Максенций утонул в Тибре.

⁴⁴ *Сильван* (*лат.* Flavius или Clodius Silvanus) – римский император-самозванец, любимец Констанция. Находясь во главе войск в Галлии, провозгласил себя императором в колонии Агриппина (Кёльне) и был убит после 28-дневного царствования.

⁴⁵ *Эллинистическая философия* – последний период развития философии Древней Греции, античной философии, следовавший за Аристотелем. К основным чертам эллинистической философии относят этическую направленность и адаптацию восточных религиозных моментов. Пять ее школ представлены киниками, стоиками, эпикурейцами, сторонниками скептицизма и, наконец, неоплатонизма.

⁴⁶ Римская доктрина государственности была основана на принципе абсолютной власти государства. Носителем этой власти в императорский период был цезарь, но, собственно, в качестве делегата сената и народа. Это была власть республики, переданная в руки единоличной власти. (Формулировка Б. Башилова.)

⁴⁷ *Аламаны* – самоназвание германских племен.

против них войска тоже большей частью состояли из франков. Нашествие варваров?⁴⁸ Нашествием этим Европа обязана не столько самим варварам, сколько императору Констанцию, открывшему им широкую дорогу в Галлию в надежде, что таким образом создаст непреодолимые трудности для своих взбунтовавшихся военачальников. Варвары переусердствовали, откликнувшись на приглашение, и Констанций поручил Юлиану поставить их на место. Интересно, когда император давал это поручение, кому он желал поражения: варварам или все-таки своему возможному наследнику? Как бы то ни было, Юлиан обнаружил, что некоторые из отданных под его командование военачальников не слушаются приказов, надеясь тем самым услужить императору.

Но вот наконец-то Юлиан победил всех: и врагов, и друзей, у Галлии обозначилась граница по Рейну – совсем как в счастливые времена Августа⁴⁹ или Траяна,⁵⁰ а ее почтовые станции и перегоны⁵¹ охранялись преданными цезарю войсками.

Вместе с безопасностью в Галлию вернулось процветание. Главную свою резиденцию Юлиан разместил в *civitas parisiorum*⁵² – по примеру Цезаря, разместившего там Галльскую ассамблею, и по тем же причинам.

А парижане к тому времени начали бояться вторжений с востока (аламаны стояли в двадцати пяти лье от Лютеции) и потому с благодарностью приняли просвещенного государя, который отвел от них столь близкую и реальную угрозу. Юлиан показал себя таким же мудрым правителем, каким великолепным был полководцем. Он пресек злоупотребления сборщиков налогов и пошлин, и ему удалось сократить сборы на две трети. Отныне Галлия только и делала, что на все голоса – просто до хрипоты! – восхваляла цезаря Юлиана.

В Лютеции снова выстроились вдоль берегов рыболовы с удочками, по Сене вновь пошли суда, потянулись баржи, нагруженные зерном, винами, шерстью и кожей. Заполнились товаром

⁴⁸ *Варвары* (barbari) – у древних греков все иностранцы, у римлян все неримляне и негреки.

⁴⁹ *Август* (Augustus; 63 год до н. э. – 14 год н. э.) – основатель Римской империи. В юности звался Гаем Октавием, поскольку носил имя своего отца, умершего в 59 году до н. э. В 44 году до н. э. был усыновлен Цезарем, получил имя Гай Юлий Цезарь Октавиан, и в течение полутора десятилетий его знали как Октавиана. Вскоре после 40 года до н. э. Август сделал своим первым именем титул «император», ранее присваивавшийся победоносным римским полководцам. Наконец, 16 января 27 года до н. э. решением сената ему был присвоен почетный титул Августа, которым прежде наделяли лишь божественные и священные места и предметы. Однако по римской традиции родовое имя Юлиев продолжало использоваться Августом для названия введенных им законов, потому они и известны как законы Юлия. Что касается Галлии, то в 27–13 годах до н. э. Галлия к северу от Нарбоннской Галлии (современный Прованс) была им преобразована в три провинции, а командование римскими легионами на Рейне было от них отделено.

⁵⁰ *Траян* (Marcus Ulpius Traianus; 53–117) – римский император, родился в Италике (Испания, близ современной Севильи). В период своего царствования много и победоносно воевал. Это позволило ему провести в жизнь обширную программу общественного строительства: в империи улучшились дороги и были модернизированы порты. В частности, по *Via Traiani* – дороге, построенной при Траяне, – «легко можно было пройти от Понтийского моря до Галлии» (Аврелий Виктор, «О Цезарях», XIII). Траян был популярен в народе и сохранял хорошие отношения с сенатом и армией. Древнеримский историк, один из великих представителей мировой литературы, Тацит (ок. 56 – ок. 117) определил период правления Траяна как «beatissimum saeculum» – «счастливейший век», таким этот век и остался в сознании современников и потомков, а всем последующим императорам сенат желал быть «счастливее Августа и лучше Траяна» («felicior Augusti, melior Traiani»).

⁵¹ Основы государственной почты заложил Гай Юлий Цезарь, а возникла она и получила значительное развитие при императоре Августе. В те времена почта называлась *cursus publicus* (государственная почта), была подчинена непосредственно императору и запрещена для частных посланий. Благодаря единой почтовой сети существовала связь между отдельными частями Римской империи. Почтовые перевозки осуществлялись на суше с помощью лошадей, по морю – на кораблях. В более крупных центрах были учреждены станции летучей почты (*mansiones*, позднее *stationes*), которые служили для отдыха и ночевки путешествующих всадников и возниц и обыкновенно отстояли одна от другой на день пути. Здесь стояли наготове верховые и вьючные животные и, на случай нужды, повозки. Между каждыми двумя *mansiones* (на расстоянии 7–14 км) были устроены 6–8 более мелких станций (*mutationes*) для перемены лошадей. В те времена могли говорить: «*Statio posita in...*» – что означало «станция, расположенная в таком-то месте». От латинского слова «*posita*», вероятнее всего, и произошло слово *post* – «почта».

⁵² Дословный перевод – «город паризиев».

городские амбары и склады. Заработали каменоломни в карьерах Парнасской горы⁵³ и в долине Бьевра:⁵⁴ опять понадобился камень для строительства.

Юлиан прожил в Париже три года – точнее, три зимы, остальное время посвящалось военным действиям и инспекционным поездкам. В эти зимы цезарь и управлял государством, а по ночам – в комнате без огня, как он сам захотел, – писал свои творения.

Позже Юлиан с ностальгией вспомнит: «Я жил тогда в своей милой Лютеции – или, именуюя ее так, как именуют в Галлии, городе Паризиев. Лютеция расположена на острове посреди реки, деревянные мосты соединяют его с обоими берегами. Уровень этой реки редко повышается или понижается: какова она летом, такова будет и зимой. Воду из нее пьют чрезвычайно охотно, настолько она чиста и приятна на вид...»

Он станет петь хвалу мягкому климату древнего Парижа, несмотря на то что однажды видел из окон своей резиденции «плывущие по Сене льдины, точь-в-точь похожие на мраморные доски». Он высоко оценит качество вин и искусство выращивать смоковницы, которое проявлялось в том, что «их одевали, как в платья, пшеничной соломой, чтобы укрыть от холода и ненастья».

Париж вскоре позабудет не только благодеяния, оказанные ему Юлианом, но чуть ли не само его имя. Но тем не менее – подобно ребенку, прожившему какое-то время с мудрым, богатым и всемогущим родственником и всю жизнь носящему потом на себе эту отметину, – в память (пусть бессознательную) о том, как наш город три года был истинной столицей Западной Римской империи, он сохранит привычки главного города – города, который правит, – и вести себя будет как столичный.

Все было бы хорошо, вот только Византию сильно беспокоили все возрастающее влияние Юлиана и популярность его у всех слоев населения. Для того чтобы ослабить цезаря, у него отняли сначала главного сподвижника и самого верного друга – галла по имени Саллюстий, а после этого одному из императорских легатов – за спиной у Юлиана, конечно, – был отдан приказ явиться в Лютецию и увести оттуда больше половины войск, находившихся в подчинении императора, – самых верных и испытанных легионеров цезаря. Констанций потребовал от Юлиана добровольно отправить войска на восток. Население растерялось, что и естественно: люди почувствовали угрозу своей безопасности, они боялись оказаться беззащитными при дальнейших вторжениях. Парижане на улицах умоляли легионеров остаться, женщины протягивали детей уходящим солдатам, а они ведь часто и были отцами этих ребятшек.

Воинские соединения заколебались – главные волнения происходили в среде германских и франкских наемников, которые согласились на вербовку только при условии, что им не придется идти через Альпы. На Марсовом поле была построена трибуна, к которой пришли на последний парад перемещаемые войска. Юлиан пытался успокоить своих людей, но чем сильнее он их уговаривал, чем настоятельнее советовал подчиниться, чем с большим сочувствием выслушивал их жалобы, тем яростнее был их гнев: как же – их хотят оторвать от такого доброго начальника! И вечером солдаты взбунтовались. Мятежники с оружием в руках окружили дворец, скандируя: «Ю-ли-ан! Ав-густ! Ю-ли-ан! Ав-густ!» – а «Юлиан – Август» означало в те времена не что иное, как «Юлиан – император».

Люди, восходящие на вершины власти, имеют обыкновение заверять, что сделали это, уступая напору друзей и исполняя навязанный им долг. На этот раз подобные заверения ока-

---

⁵³ Гора так еще не называлась, ее история началась в XVI веке, когда студенты, изгнанные строительством монастыря с излюбленного места встреч и дуэлей (Пре-о-Клер, Pré aux Clercs), перебрались сюда, назвав древние каменные карьеры Горой Муз, – так буквально переводится название одного из самых знаменитых кварталов Парижа – Монпарнас. Этот, 43-й по счету, квартал столицы Франции стал популярным в начале XX века во время так называемых *Années folles* (Безумные годы), когда здесь в легендарных кафе и кабачках стала собираться вся творческая интеллигенция. В начале XX века сюда приезжали писатели, скульпторы, художники, поэты и музыканты со всего мира, чтобы найти себе дешевую квартиру или комнату – например, в многонациональном общежитии «Улей» (La Ruche).

⁵⁴ *Бьевр* (Bièvres) – река во Франции, сейчас засыпанная.

зались бы правдивыми. Никогда еще властитель не находился перед более ясным и определенным выбором – перед выбором, который требовалось осуществить безотлагательно: между верховной властью и смертью. Потому что солдаты непременно убили бы Юлиана, если б он, отказавшись, тем самым их предал.

Но все же цезарь колебался, всю ночь он провел в раздумьях, стоя у открытого окна, молился Юпитеру, «повелителю царей и планеты, наделяющей властью», просил подсказать решение. Смотрело ли его окно на колонну Юпитера?⁵⁵ Как бы то ни было, утром Юлиан вышел из дворца. Его встретили тысячи голосов, требовавших ответа. Он еще раз попытался успокоить войска, уверяя, что добьется для них снисходительности и милосердия со стороны императора Констанция, но они и знать не хотели никакого императора, кроме самого Юлиана. Его подняли на щите пехотинца – впервые римский цезарь был, на франкский манер, поднят на щите. И все это происходило на том самом участке земли, где сейчас возвышается собор Парижской Богоматери!⁵⁶

Поскольку не нашлось тиары, чтобы увенчать ею нового императора, ему посоветовали взять взаймы диадему у своей супруги, но Юлиан отказался начинать царствование в женском уборе. Кто-то предложил воспользоваться для такого случая позолоченной серебряной деталью конской сбруи, напоминавшей очертаниями корону и украшавшей собой подгрудный ремень офицерского коня. «О нет! – воскликнул Юлиан. – Надевать на себя конскую сбрую я тоже не хочу!» В конце концов взяли золотой обруч, украшавший древко знамени, – собственно, даже не обруч, а ленту, которой и обвязали голову провозглашенного солдатами императора.

После такой вот коронации те же самые войска, что так противились походу на восток, радостно двинулись на Константинополь под командованием своего кумира. Это случилось в июле 360 года. Два императора – один из Лютетии, другой из Сирии, где пришлось подавлять беспорядки, – уже двигались навстречу друг другу,⁵⁷ когда Констанций скоропостижно скончался, в последний момент назначив своего соперника законным наследником престола. А Юлиан проживет еще два года и умрет на обратном пути после неудачного Персидского похода в азиатских пустынях, уже ставших губительными для Александра Великого, – от смертельной раны.⁵⁸ Ему был тридцать один год. Судьба Юлиана могла бы стать иллюстрацией к известному правилу: «Лучше прожить недолго, совершая хорошие поступки, чем долго, совершая плохие».

Париж, забывчивый Париж, скажи, где памятник твоему первому императору, где площадь, название которой напоминало бы о первом твоём «возлюбленном», этом молодом человеке, который явился к тебе из Византии, спас от вражеских вторжений, выбрал тебя, чтобы править, и был провозглашен правителем в твоих стенах? Где памятник этому «язычнику»,

⁵⁵ Напомню, что на каждой из четырех сторон этой колонны находилось по изображению одного из кельтских богов.

⁵⁶ *Собор Парижской Богоматери* (Notre-Dame de Paris) – памятник ранней французской готики, находящийся в Париже на острове Сите и ставший образцом для многих церквей Франции и других стран. Для архитектуры этого кафедрального собора характерно сочетание черт романского стиля (горизонтальные членения фасадов, частично необработанные поверхности стен, простота архитектурного декора) с новым, готическим пониманием пространства здания и применением новых конструкций (стрельчатая арка, аркбутаны). Собор начат в 1163 году, в основном закончен к 1257-му. Он был сильно обновлен реставрацией XIX века, однако реставраторы при этом сумели сохранить органическую цельность его архитектурного облика.

⁵⁷ Юлиан уже овладел альпийскими проходами, основал свою главную квартиру в Нише, принял под свою власть Иллирик, Паннонию и Италию. Он передвигался очень быстро, и для войны были уже собраны громадные средства – и вот тогда-то неожиданная смерть Констанция 3 ноября 361 года освободила Юлиана от необходимости начинать междоусобную войну. 11 декабря 361 года Юлиан вступил в Константинополь как прямой и законный наследник римских императоров. Сторонники Констанция и люди, близко к нему стоявшие, подверглись со стороны нового императора жестоким преследованиям и карам.

⁵⁸ По некоторым сообщениям историков, раны были нанесены Юлиану чем-то им обиженным солдатом его собственной армии. Согласно другим слухам, смерть Юлиана на самом деле была самоубийством: поняв, что положение его армии безнадежно, он искал смерти в бою и кинулся на вражеское копьё. Из всех его современников лишь его друг, знаменитый оратор Ливаний, написал, что императора убил христианин, однако и он признает, что это лишь предположение. Языческий историк Аммиан Марцеллин пишет о смерти Юлиана как о трагическом несчастном случае, вызванном неосторожностью.

который был мудрее, просвещеннее, человечнее – словом, лучше по всем статьям, чем многие жестокие святоши, владевшие тобой?

Оправдать столь неверную память удаленностью во времени у нас не получится: Юлиана от святой Женеьевы⁵⁹ отделяют всего девять десятилетий – меньше, чем прошло от войны 1870 года до наших дней.

Победа Аэция⁶⁰

У Парижа уже имелись свой собственный победитель, основавший город, свой собственный святой, он же революционер, свой первый мятеж и свой первый император. А скоро он увидит свою первую ясновидящую и – одновременно с ней – своего первого спасителя.

После кончины Юлиана, а точнее, после кончины императора Феодосия (в 395 году)⁶¹ снова явились варвары. Они вовсе не были такими неуправляемыми ордами дикарей, не были такими примитивными разбойниками и грабителями, какими мы их себе представляем. Этот термин «варвары», став именем нарицательным, несколько затуманивает для нас картину. А ведь у них, у истинных варваров, были законы и властители, правила наследования и кутюмы⁶² – как основные источники уголовного права, если не промышленность, то ремесла, представительные ассамблеи, сильно продвинутая для своего времени военная подготовка. И все это непрерывно менялось и совершенствовалось в результате постоянного соприкосновения с римскими нормами.

Как уже говорилось выше, многие варвары поступали на военную службу к римлянам, служили в императорских войсках, а многие другие использовались крупными галлороманскими собственниками в качестве рабов или колонов.

В то время, о котором мы говорим, варвары – это были целые народы, которые искали, где бы им обосноваться, проявляя удивительное чутье в отношении «экономических регионов», как сказали бы сегодня наши эксперты, а если проще – речь идет о дорожной сети, о водных путях, о городах с активным населением, о природных ресурсах.

Вестготы после долгих и удивительных странствий, во время которых они полностью разорили Грецию и Италию, обосновались наконец в Аквитании, главными городами которой

---

⁵⁹ *Женеьева* (фр. Geneviève, лат. Genovefa; 420 или 423–502) – святая покровительница Парижа. С пятнадцатилетнего возраста будущая святая вела строго аскетическую жизнь; в 451 году, когда Парижу угрожали вторгшиеся в Европу орды Аттилы, Женеьева предсказала, что город будет спасен. Потерявшие надежду земляки хотели убить молодую женщину, но Аттила действительно отвел свои орды от города в сторону Каталаунских полей, где и был разбит. После этого слава Женеьевы возросла. Она завоевала уважение не только этим предсказанием, но и щедростью, безупречной нравственностью и пламенной верой. Почти сразу после смерти Женеьевы стала почитаться святой покровительницей Парижа, ее мощи были объектом почитания. Во время вражеских нашествий, эпидемий и прочих стихийных бедствий раку с мощами носили по парижским улицам, а в храмах молились святой. Во время Французской революции мощи святой были сожжены на Гревской площади – традиционном месте казней. Чудом сохранившиеся остатки раки сейчас находятся в парижской церкви Сент-Этьен-дю-Мон (Saint-Étienne-du-Mont). Строительство грандиозного храма в честь святой Женеьевы было начато в 1758 году и продолжалось до 1789 года, однако революционные власти превратили новопостроенную церковь в некрополь для погребения великих людей Франции – Пантеон. Там и сегодня можно увидеть крупные настенные росписи, иллюстрирующие разные моменты жизни Женеьевы. В 1928 году статуя святой, вознесенная на 15-метровом пилоне, украсила вновь возведенный мост Турнель (Pont de la Tournelle) в Париже. Кстати, Женеьева является и местной святой Русской православной церкви, причем день памяти ее у католиков и православных один – 3 января.

⁶⁰ *Аэций Флавий* (Flavius Aëtius; ок. 390–454) – римский полководец. В 451 году, в битве на Каталаунских полях, римские войска и варвары, их союзники, разгромили под руководством Аэция гуннов во главе с Аттилой.

⁶¹ *Феодосий I* (Феодосий Великий, лат. Flavius Theodosius; 346–395) – римский и византийский император с 379 по 395 год, последний император, царивший в воссоединенной империи.

⁶² *Кутюмы* (от фр. coutume – обычай) – правовые обычаи отдельных провинций, округов, городов древней и феодальной Франции. На севере Франции кутюмы существовали в устной форме, на юге в качестве общего обычая действовало упрощенное римское право, которое дополнялось местными кутюмами, получившими письменное оформление. В XIII веке появились первые писанные частные сборники кутюм. Окончательно они утратили силу как источник права только с принятием в 1804 году Кодекса Наполеона.

стали Бордо и Тулуза. Однако их король Атаульф,⁶³ хотя он Рим и захватил, и разграбил мимоходом, тем не менее возомнил себя защитником его величия и наследником всех его императоров. Почему бы и нет? Разве он не женат на сестре Гонория,⁶⁴ дочери Феодосия Великого?

Часть аламанских племен устроилась в Эльзасе. Бургунды, подарив свое имя Бургундии, сосредоточились затем большей частью в Савойе. И пока саксонцы⁶⁵ искали возможности осесть на берегах Северного моря и Ла-Манша, франки, начав с левого берега Рейна, Меузы и Самбры, не переставали продвигаться на юг.

Ни один из этих народов не проповедовал анархизма и не применял его на практике для себя самого, зато Галлия в результате их сражений друг с другом пришла в состояние полной анархии и смятения. Захватчики, императоры по случаю, возникали то в Бретани, то в Майнце, и пурпурная мантия⁶⁶ переходила с плеч на плечи порой весьма неожиданно.

Единственным, кому и в голову не приходило на нее претендовать, был тот, кто был бы достоин ее благодаря своему авторитету, своей прозорливости, трезвости взглядов, исключительной энергии: римский военачальник Аэций. То воюя с варварами, то проводя с ними переговоры и заключая сделки, то становясь их союзником, он ухитрялся в течение двадцати пяти лет сохранять относительное единство Галлии, спасти главные промышленные и ремесленные центры, обеспечивать стране на какое-то время шаткий мир, чтобы она могла перевести дыхание и залечить раны. Это он заставил бургундов остаться в Савойе и Швейцарии, он ограничил экспансию готов, угрожавших долине Роны, он остановил короля франков Хлодиона⁶⁷ на берегу Соммы и оттеснил его в Турнези.⁶⁸

А что происходило в это время с Парижем? Париж дрожал от страха, но Аэций защищал его, Аэций постоянно вел переговоры или сражался на границе круга, центром которого было место, откуда осуществлялась власть, – город Париж, и этот круг непрерывно сужался и расширялся. А дрожать у Парижа были веские основания. Если Галлию наводнили варвары, такие многочисленные и такие разнообразные, то лишь потому, что на них наступали совсем уж дикие орды гуннов.

---

⁶³ Атаульф (или Атольф, Athaulf) – король вестготов, шурин и преемник Алариха, правил в 410–415 годах, завладел Галлией и женился на Платидии, сестре императора Гонория. Убит в Барселоне.

⁶⁴ Флавий Гонорий Август (лат. Flavius Honorius Augustus; 384–423) – первый западноримский император после окончательного разделения империи на Западную и Восточную, сын императора Феодосия I. Его правление – период торжества варваров и усиливающегося распада Западной Римской империи. При нем готы захватили и разграбили Рим (410). Женой Атаульфа была знаменитая своим равеннским мавзолеем Галла Платидия.

⁶⁵ Тогда – германское племя, в 597 году были обращены в христианство.

⁶⁶ Пурпур (от лат. *purpura*) – природное красящее вещество красновато-фиолетового цвета, содержащееся в пурпурных железах морских брюхоногих моллюсков – иглянок, или пурпурных улиток. Открытие пурпура приписывают финикийцам, а применять его для крашения стали как минимум за 1600 лет до н. э.; об использовании пурпура упоминают древнеегипетские папирусы, Плиний Старший и другие источники. В Древнем Риме одежда, окрашенная пурпуром, служила отличительным знаком высших должностей.

⁶⁷ Хлодион (Клодио, Клодион или Хлогион, по прозвищу Длинноволосый или Косматый, *фр.* Clodion «le Chevelu»; ок. 395–448) – глава салических, то есть западных, франков и первый король из династии Меровингов в начале V века. По-русски его традиционно называют Хлодионом. Прозвище, как всегда, не случайно. Если знатные римляне, желая подчеркнуть свою цивилизованность, коротко подстригали волосы, то у франков все было наоборот. Длинные волосы у них символизировали свободу, благородное происхождение и, более того, королевскую власть. А начиная с легендарного Меровея, следующего после Хлодиона короля и родоначальника династии Меровингов, бывшего якобы сыном морского божества, длинные волосы стали дополнительно обозначать и полубожественный статус короля. Все франкские короли известны в истории как «длинноволосые»: насильственно обрезать им волосы было все равно что сместить их с престола.

⁶⁸ Современный бельгийский город Турне (Tournai, *флам.* Doornik) назывался в древности Civitas Nerviorum, Turris Nerviorum или Tornacum. В V веке он был отнят у римлян франками и отчасти разрушен, но вскоре после этого снова отстроился и до Хлодвиг служил резиденцией меровингских королей. Со времени разделения франкской монархии образовал особую провинцию – Турнези (Tournaisis).

Поначалу разделенные на независимые племена гунны как раз тогда обрели вождя, которому удалось навязать им единовластие. Его называли Аттила,⁶⁹ что в переводе означало «маленький отец». Истории не известно никакое другое его имя.

Этот неистовый азиат обладал умом политика, и ужас, который он наводил на всех, был частью его тактики. Когда ему не удалось атаковать империю с востока, он повернул к Риму, объявив себя другом и защитником Вечного города. Аттила рассчитывал получить в качестве семьсот пятидесятой жены принцессу Гонорию, сестру западноримского императора Валентиниана III, и заверил посланников, что он хочет войти в Галлию исключительно ради борьбы с вестготами. Возможно, в этом его заявлении и содержалась частица правды. Похоже, Аттиле и впрямь хотелось свести счеты – как знать, личные или древние, дедовские – с готскими народами, и это дело не стоило откладывать в долгий ящик.

В начале весны 451 года гунны, чьи ряды ощутимо умножились всей германской чернью, подонками из подонков, перешли через Рейн неподалеку от Вормса, к югу от Майнца. Перед тем, на последнем большом отрезке пути, они обратили в пепел Кёльн и, по преданиям, замутили там одиннадцать тысяч девственниц.⁷⁰ Ужасные слухи далеко опережали сам ужас.

Шестого апреля загорелся Мец, потом стало известно, что гунны уже в Вердене, Лане, Сен-Кантене, что они уже в Реймсе, что они достигли берегов Марны... Донельзя запуганные беженцы с севера и востока целыми толпами стекались к мостам Лютеции, теснились перед ними, заполняли улицы города, жили под открытым небом в надежде, что скоро удастся перебраться на тот берег. Римская администрация снялась с места, отступила к Орлеану, к Туру, к Аквитании, где вестготы, перед лицом близкой опасности, внезапно почувствовали себя солидарными с должностными лицами империи в деле защиты галльской земли. Не вчера это началось: стоит наступить панике, как власти скорее-скорее берут путь на Бордо.

⁶⁹ Аттила – завоеватель, каган (вождь) гуннов в 434–453 годах, правил сначала вместе со своим братом Бледой, с 444 или 445 года, а убив Бледу – единолично. В 434–441 годах, подчинив аланов, остготов, гепидов, герулов и многие другие племена, создал могущественный племенной союз, контролировавший огромную территорию от Рейна до границ Китая. На Каталаунских полях (долина Марны), к западу от Августобоны (совр. Труа), 23 июня 451 года состоялась «битва народов», в которой объединенные силы римлян, вестготов, бургундов и франков под началом Аэция нанесли поражение Аттиле, но разгром гуннов не был довершен, и им позволили уйти за Рейн. В 453 году, в разгар подготовки к вторжению в Восточную Римскую империю, Аттила в своей ставке в Паннонии неожиданно скончался от кровоизлияния. Есть версия, что он был убит своим оруженосцем по наущению Аэция. По преданию, похоронен в трех гробах – золотом, серебряном и железном; его могила не найдена до сих пор. После смерти Аттилы гуннский союз распался. Гунны считали Аттилу сверхъестественной личностью, обладателем меча бога войны, дарующего непобедимость. Он стал персонажем германского и скандинавского героического эпоса: в Песни о Нибелунгах он фигурирует под именем Этцеля, в Старшей Эдде – Атли. Для христиан V века Аттила являлся «Бичом Божиим», наказанием за грехи язычников-римлян, и в западной традиции утвердилось представление о нем как о самом страшном враге европейской цивилизации. Его образ привлекал внимание многих писателей, композиторов и художников.

⁷⁰ Автор статьи «Мученики» в «Словаре средневековой культуры» (М., 2003. С. 331–336) М. Ю. Парамонова пишет по этому поводу так: «Несмотря на то что в эпоху позднего Средневековья папство пыталось осуществить своеобразную „ревизию“ этих культов [мученичества] с точки зрения подлинности почитаемых святых, в массовом сознании их достоверность не подвергалась сомнению. Одним из наиболее ярких примеров такого рода является почитание св. Урсулы и одиннадцати тысяч девственниц в Кёльне. Исходным основанием для его развития послужила сделанная на камне краткая надпись, относящаяся к эпохе поздней Античности или раннего Средневековья. Она повествует о том, что некий Клемаций, принадлежавший к сенаторскому сословию, воздвиг базилику на месте мученичества святой девственницы. Эта надпись стала ядром легенды об Урсуле, созданной и зафиксированной в многочисленных средневековых исторических сочинениях... Само имя Урсулы появляется только в X веке; вероятно, его обнаружили на одном из древних надгробий и соотнесли со святой мученицей, которой была посвящена церковь. Предание об одиннадцати тысячах девственниц, погибших вместе с ней, возникло в результате ошибочного прочтения одного из церковных календарей IX–X веков и нашло свое „подтверждение“ в факте соседства базилики с многочисленными захоронениями сохранившегося со времен Античности кладбища. В завершённом виде история Урсулы была зафиксирована в эпоху высокого Средневековья и воспроизводилась в многочисленных сборниках легенд о святых. В них повествуется о том, что Урсула, дочь некоего британского короля, возвращаясь из паломничества в Рим, вместе со своими спутницами и другими христианами была захвачена гуннами, казнившими своих пленников».

Аттила. Миниатюра Нюрнбергской хроники. XV в.

Парижане совсем потеряли голову: в страшной растерянности они начали громоздить на повозки полные сундуки добра, укладывать туда свои постели, горшки и прочую кухонную утварь. Лютеция готовилась к великому исходу.

И вот тогда вмешалась молоденькая девушка, по нашим понятиям – еще девочка (ей было всего пятнадцать лет), вместе с двумя подругами-ровесницами основавшая в окрестностях Нотр-Дам первый женский монастырь. Тощенькая и физически слабая Женевьева, сжигаемая огнем веры, истязавшая себя постами до такой степени, что запретила себе есть ячмень и бобы, стала переходить с улицы на улицу, призывая парижан остаться. «Встаньте на колени и молитесь! Я знаю, я вижу: гунны сюда не придут!»

Первое чудо, чудо и для нее самой, – девочке поверили. Парижане встали на колени и затянули псалмы.

А второе чудо: Атила не пришел.

Но второе чудо объяснить проще. Поскольку вождь гуннов держал в голове главным образом вестготов, он и решил сначала двинуться на Орлеан, выбрал более короткий путь в Аквитанию, оставив Париж на потом, про запас. Почти так же поступит через много веков Гитлер: в 1940 году он пойдет на Париж вместо того, чтобы пойти на более дальний Лондон. Одна и та же внезапная ошибка в стратегии и в суждениях.

Аэций, только вернувшийся из Италии, собрал всех, кого мог собрать, и 24 июня обрушился на Атилу, занятого осадой Орлеана. Помощь подоспела вовремя: еще немного – и город бы пал. Орды гуннов, которые пришли с азиатских плоскогорий и которым оставалось каких-нибудь восемьдесят лье до Атлантики, были ошеломлены. Они-то привыкли, что Европа разбегается, едва завидев гуннов, а тут – атака! Гунны отступили.

Опасность – великий объединяющий стимул, Аэций был великим полководцем, а обстоятельства сделали так, что он пришелся как нельзя кстати.

Аэций добрался до Парижа, сделал все для того, чтобы туда вернулись власти, и в течение трех месяцев занимался воссоединением народов Галлии – как древних, так и самых «новых». Ах! Если бы Атила захватил всю долину Сены, франки никогда не присоединились бы к этой общности и коалиция, скорее всего, оказалась бы невозможна.

Двадцатого сентября, находясь во главе армии, солдаты которой пришли из четырех главных точек Галлии и в которой вестготы, арморикане,⁷¹ франки и бургунды шли бок о бок с галлороманскими воинскими подразделениями, Аэций вновь атаковал гуннов. Это произошло на Каталаунских полях, на равнине, которая простиралась между Шалоном и Труа.

---

⁷¹ Они жили на землях между современной Бретанью и устьем Сены.

Св. Женеви́ева. Деталь скульптурного убранства старой церкви аббатства Сен-Жене-вьев. Романский стиль. XII в.

Аэций, Аттила... Битва между двумя «А» продолжалась трое суток, была великой битвой – ожесточенной, решающей. Это было одно из самых решающих сражений в истории – и одно из самых кровопролитных. Аттила, отброшенный на линию позади его обозов, уже готов был взойти на костер из конской сбруи и военных трофеев – опять немножко похоже на Гитлера с его бункером! Однако он все-таки смог быстро уйти – помогли наступившие сумерки. Он снова перешел Рейн с остатками армии гуннов, год спустя напал на Северную Италию и скоропостижно скончался в 453 году, во время своей семьсот семидесятой или восьмидесятой первой брачной ночи в объятиях некой германки по имени Ильдеко или Ильдико, – вот таким в общем-то веселым образом закончилась жизнь человека, которого называли Бичом Божиим...

Его соперник, Аэций, умер в следующем, 454 году: его убили по наущению Валентиниана III – тем самым лишившего империю ее последнего оплота... Что ж, в этом поступке проявилось столько же дурости, сколько несправедливости и неблагодарности!

В 455 году король вандалов Гензерик⁷² вошел в Рим со своей армией. Двадцать лет спустя германец Одоакр⁷³ объявил себя королем Италии, и Византийский престол был официально извещен о том, что на Западе больше нет римского императора...

Изображение Женевиэвы, святой покровительницы Парижа, во всей ее каменной худобе, украшает перекинутый через Сену мост Турнель.⁷⁴ Имя этой святой было дано сначала только часовне, потом улице, на которой стояла часовня с мощами Женевиэвы, и наконец – целой «горе». Культ покровительницы Парижа оправдан и справедлив, почести, ей воздающиеся, заслуженны. Однако на каком мосту мы найдем статую, назначение которой – напомнить нам об Аэции? Где стела или хотя бы мраморная доска с именем первого освободителя Галлии? А ведь поди пойми, помогла бы или нет молитва святой без деяний полководца...

Аэция окрестили «последним из римлян», точно так же его могли бы назвать «первым французом». История нашей независимости начинается именно с этой прописной «А».

Короля салических франков, который сражался рядом с Аэцием на Каталаунских полях, звали Меровеем.⁷⁵

⁷² Гензерик (Гейзерих, *лат.* Geisericus; ум. 477) – король вандалов, правил в 428–477 годах. Готский историк и епископ VI века Иордан написал о нем так: «Гизерих был невысокого роста и хромым из-за падения с лошади, скрытный, немногоречивый, презиравший роскошь, бурный в гневе, жадный до богатства, крайне дальновидный, когда надо было возмутить племена, готовый сеять семена раздора и возбуждать ненависть».

⁷³ Одоакр (Odoaker) – германский предводитель из племени ругиев, в 470 году поступил на военную службу в Италию, затем 26 августа 476 года принудил западноримского императора отказаться от престола, присвоил себе титул короля Италии, но в 489 и 490 годах его победил в трех сражениях остготский король Теодорих, после чего в 493 году Одоакр сдался ему в Равенне и во время пира был Теодорихом убит.

⁷⁴ Мост Турнель (Pont de la Tournelle) был построен в 1651 году на месте деревянного моста Короля, стоявшего здесь с 1370 года.

⁷⁵ Меровей (или Меровиг, *лат.* Meroveus или Merovius, *фр.* Mérovée, *нем.* Merowech; ок. 411 – ок. 457) – легендарный вождь салических франков, правил примерно с 448 по 457 год. Многие историки сомневаются, существовал ли этот король на самом деле, однако важно то, что именно этот король дал имя всей династии Меровингов. Короли же из этого рода никогда не оспаривали существование Меровея и гордились тем, что ведут свой род от него. В исторических источниках об этом короле нет практически никакой информации – о нем повествуют лишь несколько хроник. По легенде, Меровей был рожден женой Хлодиона от морского чудовища. Это предание записал в VII веке летописец Фредегар, но, вероятно, оно было известно и ранее: «Утверждают, что, когда Хлодион летней порой остановился на берегу моря, в полдень его супругой, отправившейся на море купаться, овладел зверь Нептун, похожий на кентавра. Впоследствии, забеременев то ли от зверя, то ли от человека, она родила сына по имени Меровей, и по нему затем франкские короли стали прозываться Мервингами» (Фредегар, «Хроника»). Некоторые же современные исследователи пришли к выводу, что Меровей на самом деле был зятем Хлодиона, – он был женат на его дочери Клодсвинте (Clodowinthe; 418–449). Интересно происхождение имени Меровея: окончание на – wig/weg/veus может быть связано со словами «путешествие», «дорога» в разных языках. Если принять данную точку зрения за истинную, то имя Меровига, или Меровея, может переводиться «из-за моря» или даже «рожденный морем».

Золотая монета с портретом императора Юлиана

II. Столица франков

Решение Хлодвига⁷⁶

Женевьева была еще жива, когда внук Меровея Хлодвиг – он же Людвиг, то есть Людовик, Луи – сорок лет спустя после смерти Аэция бросил из своей тогдашней столицы, Реймса, взгляд завоевателя на Париж.

Пятнадцатилетний Хлодвиг был избран королем салических франков после смерти отца, короля Хильдерика, и всего за одно десятилетие добился власти над всеми франкскими племенами. В двадцать пять лет он владел землями от устья Шельды⁷⁷ до истока Соны,⁷⁸ от берегов Соммы до берегов Мозеля. Кроме того, он разгромил под Суассоном главного противника франков – авантюриста Сиагрия,⁷⁹ который присвоил себе странный титул «короля римлян» и правил весьма непрочным «Римским государством», раскинувшимся от Соммы до Луары. Став хозяином древней имперской провинции Бельгика Вторая⁸⁰ и всей нынешней Северной Франции, Хлодвиг рассудил, что было бы вполне логичным взять под свое крыло и паризиев. Точнее – подчинить их своей власти.

Однако Женевьева, все еще в ореоле воспоминания о своей «победе над гуннами», снова воплотила в себе «дух сопротивления»: она опять призвала своих земляков к борьбе, теперь – с варварами, язычниками, идолопоклонниками-франками.

Она не давала угаснуть мужеству соотечественников, она руководила обороной города и между двух атак сама сопровождала одиннадцать барж до Арси-сюр-Об и Труа,⁸¹ чтобы привезти оттуда съестное. Такое ощущение, что именно она в это время руководила всей жизнью Лютетии.

В былые времена Женевьева смогла «победить» Атиллу – потому что Атила до Парижа не дошел, она смогла в недавнем прошлом – и это добавило ей славы – потребовать от отца Хлодвига возврата многих узников, потому что Хильдерик тогда боролся с Сиагрием... А вот перед Хлодвигом ей пришлось склониться, а городу – сдаться. Первые хроникеры, когда наступала необходимость обратиться к этому тягостному делу, либо писали о нем путано и туманно, либо стыдливо его обходили – ну и в результате мы почти ничего не знаем ни о фиаско святой,

---

⁷⁶ *Хлодвиг I* (по-французски Кловис, Clovis; ок. 466–511) – король салических франков с 481 года, позднее – всего Франкского королевства, из династии Меровингов. В 486 году разбил войска бывшего римского наместника Сиагрия (управлявшего небольшой частью Галлии, областью вокруг Суассона), расширив владения салических франков до Луары, что явилось исходным этапом в образовании Франкского государства. Завоевал большую часть земель аламанов (496), изгнал вестготов из Южной Галлии (507), подчинил франков, живших по среднему течению Рейна. В 496 году принял христианство в ортодоксальной форме (другие германские племена придерживались арианства, не признававшего Троицы, но утверждавшего тварное происхождение Христа), что способствовало укреплению его власти, обеспечив ему поддержку духовенства и благожелательное отношение галло-римского населения. Своей резиденцией сделал Париж. Укрепил королевскую власть и превратил ее в наследственную. При нем появилась на свет Салическая правда (или Салический закон, *Lex Salica*), представлявшая собой запись обычного права салических франков на вульгарной латыни с вкраплениями франкских слов и выражений.

⁷⁷ *Шельда* (или Эско, *нидерл.* Schelde, *фр.* Escaut) – река во Франции, Бельгии и Нидерландах.

⁷⁸ *Сона* (*фр.* Saône) – река на востоке Франции, правый приток Роны. В древности Сона называлась Араром.

⁷⁹ *Афраний Сиагрий* (*лат.* Afranius Syagrius; 430–487) – последний сколько-нибудь влиятельный римский полководец, а также последний римский наместник в Северной Галлии, где он правил в 465–486 годах. Сиагрий был родом из галло-римской сенаторской семьи, его отец, полководец Эгидий, установил в Северной Галлии в 456/457–465 годах свое господство, так что Сиагрий попросту унаследовал власть над территорией между Луарой и Сеной со столицей в Суассоне и сумел удерживать ее в течение двух десятков лет. В 486 году Хлодвиг I разбил Сиагрия под Суассоном, он бежал в Тулузу к вестготам, но их король Аларих II выдал беглеца Хлодвигу, который год спустя и казнил «последнего героического римлянина» (определение Л. Н. Гумилева).

⁸⁰ Территориальная реорганизация, предпринятая императором Диоклетианом (245–313, царствовал с 284 по 305 год), привела к разделению Галльской Бельгики на две части: Первая Бельгика и Вторая Бельгика (*Belgica Prima et Belgica Secunda*).

⁸¹ *Арси-сюр-Об* (*Arcis-sur-Aube*) – город во Франции (департамент Об); *Труа* (*Troyes*) – древний французский город, прежде главный город Шампани, теперь департамента Об, на реке Сене.

ни о том, насколько воинственно себя вел по отношению к ней национальный герой. И нам дозволено предположить, что у этого последнего рука была тяжелой...

Тремя годами позже Хлодвиг (возможно, и по любви, но что из политических соображений – точно!) женился на гордой Клотильде,⁸² племяннице короля Бургундии, которая, как всем известно, была христианкой.

У Женеьевы снова появилась надежда – она всегда любила трудные задачи. Если уж она не сумела отделаться от этого франка с помощью оружия, можно завладеть его душой с помощью молитвы. Можно предположить, что Женеьеве удалось быстро завоевать доверие Клотильды и дальше они стали действовать уже вместе, усердно трудясь ради обращения короля.

Неудивительно, что Женеьева была удостоена королевской дружбы и чести стать духовной наставницей короля: она вполне этого заслуживала, ведь о ее храбрости, мужестве, набожности, аскетизме говорили уже чуть не по всему белу свету.

Разве не утверждают, что незадолго до смерти Симеон Столпник⁸³ с высоты столба, где он простоял в окрестностях Антиохии двадцать два года, просил путешественников, отъезжающих на Запад, передать его приветствие творящей чудеса парижанке, которая восторжествовала над Бичом Божьим. На таких вот вещах строится репутация святой... А кроме того, Женеьева обладала даром целительства – она вылечивала невротиков и истеричек, которых в те времена было столько же, сколько во всякие другие, и ее авторитет от этого только возрастал.

Хлодвиг яростно сражался, и суд его был скорым, но тем не менее в вопросах религии он был достаточно терпим. С первых же дней своего правления он стал привечать священнослужителей, брать их себе в советники – как, например, епископа Ремигия.⁸⁴ Король желал заручиться поддержкой церкви и доказал, когда решалось «дело о суассонской чаше», что придавал куда больше цены священному сосуду, чем жизни солдата.⁸⁵

Клотильда добилась от Хлодвига разрешения на торжественное крещение их первенца, но, к несчастью, ребенок очень скоро умер.

⁸² *Клотильда* (или Хродехильда, *фр.* Clotilde, Clothilde; *др.-герм.* Chrodechilde) – женское имя. Считается, что первой его носила святая Клотильда (ок. 475 – ок. 545) – дочь короля Бургундии Хильперика II, вторая жена франкского короля Хлодвиг I с 493 года. Клотильда Бургундская почитается как христианская святая: православные празднуют ее день 3 июня, католики – 4 июня. Эта святая покровительствует невестам, приемным детям, родителям, изгнанникам и вдовам. Именно благодаря Клотильде, которая была не просто христианкой, а католичкой, в отличие от большинства варваров, бывших арианами, Хлодвиг принял христианство в его ортодоксальном (католическом) варианте.

⁸³ Известны имена двух столпников с именем Симеон. По наблюдениям исследователей, их образы нередко сливались в народном представлении. Поэтому нельзя с уверенностью определить, какой из них изображен на иконе. Преподобный Симеон Столпник, родом киликиец, прославился как основатель новой формы подвижничества – столпничества. В 423 году он поставил столб, имеющий площадку на вершине, и уединился на нем, проводя все свои дни в молитвах и проповедях. Его подвиг столпничества продолжался более сорока лет. Память – 1 (14) сентября. Симеон же Младший, или Дивногорец, названный так по имени горы, на которой стоял, жил в VI веке и подражал подвигу Симеона Старшего. Память – 24 мая (6 июня).

⁸⁴ *Святой Религий Реймский* (или святой Реми, *фр.* Remi, *лат.* Remigius; ок. 437–533) – епископ Реймский, апостол франков. Считается, что именно он обратил в христианскую веру салических франков, крестив 25 декабря 498 года первого короля из династии Меровингов Хлодвиг I с тремя тысячами его воинов и приближенных. Это один из ключевых моментов в истории европейского христианства. Именно тогда Реймский собор стал тем местом, где в будущем короновались все короли и императоры Франции.

⁸⁵ Когда франки после победы учинили в Суассоне традиционный грабеж, в христианском храме была захвачена драгоценная чаша. По обычаю, военную добычу собирали в одно место, а потом распределяли между воинами. По просьбе епископа Хлодвиг, нарушая обычаи, решил вернуть чашу храму. Никто из воинов не решился ему перечить, кроме одного солдата. «Хоть ты и вождь, Хлодвиг, никто не давал тебе право нарушать древние обычаи! Вот тебе твоя чаша!» – воскликнул он и с этими словами рассек злополучную чашу секирой. Хлодвиг, по словам первого историка Средневековья Григория Турского, перенес это оскорбление «с терпением и кротостью», однако обиды не забыл и уже следующей весной, во время военного похода, проходя по рядам выстроившихся перед ним воинов, вроде бы случайно остановился напротив того молодого франка, что разрубил суассонскую чашу, внимательно оглядел его вооружение и вдруг, вырвав из рук солдата секиру, бросил ее на землю: «Что это за секира! Она никуда не годится!» Удивленный воин нагнулся, чтобы поднять секиру, которая была не хуже, чем у других, и в этот миг Хлодвиг мечом отрубил ему голову. «Ты разбил мою чашу», – усмехнувшись, пояснил король. Правда, воин этих слов уже не услышал...

Второй сын, которому также устроили пышные крестины, тяжело заболел. Хлодвиг начал сильно сомневаться в защитной силе христианской веры, но тут однажды, вовсе не в Тольбиаке,⁸⁶ как говорят обычно, а где-то между Бонном и Майнцем, его армии, сражаясь с алеманнами,⁸⁷ стали отступать. Суеверный, как все завоеватели, Хлодвиг воскликнул: «Бог Клотильды!..» – и в течение дня отступление обернулось победой.

Историки – и первым это сделал Григорий Турский⁸⁸ – не преминули сравнить Хлодвига с Константином Великим.

Так же как Константин, Хлодвиг обратился в христианскую веру – или утверждал, будто обратился, – на поле битвы после того, как заключил своего рода сделку со Всевышним; так же как Константин, он тут же стал защитником епископов и – одновременно – пользовался их защитой. Подобно Константину, он тут же стал защитником епископов и – одновременно – пользовался их защитой. Подобно Константину, он постоянно искал повода для войны и проявлял неутолимую жестокость в отношении врагов, соперников, родственников. Следом за ним, как и за Константином, двинулись епископы с посохами в руках – отпуская грехи и укрепляя позиции церкви. Просто невозможно себе представить, чтобы пример великого, почитаемого всеми христианами императора не преследовал Хлодвига.

---

⁸⁶ *Тольбиак* – это Цюльпих, город на 35 км юго-западнее Кёльна. И вот как об этой битве пишут историки Франции: «... затем отбил нападение алеманнов в сражении при Тольбиаке и в 507 г. захватил Аквитанию у вестготов, король которых Аларих II был разбит и погиб близ Вуйе. Ко дню смерти Хлодвиг в 511 г. франки стали хозяевами всей Галлии, кроме Прованса» (Жак Ле Гофф, «Цивилизация средневекового Запада»). «Вопрос о принятии христианства занимал короля, и он ясно осознавал выгоды подобного шага; но его останавливало соображение, что языческие боги доставляли победы ему и его воинам, а христианский Бог, Бог побежденных, выказал себя не особенно могущественным. Война подала повод к тому, чтобы Хлодвиг решился наконец сделать шаг, необходимость которого была очевидна. Алеманны, которым готское королевство мешало продвинуться на юг, давно уже теснили рипуарских франков и их короля Сигеберта, при новом нападении алеманнов призвавшего Хлодвиг на помощь (496). Между Рейном и Маасом, при Тольбиаке, дело дошло до битвы, и в этой битве Хлодвиг впервые обратился к Богу христиан со своей языческой молитвой: „Иисус Христос, – так передает эту молитву Григорий Турский, – Хродехильда говорит, что Ты Сын Бога живого и даруешь победы тем, кто на Тебя уповает: если Ты даруешь теперь победу мне, то я в Тебя стану верить и дозволю себя окрестить во имя Твое: ибо я взывал к своим богам, но они мне не оказали помощи“. И вот победа, колебавшаяся то на ту, то на другую сторону, была решена: алеманны обратились в бегство. Их поражение было полным. Они утратили значительную часть своей территории, которую Хлодвиг затем взял себе, включив ее в достояние короны, а некоторую ее долю разделил на участки между своей знатью и воинами» (Всемирная история. Образование Франкского государства).

⁸⁷ *Алеманны* (или аламанны, аламаны, от *герм.* *alle manner* – «все люди», или на алеманнском наречии – *Alemanni*, *Alamanni*) – германское племя, впервые упоминающееся в начале III века. Так называют и германский союз племен, в который вошли племена из распавшихся ранее союзов свебов и маркоманов, а также пришедшие с севера ютунги. Позже стали известны под именем швабов, которые дали название исторической области Швабия в Германии. Язык алеманнов стал основой для верхненемецких диалектов, а от их имени происходят названия Германии и немцев на ряде европейских языков.

⁸⁸ *Григорий Турский* – см. примеч. на с. 17.

Собор Нотр-Дам

Как только Хлодвигу подчинились алеманнские племена, как только святой Ремигий окрестил его, король двинул войска на Бургундию, где царствовал его тесть и жила семья его жены. И если ему и не удалось присоединить королевство к своим владениям, то помешать ему расширяться удалось вполне.

Теперь можно было заняться вестготами, которым Хлодвиг объявил настоящую религиозную войну.⁸⁹ Вестготы были разбиты им в сражении при Вуйе⁹⁰ в 507 году, франкский король

---

⁸⁹ Вестготы были арианами.

⁹⁰ Долина Вуйе (Campus Vogladensis) находилась в десяти римских милях от города Пуатье.

самолично прикончил вестготского короля Алариха II и захватил все принадлежавшие ему территории севернее Пиренеев.

Для того чтобы полностью сравняться со своим римским образцом, оставалось только уничтожить всех членов собственной семьи. Он начал это делать до крещения и продолжил после – до полного истребления. Все главы его рода были по его приказу поочередно убиты.

На одной из ассамблей Хлодвиг во всеуслышание пожаловался на то, что он – словно путешественник на чужбине, что у него нет тыла, что в случае какой неприятности нет больше ни единого родного человека, который пришел бы к нему на помощь... Сделал он это, чтобы убедиться, что никого не забыл! Ни один дальний родственник, если таковой и уцелел, не решился объявиться – родство с королем стало слишком опасным... Епископы же представляли эти трагические кончины, уносившие всех врагов Хлодвигу одного за другим, как знак милости Божьей. После каждого убийства король возводил храм – ох как же много он построил храмов!

Престиж римских институтов власти был еще настолько высок, что Хлодвиг испытал гордость, когда в 508 году, по возвращении с очередной готской войны, получил в Туре – по велению византийского императора Анастасия – знаки отличия римского консула.⁹¹

---

⁹¹ *Консул* (лат. consul) – во времена Римской империи консулы занимали главное место в сенате и вели рассматриваемые в нем уголовные дела. После перенесения столицы в Константинополь в IV веке н. э. консульство было распределено на две столицы, в Риме прекратилось в 534 году, а в Константинополе – в 541-м.

Король Хлодвиг принимает крещение от Св. Ремигия. Миниатюра Хроники Сен-Дени. 1493

Вскоре после этого он созвал в Орлеане особый совет, который подтвердил духовенству его привилегии.

А после этого, став в собственных и чужих глазах одновременно защитником всего римского и защитником христианской веры, бывший варвар, бывший вождь салического племени, переодетый в консульский пурпур, возможно – с идущими впереди него ликторами,⁹² наверняка – в сопровождении священства, совершил триумфальный вход в Лютецию, которую решил сделать, по примеру императорских префектов, столицей своего государства.

Решение и на этот раз было продиктовано прежде всего географическим положением Лютеции, находящейся на перекрестье путей сообщения – словно в самом центре звезды, положением особенно благоприятным для того, чтобы присматривать как за северными, франкскими территориями, так и за южными, франками завоеванными. А еще, конечно, Лютеция была хороша воспоминаниями, скопившимися в ее стенах. После Цезаря, после Юлиана Лютеция в третий раз подтвердила свое предназначение быть главным городом государства.

---

⁹² *Ликтор* (licitor) – в Древнем Риме лицо, сопровождавшее представителя высшей администрации и державшее в руках символ его власти – пучок прутьев с воткнутым в него топором.

Именно в Лютении Хлодвиг проведет три последних года своей жизни, именно из Лютении он станет управлять королевством, занимавшим территорию куда большую, чем Франция сегодня: ей недоставало тогда Бургундии и подчинявшейся Бургундии Савойи, к ней еще не были присоединены Прованс и Нарбонна, составлявшие тогда часть итальянского государства остготов, зато на востоке королевство франков простиралось до Везера⁹³ и Дуная.

Вероятно, Хлодвиг вынашивал планы дальнейшего расширения территории королевства франков, но смерть помешала завоевателю осуществить эти мечты: король скоропостижно скончался в сорок пять лет.

Это был мерзкий тип, величайший авантюрист, крупный политик. Хлодвиг принадлежал к тем отмеченным судьбой людям, которые с щипцами в руках выдирают из утробы эпохи все плоды, какие она только способна произвести на свет. А если мать помрет или ребенок родится уродом? Пусть! Дитяти надо родиться, и точка.

После Хлодвигу уже не было ни одного римского префекта и ни одного римского консула. После Хлодвигу о Галлии и галльских провинциях говорилось лишь в прошедшем времени. Галлия преобразилась, она стала королевством франков,⁹⁴ и тогда же Лютения сменила имя. Отныне город известен только как Париж.

Могила Женеьевы

А Женеьева-то успела увидеть, как все свершилось! Долгожительство этой аскетичной пророчицы было поистине чудесным и усиливало благоговение перед ней. Женеьева была еще жива в 507 году, когда Хлодвиг с Клотильдой, возможно в благодарность за победу, дарованную им в сражении при Вуйе, на высоком левом берегу – там, где во времена римлян горшечники брали глину, – заложили базилику в честь святых апостолов Петра и Павла. Женеьева была все еще жива, почти девяностолетняя, когда в 511-м Клотильда захоронила мужа в крипте этой новой церкви, превратив ее в королевскую усыпальницу.

И только следующей зимой, во время сильных морозов, Женеьева угасла. Париж оделся в траур по святой старушке, по первой защитнице своего города – она воспринималась с тех пор почти как всеобщая прабабушка. Ее тело упокоилось рядом с телом Хлодвигу – так, словно бывшие противники, примирившись, обречены были в смерти стать неразлучными.

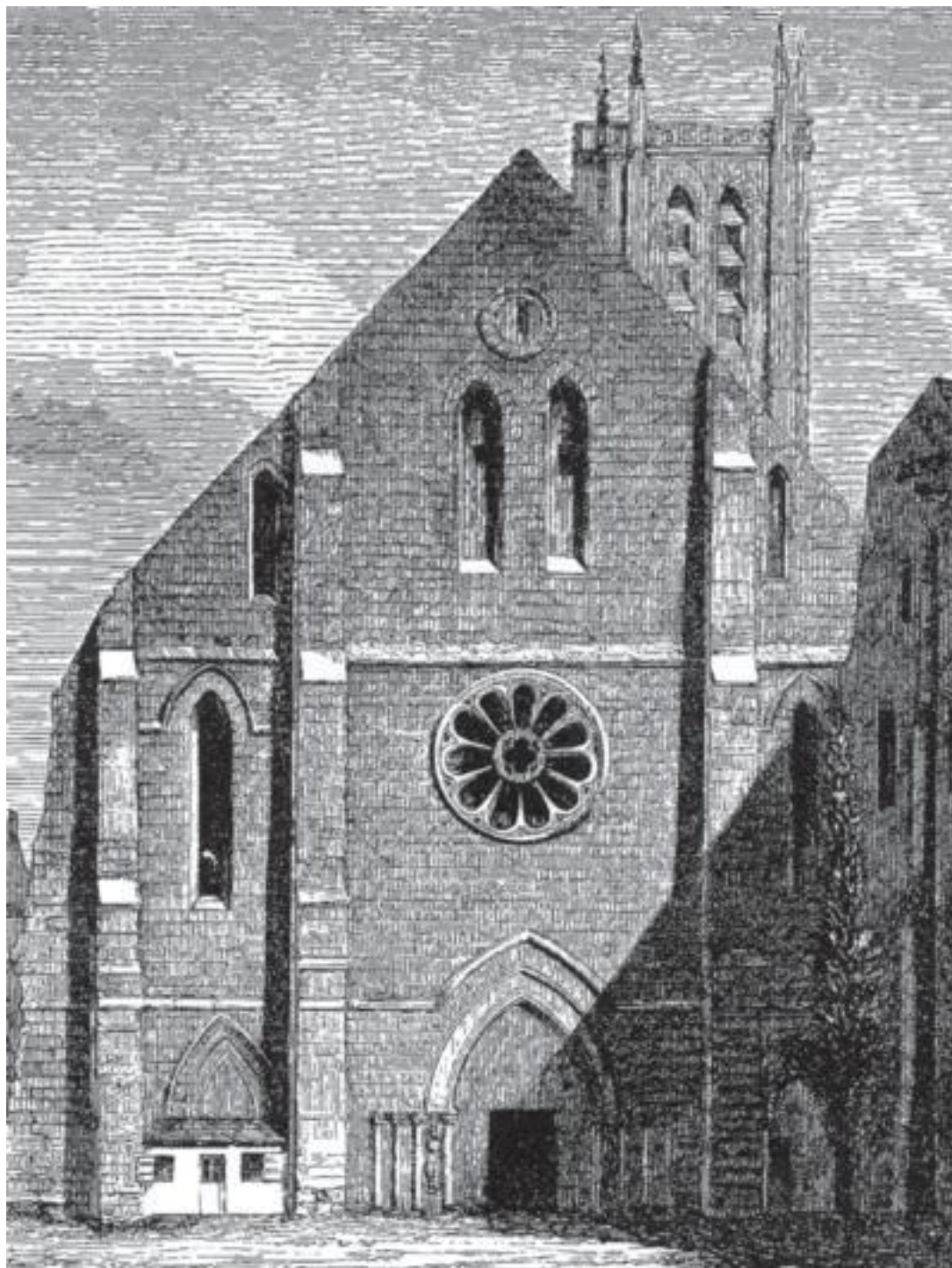
Имена Петра и Павла принадлежат всем христианам, имя Женеьевы – одному Парижу, но вскоре храм, посвященный двум святым апостолам, превратился в храм, посвященный лишь одной святой: церковь все равно называли не иначе как церковь Святой Женеьевы. К ней присоединилось аббатство.

---

⁹³ Везер (Weser) – река на севере Европы, протекающая через Вестфалию (Германия). Образуется близ города Мюнден слиянием рек Верра и Фульда, которые стекают с живописных склонов гор.

⁹⁴ Употребление, по крайней мере письменное, слов «Галлия» и «галл» сохранялось до конца меровингского периода. Только при Каролингах, да и то медленно, название «Франкия» (Francie), или «Франция» (Francia), а затем Западная Франция (Francia occidentalis) распространилось с тем, чтобы обозначить основную политическую реальность, которой стало королевство франков (regnum francorum).

Древняя церковь Св. Женевиевы в Париже. Гравюра XIX в.

Капитель колонны церкви аббатства Св. Женеьевы. Романский стиль. XI–XII вв.

Впервые монастырская церковь Святой Женеьевы была перестроена при Филиппе Августе,⁹⁵ затем ее пришлось реконструировать второй раз – уже при Людовике XV – вследствие обета, произнесенного этим последним во время болезни. Необходимые денежные средства нашли, взвинтив цены на лотерейные билеты. Проект был заказан зодчему Суффло,⁹⁶ но архитектор умер, так и не увидев свое творение завершенным.

Совершенно обновленный архитектурный памятник был едва закончен, когда разразилась революция: здание присвоили, раку с мощами Женеьевы разбили, тысячелетний прах развеяли по ветру, а на место погубленной раки уложили грузное тело Мирабо.⁹⁷

---

⁹⁵ *Филипп II Август* (Philippe II Auguste; 1165–1223) – король Франции из династии Капетингов, сын Людовика VII, коронованный в 1179 году, еще при жизни смертельно больного отца. Один из величайших королей средневековой Франции, он посредством хитроумной государственной политики и войн расширил королевский домен и усилил свою власть за счет феодальных властителей, противопоставив им городские коммуны и назначенных чиновников (бальи и сенешалей); при нем улучшилось и финансовое положение Франции: Филиппу удалось собрать значительную казну, переданную им на хранение тамплиерам, он же в 1215 году утвердил статут Парижского университета.

⁹⁶ *Суффло* (Soufflot) *Жак-Жермен* (1709–1780) – французский архитектор, знаменитый проектом Пантеона.

⁹⁷ *Мирабо* (Mirabeau) *Оноре Габриель Рикети* (Riqueti; 1749–1791) – литератор, деятель Великой французской революции. В молодости за крайне беспорядочный образ жизни, непомерные расходы и долги неоднократно подвергался тюремному заключению. В 1776 году, после бегства с женой маркиза де Монье за границу, был заочно приговорен «за оскорбление личности» к смертной казни, но впоследствии амнистирован. Мирабо стал автором ряда памфлетов и других произведений, направленных против деспотической формы власти. В 1785 году он вернулся в Париж, а 1786-м был послан с секретным дипломатическим поручением в Пруссию. Избранный в 1789 году в Генеральные штаты от третьего сословия Марселя и Экса,

И именно по случаю смерти Мирабо монастырская церковь Святой Женевиевы, назначенная отныне местом упокоения «французов, прославленных своим талантом, своею добродетелью, своим служением родине», превратилась в Пантеон.

Вот только Мирабо недолго там оставался: Учредительное собрание его туда положило, Конвент его оттуда выкинул, а на его место положил Марата, которого выкинул Термидор. Ну и судьба у мавзолеев! В последние полвека мы видели аналогичное перемещение останков – на Красной площади – и удивлялись ему...

Наполеон вернул Пантеон церкви, Луи Филипп⁹⁸ возродил его для славы. В новой базилике Святой Женевиевы, пока длилась Вторая империя,⁹⁹ опять появилась церковная утварь, которую вновь удалила оттуда Третья республика¹⁰⁰ – тогда же, когда она снова выгравировала на фронте Пантеона революционные слова: «Великим людям благодарная отчизна».¹⁰¹

Каждая волна – якобинская, имперская, буржуазная, просто мирская – оставила здесь свой след, каждая эпоха помещала сюда на хранение несколько из своих самых именитых обломков: от Руссо¹⁰² до Жореса,¹⁰³ от Вольтера¹⁰⁴ до Золя.¹⁰⁵

Генерал Марсо,¹⁰⁶ маршал Ланн,¹⁰⁷ адмирал де Бугенвиль¹⁰⁸ соседствуют тут с депутатом Боденом, застреленным из ружья на баррикадах, с двумя Карно,¹⁰⁹ членом Конвента и тем,

---

сразу выдвинулся в них благодаря своему исключительному ораторскому дару: враг феодально-абсолютистского режима, он изобличал этот строй в речах большой силы, имевших широкий общественный резонанс. Однако его политический идеал не шел дальше ценовой парламентской монархии, близкой по типу к английской, и по мере возрастания в революции роли народных масс Мирабо постепенно перешел на консервативные позиции и стал лидером крупной буржуазии, стремившейся задержать дальнейшее развитие революции. Проводя скрытно и тонко политику торможения революционного процесса и стремясь сохранить уменьшавшуюся популярность, Мирабо порой произносил обличительные речи против королевского двора; в то же время он вступил на путь поисков тайного соглашения с двором, которое и заключил в апреле 1790 года: стал за крупное вознаграждение и обязательство погасить его огромные долги секретным агентом королевского двора. Ж.-П. Марат, М. Робеспьер и некоторые другие революционные демократы, не зная ничего достоверного, догадывались об измене Мирабо и резко выступали против него. Однако до внезапной смерти «предателя» его тайная сделка оставалась неизвестной, и он был похоронен с величайшими почестями. Документы, подтверждавшие измену Мирабо революции, были обнаружены лишь после свержения монархии, в 1792 году. И тогда его прах, первоначально помещенный в Пантеон, был перенесен на кладбище для преступников в предместье Сен-Марсо. Кроме памфлетов, Мирабо писал эротическую литературу и успешно занимался переводами на французский язык произведений античных поэтов (Гомера, Овидия, Катулла и др.).

⁹⁸ *Луи Филипп* (Louis Philippe; 1773–1850) – король Франции, старший сын Луизы Бурбонской и герцога Орлеанского. Впоследствии отказался от титула герцога Шартрского и приобрел известность как Филипп-Эгалите (Равенство). В ходе революции Луи Филипп выражал сочувствие движению за реформу, в 1790 году присоединился к якобинцам, но в 1793-м порвал с революционным движением, с этого момента начался длительный период его изгнания. Вслед за отречением Наполеона в 1814 году Луи Филипп снова появился во Франции, и Людовик XVIII вернул ему титулы и имущество. Склонность к простоте и манеры республиканца снискали Луи Филиппу популярность. К 1830 году он завоевал репутацию либерала, Июльская революция предоставила Луи Филиппу шанс, и, когда палата депутатов предложила ему корону, он сразу же согласился. Он стремился приобрести репутацию короля-гражданина, но либеральное начало отвечало скорее интересам узкого круга промышленников и банкиров. К 1846 году Луи Филипп утратил свою популярность среди практически всех слоев населения, 22 февраля 1848 года в Париже вспыхнула революция, и через два дня Луи Филипп отрекся от трона в пользу своего внука – графа Парижского, а сам бежал в Англию, где и умер два года спустя.

⁹⁹ *Вторая империя* – период царствования во Франции императора Наполеона III, пришедшего к власти в результате государственного переворота. Вторая империя пала под ударами Сентябрьской революции 1870 года.

¹⁰⁰ *Третья республика* – это годы буржуазно-демократического режима во Франции, 1870–1940.

¹⁰¹ AUX GRANDS HOMMES LA PATRIE RECONNAISSANTE.

¹⁰² *Жан Жак Руссо* (Jean-Jacques Rousseau; 1712–1778) – великий мыслитель, писатель, композитор, музыковед и ботаник.

¹⁰³ *Жан Жорес* (Jean Jaurès; 1859–1914) – политический деятель, социалист.

¹⁰⁴ *Вольтер* (Voltaire; урожд. Франсуа Мари Аруэ; 1694–1778) – один из крупнейших французских философов-просветителей XVIII века, поэт, прозаик, историк, публицист, правозащитник.

¹⁰⁵ *Эмиль Золя* (Émile Zola; 1840–1902) – писатель, один из самых видных представителей реализма второй половины XIX века, вождь и теоретик так называемого натуралистического движения.

¹⁰⁶ Вот что о нем написано в статье О. В. Соколова «Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792–1794 гг.», опубликованной в сб. «От старого порядка к революции» (Л.: изд-во ЛГУ, 1988. С. 125–135): «Когда пуля тирольского стрелка сразит под Альтенкирхеном генерала Марсо, одного из самых замечательных вождей республиканской армии, лучшие австрийские военачальники и среди них знаменитый эрцгерцог Карл придут, чтобы отдать последние почести телу молодого французского полководца, а гусары Барко и Бланкенштейна будут спорить, кому принадлежит честь эскортировать останки Марсо до французских позиций (поле боя, где был смертельно ранен Марсо, осталось за противником)».

что был убит анархистом, с сердцем Гамбетта...¹¹⁰ Ну а что делают в этой компании банкир Перрего и министр Крете?¹¹¹ Наверное, их угораздило прославиться ко дню своей смерти, но ненадолго, потому что к нашим дням они давно и прочно забыты... Даже в Пантеоне есть свои отбросы.

История первого храма Святой Женеьевы – это начало истории Парижа, история Пантеона – история двух последних веков Франции.

Когда в мае 1885 года катафалк для бедных, сопровождаемый такой толпой, какой никогда не увидишь на погребении богачей, остановился у белых ступеней Пантеона, он привез другого всеобщего прашура, самого французского из всех великих поэтов, автора «Отверженных», «Легенды веков» и «Возмездия», того, кто в дни, когда несчастье снова шло с Востока, когда враг собирался разбить лагерь в Бурже, в Шуази-ле-Руа, в Буживале, написал:

«Париж – город городов, Париж – город людей. Париж – не что иное, как огромное убежище, безграничное гостеприимство...

Разве такая столица, такой источник света, такой центр надежд, душ и сердец, такоеместилище всеобъемлющей мысли может быть подвергнут насилию, разрушен, взят приступом – и кем взят? диким захватчиком? Этого не может быть, этого не будет. Никогда, никогда, никогда!»

Разве этот крик не слышится вам эхом – отраженным, выросшим, возвеличенным тринадцатую веками эхом первого вопля – вопля Женеьевы?

Средневековые паломники в любое время года реками притекали к мощам святой. Сегодня паломники мысли со всего света круглый год приходят поклониться праху поэта.

Старый гигант слова не может покоиться иначе как под гигантским же куполом. В наши дни для всего мира Пантеон – это могила Виктора Гюго.

Город городов, город людей, столица и мозг... Вот это прекрасное определение главного города, каким Париж не перестает быть со времен Хлодвиг. Власть вполне может перемещаться или отсутствовать. Она может быть в Блуа – во время отпуска, она может быть в Версале – на представлении или в изгнании, она может оказаться в Бурже, в Бордо, в Виши – все это столицы поражений. Париж навсегда останется столицей всякого труда, всякой ярости, всякого триумфа. Ничего важного, ничего продолжительного не может произойти во Франции без участия Парижа или не по воле Парижа. Решение Хлодвиг окончательно определило его судьбу.

---

¹⁰⁷ Жан Ланн (Jean Lannes; 1769–1809; герцог де Монтебелло) – маршал Франции с 19 мая 1804 года. 25 сентября 1808 года был награжден русским орденом Святого Андрея Первозванного.

¹⁰⁸ Луи Антуан, граф де Бугенвиль (Louis Antoine, comte de Bougainville; 1729–1811) – французский мореплаватель, руководитель первой французской кругосветной экспедиции.

¹⁰⁹ Два Карно. – Имеются в виду два члена династии государственных деятелей и ученых конца XVIII–XIX века. 1) Лазар Никола Карно (Lazare Nicolas Carnot; 1753–1823) – военный и государственный деятель, убежденный республиканец, избирался в 1791 году в Законодательное собрание, затем в Конвент (1792–1793), где голосовал за казнь Людовика XVI. Вернувшись в 1793 году с северо-запада Франции, где реорганизовал армию, стал членом Комитета общественного спасения. Лазар Карно – один из пяти членов Директории, правившей во Франции в 1795–1797 годах, дважды становился ее председателем, он был покровителем Бонапарта, будущего Наполеона I, и вместе с ним планировал победоносную Итальянскую кампанию, при Наполеоне стал губернатором Антверпена и пэрм Франции. После Реставрации был изгнан Людовиком XVIII. 2) Садис Карно (Sadi Carnot; 1837–1894) – президент Третьей республики. Был убит анархистом в Лионе 25 июня 1894 года.

¹¹⁰ Гамбетта Леон (Gambetta Leon; 1838–1882) – французский политический деятель, с 1859 года – адвокат в Париже, один из лучших ораторов Франции; в политических процессах проявил себя непримиримым противником Второй империи.

¹¹¹ Крете прославился из-за своей смерти. В книге А. Виноградова «Три цвета времени» рассказывается о том, что министр Крете умер от болезни мочевого пузыря: Наполеон не давал ему вставать с места по шестнадцать часов сряду, а в «Жизни Наполеона» Стендаля изложено продолжение этой истории: «Когда Наполеон узнал, что Крете, лучший министр внутренних дел, который когда-либо ему служил, смертельно заболел, он сказал: „Так и должно быть. Человек, которого я назначаю министром, через четыре года уже не должен быть в состоянии помочиться. Это большая честь для его семьи, а ее судьба навсегда обеспечена“».

Крыша Хильдеберта¹¹²

Рима больше нет, Парижа еще почти нет.

В этой ночи или, точнее, на этом туманном, неверном рассвете, каким было раннее Средневековье,¹¹³ города искали себе форму, народы – место, общество – закон.

Нам неизвестно, кто был вторым королем Франции: то ли его не было вовсе, то ли королей было сразу четверо.

У франков еще не существовало права первородства при наследовании, и сыновья Хлодвиг – Теодорих, Хлодомир, Хильдеберт и Хлотарь – разделили между собой королевство, как делят, при наличии частной собственности на землю, сельскохозяйственные угодья. В это время и появились понятия Нейстрия¹¹⁴ и Австразия,¹¹⁵ чтобы хоть как-то обозначить границы, и каждый из братьев сделался королем в своей четверти Франции.

Хильдеберту при дележке достался Париж, но остальные братья, чтобы лучше присматривать друг за другом и жить не слишком далеко от настоящей столицы, устроили себе резиденции в наиболее близких к ней городах своих государств: кто в Суассоне, кто в Реймсе, кто в Орлеане – и отсюда распространяли свое влияние по главным направлениям, достигая северных берегов Мааса, центра Германии и пиренейских отрогов.

Плачевная во всех отношениях, а прежде всего – не позволяющая осуществлять здоровое управление страной, эта система наследования престола порождала зависть, возбуждала соперничество, разжигала беспощадную ненависть, и в конце концов Франция при Меровингах превратилась из-за всего этого в обширную арену преступлений. Каждая смерть становилась желанным поводом для нового передела владений, в каждом младенчике, еще не вышедшем из колыбели, виделся враг, которого нужно немедленно истребить – прежде даже, чем его отнимут от груди. Никогда еще братья так истово не молились о смерти своих братьев, а сестры – о бесплодии своих сестер. И чаще, чем Небесная благодать, этим молитвам внимали кинжал и меч.

Клотильда, гордая и набожная Клотильда, не смогла помешать своим младшим сыновьям, Хильдеберту и Хлотарю,¹¹⁶ прирезать детей, оставленных ее старшим, Хлодомиром.¹¹⁷

---

¹¹² *Хильдеберт I* (фр. Childebert I; ок. 496–558) – король франков (511–558) из династии Меровингов. Имя Хильдеберт переводится со старогерманского как «блистающий в битве».

¹¹³ *Раннее Средневековье* – период европейской истории, продлившийся приблизительно с V века (падение Римской империи) по 1000 год.

¹¹⁴ *Нейстрия* (Neustria, букв. «невосток») – юго-западная часть Франкского королевства Меровингов со столицей в Париже (Лютеции). Охватывала области между Шельдой и Луарой.

¹¹⁵ *Австразия* (Austrasia) – северо-восточная часть Франкского государства Меровингов. Занимала территорию в бассейнах Мааса и Мозеля, а также области к востоку от Рейна (сейчас там располагаются северо-восточные регионы Франции, Бельгия, Нидерланды, а также западные земли Германии). Столица Австразии находилась в городе Мец, хотя некоторые правители выбирали в качестве своей резиденции Реймс.

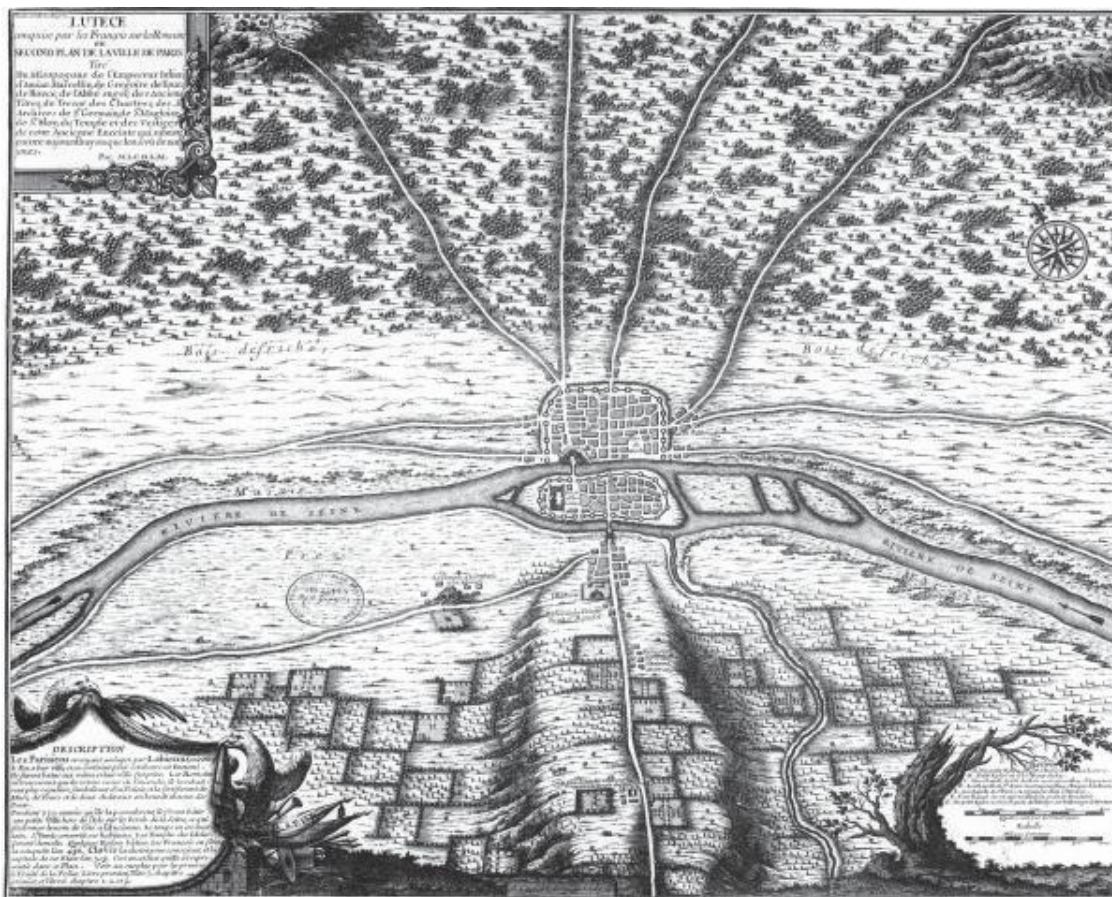
¹¹⁶ *Хлотарь I* (Clotaire I, или Клотарь – Clotarius, или Хлотохарий – Chlotacharius, а впоследствии Лотарь; ок. 497–561) – король франков (511–561) из династии Меровингов. Младший сын короля Хлодвиг I и Клотильды Бургундской. После смерти Хлодомира его брат Хлотарь I женился на его жене Гунтеке, а его троих малолетних сыновей Теодобальда, Гунтара и Хлодоальда взяла на воспитание его мать, вдовствующая королева Клотильда Бургундская. Хильдеберт I и Хлотарь I, сказав, что желают возвести детей на престол, захватили десятилетнего Теодобальда и семилетнего Гунтара, после чего послали к своей матери Клотильде гонцов с вопросом: предпочитает ли она, чтобы ее внуки погибли или были пострижены в монахи? Застигнутая врасплох Клотильда отвечала так, как подобало королеве Меровингской династии, но не христианской святой и не любящей бабушке: «Я ни за что не хочу, чтобы они были пострижены». После этого дядьям оставалось лишь собственноручно привести «приговор» в исполнение. Хлотарь уже прикончил свою жертву, когда Хильдебертом овладела жалость. Чуждый таких колебаний Хлотарь – самый свирепый из сыновей Хлодвиг I – лично зарезал и второго племянника. Верные люди укрыли от гибели третьего – двухлетнего Хлодоальда (Клода Святого) в монастыре; в дальнейшем мальчик стал монахом и основал близ Парижа монастырь в местности, хранящей его имя (Сен-Клу).

¹¹⁷ *Хлодомир I* (или Хлодомер, Клодомир, фр. Clodomir, Clodomer; 495–524) – король франков из династии Меровингов. Правил в Орлеане. Второй сын короля Хлодвиг I (первенец, Ингомер, умер во младенчестве). Имя Хлодомир происходит от

Избежал этой участи только один из них, укрывшийся в монастыре и принявший постриг. Его имя сначала получил основанный им монастырь, затем деревня, затем мост, затем автомагистраль: беглеца звали Хлодоальд, впоследствии он был канонизирован, отсюда – Сен-Клу.

Тем не менее короли первого и второго поколения еще хранили некоторое понимание единства *Regnum Francorum*.¹¹⁸ Они умели объединяться, чтобы увеличивать свои владения: им удалось захватить королевство Тюрингия в Германии, завоевать большое королевство Бургундское, они заставили остготов уступить им Прованс, и передача прав на него была подтверждена Юстинианом,¹¹⁹ как только тот утвердил свою власть в Италии.

Лютеция в 508 г. (во времена короля Хильдеберта). Историческая карта. Гравюра из *Traite de la police*. Начало XVIII в.

Такое ощущение, что в это время в двух противоположных точках Европы мечтали восстановить древнюю Римскую империю: в Реймсе Теодоберт,¹²⁰ самый замечательный из внуков

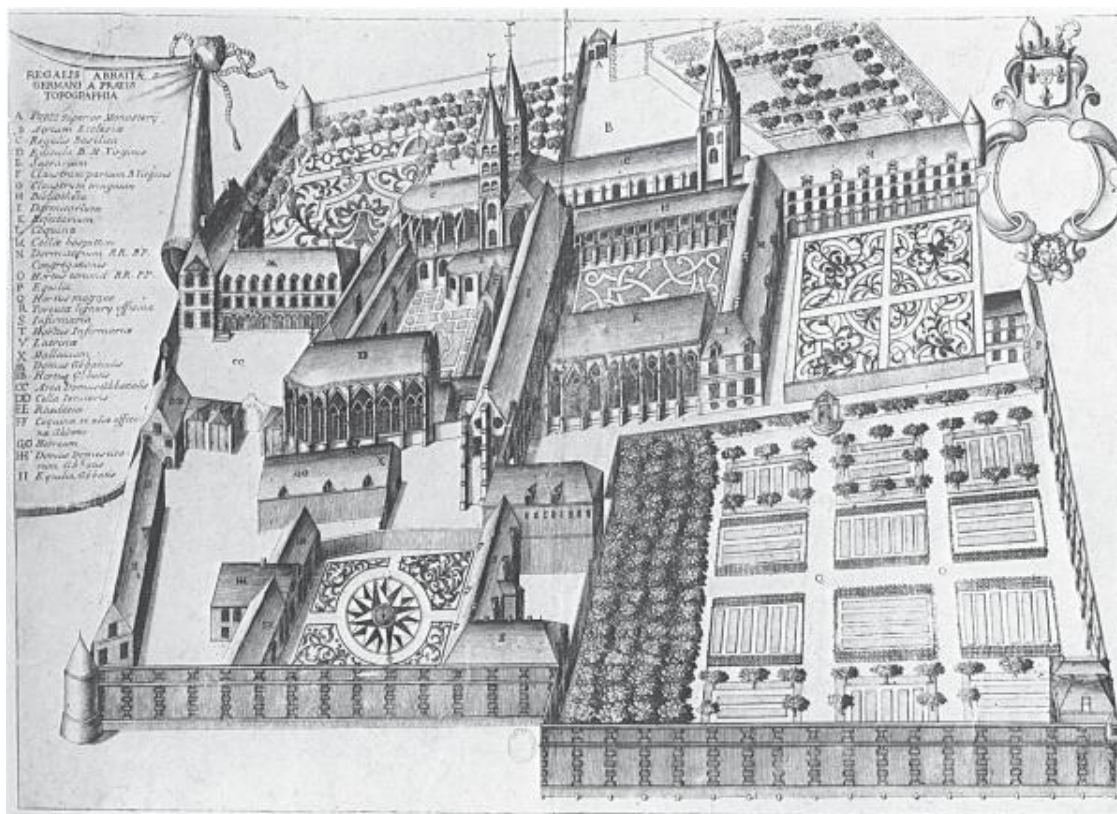
старогерманского «известный» и «великолепный».

¹¹⁸ Королевство франков (лат.).

¹¹⁹ Юстиниан I (известный как Юстиниан Великий, лат. Iustinianus; 482 или 483–565) – император Византии, то есть Восточной Римской империи. При нем была проведена знаменитая кодификация римского права и отвоевана у остготов Италия. Юстиниан унаследовал трон в 527 году и стал властелином огромной империи. С одной стороны, его отличали великодушные, простота, мудрость политика, талант искусного дипломата, с другой – жестокость, коварство, двуличие. Юстиниан I был одержим идеей величия своей императорской особы. В 528 году Юстиниан приказал полностью пересмотреть римское право, поставив целью сделать его таким же непревзойденным в формально-юридическом плане, каким оно было тремя столетиями раньше.

¹²⁰ Теодоберт I (или Теудеберт, фр. Théodebert; ок. 504–548) – король франков из династии Меровингов. Правил в Восточно-Франкском королевстве (впоследствии получившем название Австразия), со столицей в Меце. Сын короля Теодориха I и Эстерии. Имя Теодоберт происходит от старогерманского «блистающий среди народа». По словам Григория Турского, Теодоберт I показал себя властителем великим и замечательным: правил королевством справедливо, почитал епископов, ода-

Хлодвига, с полчищами франков и германцев, в Византии – Юстиниан со своими Codes, своими Institutes¹²¹ и армиями великолепного Велизария.¹²²

План аббатства Сен-Жермен. Гравюра XVII в.

ривал церкви, помогал бедным и многим охотно оказывал по своему благочестию и доброте бесчисленные благодеяния.

¹²¹ Современное название свода римского гражданского права, составленного в 529–534 годах при византийском императоре Юстиниане, – «Corpus juris civilis» – дано этому своду законов в XII веке. Он известен также под названиями «Свод Юстиниана» или «Кодификация Юстиниана». Первоначально свод состоял из трех частей: «Институции» – четыре тома, представляющие собой учебник для начинающих юристов; «Дигесты» – полсотни томов, составленных из трудов классических римских юристов; «Кодекс Юстиниана». Позже была добавлена четвертая часть, «Новеллы» – 168 новых законов, опубликованных после составления кодекса. Для «Corpus juris civilis» характерно стремление соединить разнообразные ветви римского права и придать новое содержание отдельным старым правовым понятиям и институтам и таким образом сохранить их жизнеспособность.

¹²² *Велизарий* (или Велисарий, Belisârios; ок. 504–565) – крупнейший полководец Юстиниана, один из самых влиятельных его придворных, богач, обладавший огромным состоянием и землями по всей территории империи. Храбрый воин, он владел различным оружием и нередко сражался среди простых солдат, воодушевляя их личным примером. Как полководец Велизарий был достаточно опытен и удачлив, сведущ в военном деле, хотя не все сражения завершал победой, и осторожность в нем сочеталась со склонностью к рискованным затеям. Жалость и бессмысленная жестокость равным образом были ему чужды, а в интересах дела он не останавливался ни перед чем: например, сторонников вандалов он во время Африканского похода нередко подвергал мучительной казни, посадив на кол, но никогда не позволял расправляться с мирным населением или пленными солдатами врага. Авторитетом среди народа и армии Велизарий пользовался огромным, и вряд ли в столице кто-либо решился бы не подчиниться этому человеку, а Юстиниан даже взял с полководца клятву в том, что он никогда в жизни не попытается захватить престол. Однако жизнь, наряду со многими победами и радостями, порой приносила ему и горе, вызванное государевой опалой. Последняя такая опала случилась в 562 году, когда почти все его огромное состояние было конфисковано, а сам он выслан из столицы. Летом 564 года император простил Велизария, вернув, правда, лишь половину отнятых богатств. Эта история через много веков трансформировалась в популярный рассказ о плачевном конце жизни полководца, один из вариантов которого читаем в письмах святого Николая Сербского: «Воевода императора Юстиниана, славный Велизар, в старости остался в нищете, слепым и одиноким. Сидел он у городских ворот и просил на хлеб...» Хотя в людской памяти Велизарий остался символом верного слуги, пострадавшего от неблагодарности властелина, на самом деле он незадолго до смерти просто оказался не у дел.

Но за Альпами и Пиренеями франкским королям не повезло: их отважных аламанов разбили на юге Италии, и им пришлось убираться с Апеннинского полуострова; не счастливее сложилась судьба войска под началом Хильдеберта в Испании; ну а Септимания,¹²³ точнее, прибрежные районы от Русийона до Нима по-прежнему оставались частью королевства вестготов.

Капитель колонны. Аббатство Сен-Жермен. Романский стиль. XI–XII вв.

Война с Италией, война с Испанией – эти слова были в VI веке привычны для ушей французов и звучали уже предвестием поражения в финале кампании.

Из Сарагосы Хильдеберт привез лишь тунику святого Винценция и золотой крест, происхождением из Толедо. Для хранения этих своих трофеев, доставшихся ему в результате грабежа, он, по просьбе епископа Германа, основал в предместье Парижа монастырь. Место, выбранное им, уже носило на себе отпечаток истории: в этих самых краях Камолуген, идя на бой, собирал свои войска, отсюда он ушел на Марсово поле, где был разбит легионами Лабиена.¹²⁴

---

¹²³ *Септимания* – историческая область на французском побережье Средиземноморья, заключенная между горными хребтами Пиренеев и Севенн с одной стороны и долинами Гаронны и Роны – с другой. Названа в честь Седьмого легиона, ветераны которого (*septimani*) были наделены Августом землями в этой местности.

¹²⁴ См. главу «Колонна Тиберия».

Новая базилика, посвященная сначала святому Винценцию и Святому Кресту,¹²⁵ поражала великолепными мозаиками – имитацией равеннских,¹²⁶ а еще больше – своей сверкающей на солнце кровлей, сделанной из позолоченных бронзовых пластин.

Эти продиктованные набожностью расходы ничем не помогли королю Хильдеберту: смерть настигла его в 558 году, на следующий же день после освящения храма. Там его и похоронили – так же, как восемнадцать лет спустя похоронят епископа Германа.

Из-за этого последнего и, конечно, благодаря сияющей крыше базилику Святого Винценция в народе перекрестили в храм Сен-Жермен-ле-Доре.¹²⁷ Вплоть до эпохи Дагоберта¹²⁸ эта церковь служила усыпальницей королей первой династии.

Потом роскошную крышу разворовали норманны,¹²⁹ и в 1000 году ее заменили высокой квадратной башней, увенчанной шпилем, – и башня эта знакома всем хотя бы по имени.

Именно сюда в нашей половине века молодые люди со всех концов света несут свои блеск или нищету, скуку или грезы, спешат кто с новой спортивной машиной, кто с незаконной любовью, кто с печальными песнями. Базилика Хильдеберта – это Сен-Жермен-де-Пре.¹³⁰

¹²⁵ L'église Saint-Vincent-et-Sainte-Croix.

¹²⁶ Из введения в книгу Е. К. Редина «Мозаики равеннских церквей» (Типография И. Н. Скороходова, 1896): «...блуждая по невзрачным улицам Равенны, смотря на ее не привлекающие ничем поразительным снаружи – базилики, церкви, усыпальницы, – не ожидаешь встретить в них того, что в действительности в них заключается. Входя в эти здания, присмотревшись к внутреннему убранству их, поражаешься этой ВЕЧНОЙ живописью – мозаикой, пережившей столько веков и все еще блещущей своими красотою – простым, но изящным орнаментом, величественными образами, художественно-религиозными композициями, вводящими нас и в сферу духовных интересов народа, создавшего их, и знакомящего нас с культурой его. Мраморные колонны со своими красивыми капителями, саркофаги с барельефами, расположенные вдоль стен, мраморные кафедры, алтари и другие мелкие предметы церковного обихода дополняют убранство этих зданий и дают богатый материал и для истории христианского искусства вообще и для византийского в частности».

¹²⁷ В переводе: Позолоченного Святого Германа.

¹²⁸ *Дагоберт I* (Dagobert; ок. 605–639) – король франков (629–639) из династии Меровингов. Дагоберт был сыном Лотаря II и королевы Бертруды. Имя Дагоберт в переводе со старогерманского означает «блистающий, как день».

¹²⁹ Не без последствий для них самих, если верить Григорию Турскому: «Во время своего пути они пришли к базилике Святого Винценция, что в области города Ажен. Говорят, что здесь этот мученик принял свои мучения во имя Христово. Они нашли ее полной драгоценностей, принадлежавших жителям, ибо те надеялись, что христиане не нанесут оскорбления базилике такого великого мученика. Двери ее были крепко закрыты. Так как подошедшее войско не могло открыть двери храма, оно тут же подожгло их. После того как двери сгорели, они унесли все добро и все убранство, которое могли найти в нем, вместе со священной утварью. Но многих из них там настигла Божественная кара. Ибо у большинства по воле Божией горели руки, и от них шел густой дым, как бывает при пожаре. В некоторых вселился злой дух, и они в диком неистовстве громко призывали мученика».

¹³⁰ *Сен-Жермен-де-Пре* (фр. l'abbaye de Saint-Germain-des-Près) – бенедиктинское аббатство; самое старое аббатство Парижа, памятник романской архитектуры; находится на левом берегу Сены, в 6-м округе французской столицы. Хильдеберт вывез из Испании дорогую для вестготов реликвию, так называемую тунику святого Винценция, дьякона Сарагосской церкви, принявшего мученическую смерть во время гонений на христиан при римском императоре Диоклетиане. Хильдеберт приказал прибить ее к воротам Парижа, но по совету парижского епископа святого Германа Парижского (496–576) основал в 511 году монастырь для хранения реликвии святого Винценция из Сарагоссы. Имя похороненного в этом монастыре епископа, произносящееся по-французски как «Жермен», и было присвоено аббатству в 576 году. Сегодня от аббатства сохранилась лишь церковь Сен-Жермен-де-Пре, считающаяся самой старой в Париже. Колокольня и неф церкви относятся к романскому стилю и датируются XI–XII веками. Сен-Жермен-де-Пре был в Средние века одним из богатейших монастырей Франции. В 861 году аббатство было сожжено викингами. Кроме Хильдеберта I (558), здесь были похоронены последующие короли династии Меровингов – Хильперик I, Фредегонда и Хлотарь II. Таким образом, аббатство Сен-Жермен-де-Пре стало, задолго до аббатства Сен-Дени, первым королевским некрополем. И сегодня квартал Сен-Жермен-де-Пре отличается особым очарованием и пользуется большой любовью парижан, и сегодня жизнь в нем бьет ключом. В Сен-Жермен-де-Пре приходят посмотреть на многочисленные исторические постройки, его издавна облюбовали люди искусства – писатели, художники, артисты. Когда-то тут жили Прудон, Сент-Бев и Делакруа, в середине XX века в «Кафе де Флор» или «Де Маго», в закусочной «Липп» или в погребке «Ле табу» можно было встретить Бориса Виана, Жана Поля Сартра, Жюльетт Греко, Виктора Некрасова...

Казнь Брунгильды¹³¹

Стало быть, франкские короли завладели всей Западной Европой, кроме Италии и Иберии. Граница их государства тянулась от современного Лейпцига до современной Ниццы, пересекала Баварию, огибала озеро Констанция и шла вдоль Сен-Готарда.

Кончина Хильдеберта, продолжившая собой длинную цепь смертей – как естественных, так и насильственных, – позволила последышу Хлодвигу, Хлотарю,¹³² взять под свое единоначалие всю эту обширную территорию, и Париж на три года (558–561) снова стал единственной столицей франков.

Если чем и рисовать портрет Хлотаря – то кровью. Вспомним лишь одно из нескольких дюжин его преступлений.

Один из сыновей Хлотаря захотел стать независимым – и отец приказал запереть молодого человека в хижине из досок, которую после этого подожгли. Вроде бы папашу после этого стало мучить раскаяние, и он отправился в паломничество ради искупления греха, но дошел только до Тура. А на следующий год, мучась бронхопневмонией, заработанной на охоте, снова поссорился с Богом и перед смертью бросил в Его адрес такие кощунственные слова: «Ох, что же это за Царь Небесный, если Он губит столь великих царей земных?»

После него также осталось четверо сыновей-наследников, и королевство франков опять было поделено на четыре части.

Париж пережил тогда любопытное приключение, которое лишний раз доказывает значение нашего города. Король Кариберт,¹³³ которому при новом разделе Франции достался Париж, умер первым, и братья тут же принялись не без алчности делить его земли. Всё бы ничего, но у них никак не получалось достичь согласия в вопросе о том, кому будет принадлежать Париж. И в конце концов они решили сделать его «неделимым городом», которым станут управлять сообща с помощью назначенных ими наместников, причем ни один из трех королей по этому договору не имел права войти в Париж без разрешения двух других. Статус столицы франков в это время можно сравнить разве что с положением Берлина после Второй мировой войны...

Но самое удивительное в этом удивительном договоре то, что три короля соблюдали его в течение шести лет, – особенно трудно в это поверить тем, кто знает, что любовницей одного из подписавших его, Хильперика,¹³⁴ была Фредегонда,¹³⁵ а другой, Сигеберт,¹³⁶ только что женился на Брунгильде!

Королева Брунгильда прославилась не только тем, что ее протащили по земле, привязанную за волосы, одну руку и одну ногу к конскому хвосту, как нам памятно со школьных

---

¹³¹ *Брунгильда* (Brunhilde, Brunichilde; ок. 534–613) – франкская королева, жена короля Австразии Сигеберта I. Дочь вестготского короля. Враждовала с королем Нейстрии Хильпериком I и его женой Фредегондой (виновницей убийства сестры Брунгильды).

¹³² *Хлотарь* (или Лотарь, Chlotar II; 584–629) – король Нейстрии, из династии Меровингов, в 584–613 годах, а с 613-го – всего Франкского королевства. Объединил все Франкское королевство после победы над Брунгильдой. Хлотарю пришлось пойти на уступки усилившейся, пока он был ребенком, феодальной знати: он издал в 614 году эдикт, подтверждавший земельные пожалования и судебно-административные привилегии, полученные крупными землевладельцами от его предшественников, и установил порядок назначения графов лишь из числа местной землевладельческой знати. Кроме того, Хлотарь II был вынужден удовлетворить сепаратистские требования знати Австразии, назначив в 623 году своего сына Дагоберта ее королем. Имя Хлотарь в переводе со старогерманского означает «имеющий знаменитую армию».

¹³³ *Кариберт I* (ум. 567) – король Нейстрии.

¹³⁴ *Хильперик I* (фр. Chilpéric I; ок. 539–584) – король франков из династии Меровингов. Сын короля Хлотаря I и Арнегунды. Имя Хильперик происходит от старогерманского «могучий защитник».

¹³⁵ *Фредегонда* (Frédégonde, Fredegunde; ок. 545–597) – королева Нейстрии с 567 года. Жена короля Нейстрии Хильперика I, мать Хлотаря II (в его малолетство сосредоточила с 592 г. фактическую власть в своих руках). Активная участница длительной кровавой борьбы в роде Меровингов, в частности борьбы с королевой Австразии Брунгильдой.

¹³⁶ *Сигеберт II* (Зигеберт, фр. Sigebert II; 602–613) – король франков (613) из династии Меровингов. Внебрачный сын короля Бургундии Теодориха II. Имя Сигеберт переводится со старофранцузского как «блестательный победитель».

лет. Брунгильда, прежде всего, возвысилась над своим временем. Эта вестготская принцесса, воспитанная в Испании на римский лад, говорила на классической латыни и ценила поэтов. К тому же она была красива или слыла красавицей: королева, как же иначе! Она сверкала необычайным блеском при дворах, состоявших из выскочек-солдафонов и жадных до земель и недвижимости епископов. У нее был широкий кругозор, она умела вести беседу на любые темы и отлично разбиралась в политике, она была решительной, настойчивой, любила командовать – все эти качества вместе не так уж часто встречаются в любую эпоху, а в ее время и подавно были редкостью.

Сияние Фредегонды, если сравнить с тем, что исходило от Брунгильды, напоминало поблескивание черной геммы или отсвет глаз ночного хищника. Эта необразованная, некультурная рабыня, не обладавшая умом, зато наделенная дикими амбициями, настолько же свирепая при победе, насколько трусливая при поражении, должно быть, отличалась некой животной соблазнительностью, потому что Хильперик только ради того, чтобы ей понравиться, прикончил всего за неделю двух своих первых жен, одна из которых была родной сестрой Брунгильды.

Вот вам начало конфликта. Чуть позже Хильперик вторгся на земли Сигеберта, принеся туда ужас и смерть. Сигеберт ответил тем, что направил против единокровного брата свои германские армии. Все соглашения были нарушены, Сигеберт с оружием в руках вошел в «неделимый город» и обосновался там. Таким образом, Брунгильда стала королевой Парижа.

Третий брат, Гонтран, тщетно пытался выступить в роли третейского судьи.

Соперничество Сигеберта и Хильперика, а затем их вдов и их потомков в течение сорока лет заполняло собой историю, продолжались зверства, грабежи, убийства, сжигались монастыри со всеми их обитателями, преступления совершались прилюдно, среди толпы, и на супружеском ложе, королей протыкали насквозь в ту минуту, когда их поднимали на щит, в кинжалах ловко вытаскивались отверстия, чтобы наполнить их ядом, похищали детей, отрезали руки, выкалывали глаза, лжесвидетельства продавались по высокой цене, ненависть передавалась от отца к сыну, подобно наследству... Худшие страницы византийских анналов не содержат таких ужасов. Впрочем, и Византия тут не стояла в сторонке: император Мауриций однажды вмешался в эту кровавую бойню, чтобы поддержать бастарда Хлотаря в его правах.

Сигеберт был убит в Артуа, и Брунгильду бросили в руанскую тюрьму. Хильперика убили близ Парижа, и Фредегонда укрылась на хорах собора Парижской Богоматери, где принялась молиться. Удача или, вернее, неудача еще не раз будет менять лагерь, доставаясь то одним, то другим.

Теперь нам надо немного подправить финальную картину, созданную памятью народа, ту, что в течение стольких поколений населяла детское воображение страшилками. Правда была куда ужаснее легенды: грех восторжествовал, добродетель была наказана, над старостью как следует поглумились.

Но вовсе не Фредегонда обрекла свою многолетнюю соперницу на пресловутую смертную муку – Фредегонда к тому времени уже шестнадцать лет как была мертва. Выиграв последнюю битву между Суассоном и Ланом, она тихо угасла в своей постели, которую к тому времени довольно давно уже делила с любовником – Ландериком. И осуществить посмертное мщение Фредегонды взялся ее сын, Хлотарь II.

И вовсе не молодую прекрасную женщину с пышной грудью привязали тогда к конскому хвосту, но старуху семидесяти девяти лет. Потому что Брунгильде было именно столько. Она правила вместе с сыном, потом – вместе с внуками, она правила, когда были детьми ее правнуки, от их имени. Всеми покинутая, преданная, схваченная врагами, она была обвинена во всех преступлениях, какие только совершались в течение четырех царствований, включая и те, что совершила Фредегонда. Три дня Брунгильду пытали, перед тем прирезав у нее на глазах последних ее потомков, затем посадили ее на верблюда и долго возили ее так сквозь воинский строй под хохот и улюлюканье солдат. Верблюд у франков! Нам это кажется странным, необыч-

ным, между тем присутствие верблюда доказывает всего лишь, что продолжалась торговля с Востоком и что меровингские правители унаследовали от Рима склонность к зверинцам.

Король Хильперик и Фредегонда присутствуют на казни обвиненных в колдовстве. Миниатюра XIV в.

Наконец несчастную старуху сняли с седла и привязали за руку, за ногу, за волосы (надо полагать, волосы у Брунгильды были уже совсем седые) к хвосту необъезженного коня...

Историки не могут найти согласия, выясняя, в каком месте была совершена казнь. Большинство, повторяя это друг за другом, помещают место казни в окрестностях Дижона, но некоторые утверждают, что казнь имела место в Париже и что растерзанное тело старой королевы волокли вдоль будущей улицы Пти-Шан.¹³⁷ Часть этой улицы после Второй мировой войны была переименована: ей дала свое имя национальная героиня, другая мученица – Даниель Казанова.¹³⁸

---

¹³⁷ Rue de Petits-Champs (фр.).

¹³⁸ Казанова (Casanova) Даниель (1909–1943) – родилась на Корсике в семье учителя, в 1927 году приехала изучать медицину в Париж, где принимала активное участие в студенческом движении, вступила в организацию коммунистической молодежи, затем в компартию, а в 1936 году возглавила Союз девушек Франции. В 1935 году Даниель приезжала в Москву на конгресс Коммунистического интернационала молодежи и была избрана членом его исполкома. Во время оккупации Франции фашистской Германией (1940–1944) Казанова стала одним из организаторов французской молодежи и женщин на борьбу за освобождение родины. В феврале 1942 года она была арестована гестапо, а в мае 1943-го скончалась от тифа в фашистском

Трон Дагоберта

В течение века, который отделял смерть Хлодвиги от царствования Хлотаря II, Париж, хотя и переходил из рук в руки и менял королей, не переставал расти. Церковные приходы располагались теперь по обоим берегам Сены: Сен-Жюльен, Сен-Северин, Сен-Мерри, Сент-Этьен, Сен-Марсель, Сен-Жерве, Сен-Лазар... Дома теснились вокруг завезенных издалека мощей или памяти о священнослужителях-чудотворцах. Не стоит удивляться подобному цветнику святых в Париже времен Меровингов – впрочем, как и в других местах в ту эпоху. Добродетель была здесь таким редким товаром, что один тот факт, что ты человек порядочный, великодушный и хоть чуть-чуть стремишься помочь людям, уже считался чудом, и, по общему мнению, такой человек заслуживал канонизации.

Тогда и впрямь «только вера и спасала», вера... и церковники – им одним удавалось иногда внушить страх королям.

Париж рос, но рос содрогаюсь. Париж рос, но рос беспорядочно, не зная гигиены, без какого-либо плана. Но какой заботы о благоустройстве города можно было ждать от века, который не знал грамоты и – это касается всего франкского Запада – произвел на свет всего двух писателей: поэта Фортуната, воспевшего Брунгильду, и историка Григория?¹³⁹ Никакой другой свет не светил в эти темные времена децивилизации.

Братоубийственные войны, которые истребляли королей и истощали народы, свидетельствуют не только о разгуле насилия и диких нравах, царивших в те времена. Такие кровопролитные войны доказывают и пагубность территориальных разделов, и необходимость единой власти, резиденцией которой, это совершенно очевидно, служил Париж.

Брунгильда первой поняла необходимость единой власти с центром в Париже: когда четверо ее внуков остались сиротами, она – вопреки всем франкским обычаям – провозгласила королем одного, старшего. Стало быть, знаменитый Салический закон – имеется в виду переход престола к старшему из потомков мужского пола, – который так упорно отстаивали при последних Капетингах (из прямо наследовавших трон), являлся на самом деле решением, нет, изобретением Брунгильды, вступившим тогда в противоречие с салической традицией и салическими нормами.

Ум Брунгильды принес пользу ее палачу. Хлотарь II, единственный, кто выжил в долгой семейной резне, постарался восстановить единство власти. Он правил своим государством из Парижа, где и созвал в 614 году совет епископов одновременно с мирской ассамблеей, а правил он разными подчиненными ему франкскими территориями, посылая туда безусловно верных ему высших должностных лиц.

Именно в это время особое и очень большое значение при дворе придавалось функциям мажордома, или майордома,¹⁴⁰ и человек, занимавший эту должность, играл по обстоятельствам роль то первого министра, то вице-короля.

концлагере.

¹³⁹ *Фортунат Венанций* (Venantius Honorius Clementinus Fortunatus; ок. 530 – после 600) – автор латинских поэм и гимнов. После того как Хлотарь I убил в борьбе за власть во Франкском королевстве своего брата, жена Хлотаря Радегунда ушла в монастырь. В 567 году Радегунда и сама основала монастырь в Пуатье, духовником Радегунды там и епископом Пуатье с конца века был поэт Фортунат. Ученый монах-историк Павел Диакон, или Варнефрид (Paulus Diaconus; ок. 720–800), – известный историк, автор «Римской истории» и «Истории лангобардов» – назвал Фортуната «ником не превзойденным поэтом» и посвятил ему эпитафию, в которой восхвалял язык, достойную жизнь и благородство своего соотечественника. Два стихотворения Фортуната до настоящего времени входят в богослужебный канон Римско-католической церкви. Среди сочинений Венанция есть также Житие святого Мартина и 11 книг стихотворений. Историк *Григорий* – имеется в виду Григорий Турский, см. выше.

¹⁴⁰ *Майордом* (лат. *maior domus* – старший по двору) – старший сановник дворца времен Меровингов. Должность майордома начинает приобретать особую силу к середине VII века – в связи с ослаблением королевской власти династии Меровингов. Определить первоначальное значение этой должности трудно, – вероятнее всего, майордом заведовал поначалу всеми королевскими чиновниками и дворцовым хозяйством («министр двора»). Постепенно значение должности росло, и майор-

Майордом Австразии, который выступил подстрекателем в «деле Брунгильды», звался Пипином – от него и пошла династия Каролингов.

А что было дальше? А дальше Хлотарю II, умершему в 629 году и захороненному в Сен-Жермен-ле-Доре, наследовал его старший сын, которого Париж сделал героем песенки, – это добрый король Дагоберт,¹⁴¹ стоявший бок о бок с великим святым – Элигием.¹⁴² Но песенка – не история. Жизнь каждого из этих знаменитых приятелей таит в себе немало сюрпризов.

дома (*maior domus regiae*) теперь уже не только заведовали придворной службой, но и управляли имениями короля, сосредоточивая в своих руках военную и административную власть, исполняли судебные функции. А порой майордом и попросту устранял ничтожного короля, должность его стала принадлежностью могущественной аристократии, выбирающей майордома из своей среды. В хрониках того времени встречается даже формула: «*Regnante rege, gubernante maiore domus*» (букв. «в царствование царя, в правление майордома»). Так, Карл Мартелл (ок. 686 или 688–741) стал единственным майордомом и князем франков и даже не считал нужным заменить умершего Меровинга новым королем. Его сын Пипин Короткий заключил в монастырь последнего Меровинга, Хильдериха III (ум. ок. 755, смещен в 751), был провозглашен королем и помазан папой Захарием на престол. Так началась династия Каролингов.

¹⁴¹ Речь тут не о реальном Дагоберте, а о герое связанной с ним в народном представлении легенды – добром, веселом и доступном народу короле, любителе простых жизненных радостей. Легенда эта породила популярную до сих пор и довольно легкомысленную народную песенку о добром короле и его воспитателе и советнике – святом Элигии... В двух первых куплетах этой песенки рассказывается о том, как король однажды надел наизнанку штаны, а когда по совету святого Элигия стал переодеваться, обнаружилось, что он не очень любит мыться. Упоминание о штанах доброго короля Дагоберта очень распространено во французской литературе (см. Дюма, Доде, Эжена Сю и др.). О реальном же Дагоберте сведения такие: *Дагоберт I* (Dagobert; ок. 605–639) – франкский король с 629 года, сын Хлотаря II, последний представитель династии Меровингов, обладавший реальной властью.

¹⁴² *Элигий* (St. Eligius, *фр.* Saint Éloi; ок. 588–658 или 659) – святой, просветитель Фландрии. Пришел в Париж как ювелир по золоту (поэтому и считается патроном цеха золотых дел), его талант принес ему значительное состояние, которое он использовал, раздавая милостыню и выкупая рабов, – некоторые из этих рабов остались при нем и верно ему служили на протяжении всей его жизни. Вскоре будущий святой достиг серьезного влияния при дворе и это свое влияние употреблял на пользу церквей, монастырей и бедных. После смерти короля Дагоберта Элигий был вынужден вступить в духовное звание, а затем принял сан «епископа Нуайона и Турнея», причем Турнейская часть его епархии была населена в основном язычниками. Язычники эти сначала хотели причинить Элигию вред, но его упорный труд на ниве благочестия, забота о больных, защита людей от угнетения, предоставление материальной помощи заставили их изменить свое отношение к нему. Многие были обращены в христианство и крещены. Святой Элигий долгое время оставался самым популярным святым Франции, и его праздник (отмечается 2 июля) в эпоху позднего Средневековья был всеобщим праздником Северо-Западной Европы. Почитается этот святой как покровитель сборщиков цветных металлов, ювелиров, кузнецов, нумизматов, чеканщиков и работников заправок, помогает в лечении лошадей, а изображается на иконах одетым либо как епископ, либо как чеканщик – в шапочке и кожаном переднике, с молотком, щипцами, наковальней и мехами, лежащими у ног, иногда – побеждающим Сатану, которого святой держит за нос щипцами. В произведениях же, заказанных гильдиями, изображается гравирующим чашу или преподносящим золотую раку королю. В период раннего Средневековья святые из ремесленников – редчайшее исключение: наиболее удобным Богу видом труда считалось земледелие.

Петрус Кристиус. Святой Элигий. 1449

Обратимся к Элигию... Есть что-то от необычайного приключения в самом его возвышении. Начинал он в Лиможе как кузнец и с самого начала отнюдь не отличался скромностью. Во всяком случае, на своей вывеске он написал: «Элигий, мастер из мастеров, хозяин над всеми». В Париже он обосновался как ювелир, и вскоре среди его клиентов оказались придворные, которым Элигий поставлял чаши, посуду, ларцы, дароносицы и раки для мощей. Золотой трон, который называют Дагобертовым, был изготовлен Элигием для Хлотаря II. Дагоберт получил трон совершенно готовым вместе с прочим наследством.

Работая с золотом, приближаешься к государственной казне, точно так же – работая на короля, становишься его советником. Элигий судил обо всем и вкус к власти имел отменный. Для Дагоберта он перестроил налоговую службу и исправил финансовое положение. Будучи неплохим бизнесменом, прежде чем стать церковником, Элигий продемонстрировал еще большую искусность и ловкость в качестве казначея, чем в качестве королевского ювелира.

Король Дагоберт I. Фрагмент надгробия в аббатстве Сен-Дени

Министров финансов любят редко, но будущего святого Элигия не то чтобы не любили – его ненавидели. Париж питал к нему просто жгучую ненависть. После смерти короля Дагоберта I, страшась за свое будущее, Элигий отправляется в Нуайонское аббатство, где и доживает весьма осторожным изгнанником свой век. Если и свершил какое чудо этот святой, то чудо заключалось в умении изъять у народа столько звонкой монеты.

Что же до самого Дагоберта, то и он был вовсе не таким славным малым, каким его считают. И если сожалеть о кончине этого «доброго короля», то только сравнивая его с наследниками.

У Дагоберта был темперамент воина, склонность к деспотизму во власти и вкусы сатрапа. Убийства совершались им отнюдь не в порядке исключения – напротив, для Дагоберта это был один из методов правления. Он воспринимал брачные обеты как своего рода сделку и много раз менял законных жен, при этом даже и не думая отказываться от доброй сотни сожительниц. И если однажды придворному ювелиру довелось увидеть короля в несколько странно надетых штанах, значит, скорее всего, тот одевался наспех, уходя из гарема.

Тем не менее надо отдать Дагоберту должное: он много разъезжал и, имея благодаря Элигию много денег, преуспел там, где его отец потерпел поражение. Дагоберт практически восстановил единство *Regnum Francorum*, то бишь Франкского королевства, на территории от Восточной Германии до Пиренеев. Это был жестокий король, но – великий король.

Чтобы обезопасить себя от нападения славянских народов, которые близ границ его германских владений уже начинали волноваться, Дагоберт заключил с византийским императором Ираклием I¹⁴³ договор о дружбе и «вечном мире». Из этого ясно, насколько далеко простиралась держава Дагоберта...

И тогда Париж внезапно оказался вторым городом мира, по крайней мере, если иметь в виду значимость того, кто там царствовал. А ведь присутствие где-то сильной власти привлекает туда и стимулирует там всякую деятельность – будь то строительство или торговля, оно благоприятно для роста амбиций, оно магнитом притягивает в эти края путешественников. Должно быть, в Париже нечем было дышать, оглушал шум, доносящийся из мастерских ремесленников, трудно было перемещаться, и уже тогда его жители начали мечтать о свежем

---

¹⁴³ *Ираклий I* (575–641) – император Византии с 610 года, основатель Ираклейской династии. Договор был подписан в 631 году, после чего Дагоберт в 632-м заключил союз с Лангобардией, а в 633-м с Саксонией – все эти государства должны были защищать границы королевства франков от набегов славян. В оригинале Ираклий ошибочно назван Гонорием.

деревенском воздухе – именно потому Дагоберт с таким удовольствием отправлялся провести конец недели на своих виллах в Рюэи и Эпинё.

Именно в Эпине король Дагоберт и умер – в 639 году. Его великое царствование продолжалось всего десять лет. И именно в Сен-Дени, в базилике, построенной Элигием, король Дагоберт и упокоился – первым из французских монархов, которых отныне станут тут хоронить.

После него все снова развалилось. Наследники опять разделили королевство, и даже те, кому при дележке доставался Париж, не делали из него своей резиденции. А мы знаем, что, когда французские власти покидают столицу, ни к чему хорошему это не приводит.

Так что же – последние Меровинги были королями-бездельниками? Не больше, чем многие другие! Впрочем, им едва хватало времени кое-как поцарствовать, а уж что-то сделать... Обзаводясь потомством чаще всего в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет, все эти Теодорихи, Хлотари и прочие Дагоберты умирали, не достигнув двадцати четырех – двадцати пяти лет. Все подряд. Таким образом, на столетие пришлось десять или двенадцать королей, которым досталась традиционная декоративная роль: они принимали посланников, произносили заготовленные для них речи, подписывали официальные бумаги, знать не знали, какие приказы отдаются от их имени... Они царствовали, но не правили.

Король Дагоберт перестраивает аббатство Сен-Дени. Миниатюра XIV в.

Ошибка этих королей заключалась не столько в том, что они перемещались в повозках, запряженных быками, – тогда о другом транспорте еще не ведали, других скоростей не знали. Их главная ошибка состояла в том, что они совершенно отделились от народа, что предпочитали реальной власти роскошь своих дворцов с большей или меньшей толикой распутства. Их ошибка, их несчастье было в том, что они не умели или не могли помешать каждому из своих высших сановников, майордомов, герцогов, графов перестраивать королевство, как тем хотелось, перекраивать и переделывать его, опираясь на один-единственный регион или на собственных сторонников и становясь почти независимыми.

За все это столетие в Париже не было создано ничего прочного и основательного, за исключением Отель-Дьё,¹⁴⁴ творения епископа Ландри.

Никто на Западе в это время не удостоивал вниманием голос, доносившийся из Аравийской пустыни. Занятые своими внутренними переделами, франкские правители не слышали топота бедуинских коней и верблюдов, не приняли серьезных мер, чтобы остановить или хотя бы задержать их чрезмерно быстрое продвижение по Средиземноморью, потому что куда больше их волновало то, что поделывает герцог и майордом Австразии Карл Мартелл.

И когда Париж наконец различил грохот, производимый проповедниками ислама, те уже галопом приближались к Пуатье.

---

¹⁴⁴ *Отель-Дьё* (Hôtel-Dieu – букв. «Обитель Бога») – самая старая больница Парижа. Она основана в 651 году при монастыре. Официальным годом основания считается 660-й. С XII по XVIII век она реконструировалась и достраивалась, а в 1878 году, когда в Париже проходил конгресс психиатров и Первый Международный антиалкогольный конгресс, она приобрела современный вид.

Золотая фибула в меровингском стиле. VII в.

III. Забытый империей

Безучастность Карла

Нет никакой уверенности в том, что при Пуатье¹⁴⁵ действительно имела место «битва», нет, – скорее всего, мусульмане попросту разграбили предместья этого города, ну а потом

---

¹⁴⁵ Битва при Пуатье (10 октября 732 года) известна также как битва при Туре, а в арабских источниках – как «ma'arakat

«встретились» с христианами на дороге в Тур. Как это часто случается с войсками завоевателей, которых легкость продвижения заносит чересчур далеко от их баз, – стоило арабам впервые натолкнуться на серьезное сопротивление, они мгновенно обратились в бегство. Но победители и побежденные были в равной степени заинтересованы в том, чтобы в рассказах преувеличивать значение этой стычки: одни – чтобы оправдать свое отступление, другие – чтобы раздуть значимость своей мнимой победы, вот и рождались легенды, ставшие позже историей.

А раз нет никакой уверенности в серьезности битвы, тем более нет никакой уверенности в том, что в тот день Карл Мартелл¹⁴⁶ спас Запад от весьма серьезной, огромной и способной перерасти в трагедию опасности, как бы ему ни нравилось это утверждать. Его противником был не весь мусульманский мир, Карл сражался лишь с отдельной группой арабов и обращенных вестготов, куда менее озабоченных стремлением подчинить себе Европу, чем необходимостью уладить разногласия между местными властями и мятежным эмиром.¹⁴⁷ Это вторжение, по крайней мере вначале, выглядело как большой карательный набег.

Зато в чем мы можем быть совершенно уверены – это в том, что сам Карл Мартелл еще до вторжения арабов дважды разграбил юго-запад Франции. И если мусульмане вторглись в страну – они сделали это потому, что их позвал выступить в помощь ему против Карла герцог Аквитанский.

Карл ведь к тому времени – и точно так же – разгромил Нейстрию, разграбил долины Сены и Луары, завоевал территории фризов, баварцев, саксов, лионцев, а довольно много времени спустя после ухода арабов в третий раз напал на Аквитанию. В то время Абд эль-Рахман внушал куда меньший ужас, чем сам Карл Мартелл!

И когда сарацины вновь появились в долине Роны, их нашествие остановил не Карл Мартелл и не его союзник, король Ломбардии, нет – разложение армии захватчиков началось даже раньше, чем она вступила в битву: распри на религиозной почве тогда уже терзали мусульманский мир и ограничивали распространение ислама. Карлу осталось просто явиться в Прованс с войсками, чтобы наказать там предателей и подвергнуть имуществу марсельцев, снюхавшихся с неверными, секвестру.¹⁴⁸ Вот и вся победа!

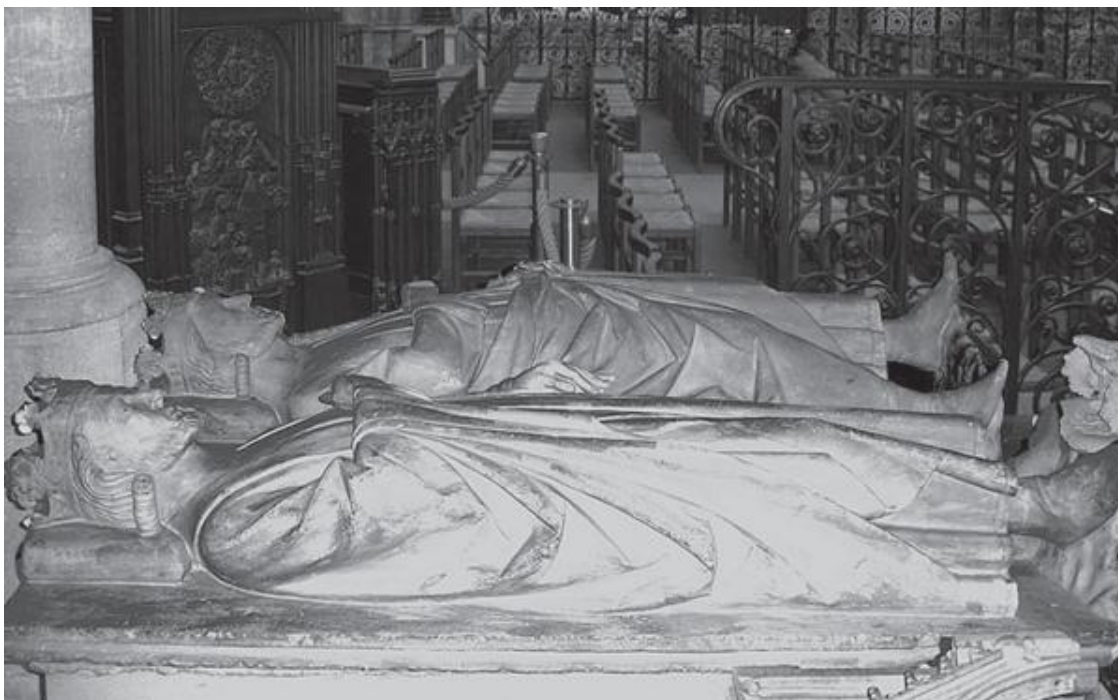

Balâ ash-Shuhadâ». Сражение произошло, видимо, неподалеку от границы между Франкским королевством и тогда еще независимой Аквитанией. В битве столкнулись франки под руководством Австрийского майордома Карла и армия Умаядского халифата под командованием Абдул Рахмана Аль-Гафики. Франки одержали победу, Абдул Рахман Аль-Гафики был убит, а Карл распространил впоследствии свое влияние дальше на юг. Хроники IX века трактовали исход битвы как божественное знамение в его пользу. Детали битвы, включая точное место и численность сражавшихся, из имеющихся исторических источников не установлены, согласно же легенде, франкские войска выиграли битву без кавалерии.

¹⁴⁶ *Карл Мартелл* (лат. Carolus Martellus; ок. 688–741) – майордом Франкского государства Меровингов (715–741). Карл не только одержал победу над арабами в битве при Пуатье, за что и получил прозвище Мартелл (от *позднелат.* martellus – молот), но и подчинил себе фризов и алеманнов. Кроме того, нанеся поражение знати Нейстрии и Аквитании и восстановив политическое единство Франкского королевства, он при последних королях династии Меровингов фактически сосредоточил в своих руках верховную власть. Преобразования Карла Мартелла стали важной фазой развития феодальных отношений у франков.

¹⁴⁷ Герцог Одо Аквитанский, желая установить мир на своих границах, в 730 году заключил союз с берберским эмиром Утманом ибн Наисса, губернатором будущей Каталонии. Арабские набеги на Аквитанию приостановились, однако уже через год Утман взбунтовался против своего начальника, генерал-губернатора Андалузии Абд эль-Рахмана, а тот, в свою очередь, обратил войска против союзника Утмана, герцога Аквитанского.

¹⁴⁸ *Секвестр* (лат. sequestro – ставлю вне, отделяю) – наложение ареста на имущество или временная передача спорного имущества, на которое претендуют две стороны, третьей стороне до решения в арбитраже спора о том, кому оно должно принадлежать.

Надгробия Карла Мартелла и Теодориха IV в аббатстве Сен-Дени

Тем не менее широко распространявшаяся легенда о якобы выигранной битве при Пуатье, дополненная фактами о провансальском «триумфе», не только позволила Карлу Мартеллу выставить себя защитником Европы и спасителем христианства, но даже после смерти Теодориха IV¹⁴⁹ (который в случае, если бы составлялся список монархов, по праву получил бы прозвище Неизвестный) избавила от необходимости создавать хотя бы видимость наличия короля.

Почему же все-таки Карл Мартелл не был коронован? Ему не хватило скорее времени, чем желания. Этот бастард повелителя Австразии, майордома Пипина Геристальского, бастард, который решил восстановить ради собственной выгоды отцовское всемогущество, был по происхождению человеком с Востока, австразийцем, столицей для него был Мец, главной рекой – отнюдь не Сена, но Рейн.

Он не знал Парижа, побывал в нем всего однажды, еще в юности, когда пришел сюда с войной, чтобы уничтожить своих первых противников, и вернулся он в столицу Франции только после смерти: Карла похоронили в Сен-Дени, тем самым доказав, что воспринимают его как короля.

А если ему хотелось – или он был вынужден, ведя бесконечные войны, восстановить всегда готовое пошатнуться единство Франкского королевства, то только потому, что у него была собственная концепция такого единства. Он видел в единстве народов, занимающих территорию королевства франков, выгоду для себя лично: надо объединить всех под своей властью, – и потому речь шла скорее о единстве власти, чем о единении народов.

Карл Мартелл с тем большим ожесточением боролся за свои права, что их – в связи с незаконнорожденностью – легко было оспорить, и опирался поначалу в своих действиях на австразийских высших сановников и крупных землевладельцев, поскольку те видели в нем самим Небом посланного защитника своей власти и своего добра. Он всю жизнь поступал именно так, и так же вели себя его потомки, которые всегда благоволили самым богатым и

---

¹⁴⁹ *Теодорих IV (фр. Thierry; 713–737)* – король франков с 721 года. Имя Теодорих переводится со старогерманского как «король народа». Карл Мартелл провозгласил его королем после смерти Хильперика II, но он лишен был всякого значения в своем королевстве. В течение четырех лет после его смерти Мартелл не назначал ему преемника и сам правил государством, не принимая, однако, королевского титула.

содействовали любому предприятию, в котором крутились большие деньги, независимо от того, церковные деятели в нем участвовали или мирские. Имущие классы охотно отдавались в руки авантюристов, гарантировавших им сохранение приобретенных льгот. Династия Каролингов – куда в большей степени, чем другие, – продемонстрирует нам монархию привилегированных.

Париж ремесленный, Париж торговый, Париж транспорта и всякого рода сделок, Париж изобретателей, Париж – место обмена изделиями и идеями, Париж, кишевший тысячами мелких производителей и обладавший всего несколькими, да и то невеликими, состояниями, – такой Париж ничем не мог заинтересовать Каролингов.

Коронация Пипина

Тем не менее в следующие годы Париж станет местом и свидетелем политических актов, которые повлияют на будущие века.

Гегемонистские мечты Карла Мартелла и его правление не привели к серьезному упрочению *Regnum Francorum* и не принесли ему народного признания, а потому сыну и наследнику Карла – Пипину Короткому,¹⁵⁰ перенявшему отцовский воинственный пыл и отцовскую жестокость по отношению к противнику, пришлось много воевать. Он организовал новый поход в Аквитанию, два в Германию, еще два в Италию, чтобы разобраться с бывшими союзниками отца – ломбардами, и, наконец, третье его вторжение в Аквитанию вылилось в долгую, восьмилетнюю, и очень кровопролитную войну.

---

¹⁵⁰ *Пипин III Короткий* (лат. *Pippinus*) – сын Карла Мартелла и внук майордома Пипина II – в 751 году, при поддержке папы Захарии, стал королем франков, сместив Хильдерика III, последнего представителя находившейся в упадке династии Меровингов. Через год папа Стефан II даровал Пипину титул римского патриция, тем самым повысив значимость его звания короля франков и положив начало исторической связи между папством и Каролингами. В 754 году в аббатстве Сен-Дени, близ Парижа, тот же папа совершил помазание Пипина и его сыновей Карла и Карломана в качестве королей франков. Пипин дважды (754 и 756) оказывал папе римскому помощь в его борьбе с лангобардами, а в 756-м осуществил знаменитое «дарение Пипина», передав папе отобранные у лангобардского короля Айстульфа земли, на которых и возникла Папская область, положившая начало мирской власти папства. В 759 году Пипин захватил Септиманию и добился полного контроля над Аквитанией, расширив границы своего правления до Пиренеев. Умер Пипин в аббатстве Сен-Дени 24 сентября 768 года. После кончины первого короля из династии Каролингов власть в королевстве была разделена между двумя его сыновьями.

Базилика Сен-Дени

Когда изучаешь историю жизни Карла Мартелла, почти на каждой странице встречаешь глагол «разграбил», когда обращаешься к истории жизни его сына, основным глаголом становится «разорил». Разорение Берри, разорение Оверни, разорение Лимузена и Керси, разорение Лангедока... Разорение, тем более столько раз повторяющееся, выглядит более продуманным действием, чем простое разграбление, в разорении есть нечто более систематичное и более

методическое. У Пипина, как единодушно считают все историки Средневековья, политическое чутье было куда более развито, чем у Карла Мартелла.

Кроме того, Пипину еще и повезло, поскольку старший брат Карломан¹⁵¹ добровольно устранился. У него не было особых способностей властвовать, он ужасался при виде убийств, которых при нем совершилось множество, – что ему оставалось? Только уйти в монахи, что он вскоре и сделал. Пипин, оставшись единственным хозяином (точнее – единственным майордомом, реальным правителем), так же методично, систематически двигался к трону, как опустошал чужие территории. Выполняя эту довольно медленно решавшуюся задачу, он счел для себя полезным вспомнить о Париже.

Коронация Пипина Короткого в Сен-Дени. Гравюра XV в.

Первый раз Пипин вспомнил о нем в 743 году для того, чтобы объявить там на Марсовом поле о коронации последнего Меровинга, Хильдерика III. Тень, призрак короля, но от имени этого призрака Пипин управлял государством в течение восьми лет. На исходе этих восьми лет всемогущий майордом написал папе Захарии¹⁵² странное письмо, ответом на которое стали такие слова: «Лучше назвать королем того, кто имеет власть, чем того, кто от нее отстранен». Пипин воспользовался этим ответом, чтобы созвать в Суассоне ассамблею, которая и даровала – или передала – ему королевский титул «как избранному всеми франками, по узаконении епископами и при повиновении знати». Примерно так выразился средневековый летописец. Вот только кажется, будто на том чудном референдуме голоса епископов и знати имели тот же

¹⁵¹ Карломан (Karlmann; 710–754) – майордом, сын Карла Мартелла; в 741 году он получил Австрию, а в 747-м отказался от власти, ушел в монастырь и семь лет спустя там и умер.

¹⁵² Захария I (Zacharius) – святой, папа римский с ноября/декабря 741 по 775 год.

вес, что и голоса всех франков, вместе взятые. Своего рода предвосхищение, а может быть – и исток юридического раздела всего французского народа на три сословия, эти три сословия так ведь и просуществовали вплоть до полного краха монархии.

На голове последнего из Хильдериков появилась тонзура, и он затворился в тишине обители. А большие монастыри, в знак великого праздника восшествия на престол нового монарха, получили от него роскошные дары, обязанные своей роскошью имуществу и землям всех франков.

Тут надо напомнить, что духовенство той жестокой эпохи отличалось нравами, которые нас с вами сильно удивили бы, столкнусь мы с ними въявь: епископы часто были женатыми людьми, чьи сыновья претендовали на наследование епископата; настоятели грабили собственные монастыри, обеспечивая себе возможность жить как сеньоры, и позволяли себе участвовать в войнах, охоте и попойках, они нередко отличались распутством; церковники занимались ростовщичеством, и многие миряне управляли церквами, как лавками или земельной собственностью, «даже не дав себе труда принять священный сан или постричься в монахи».

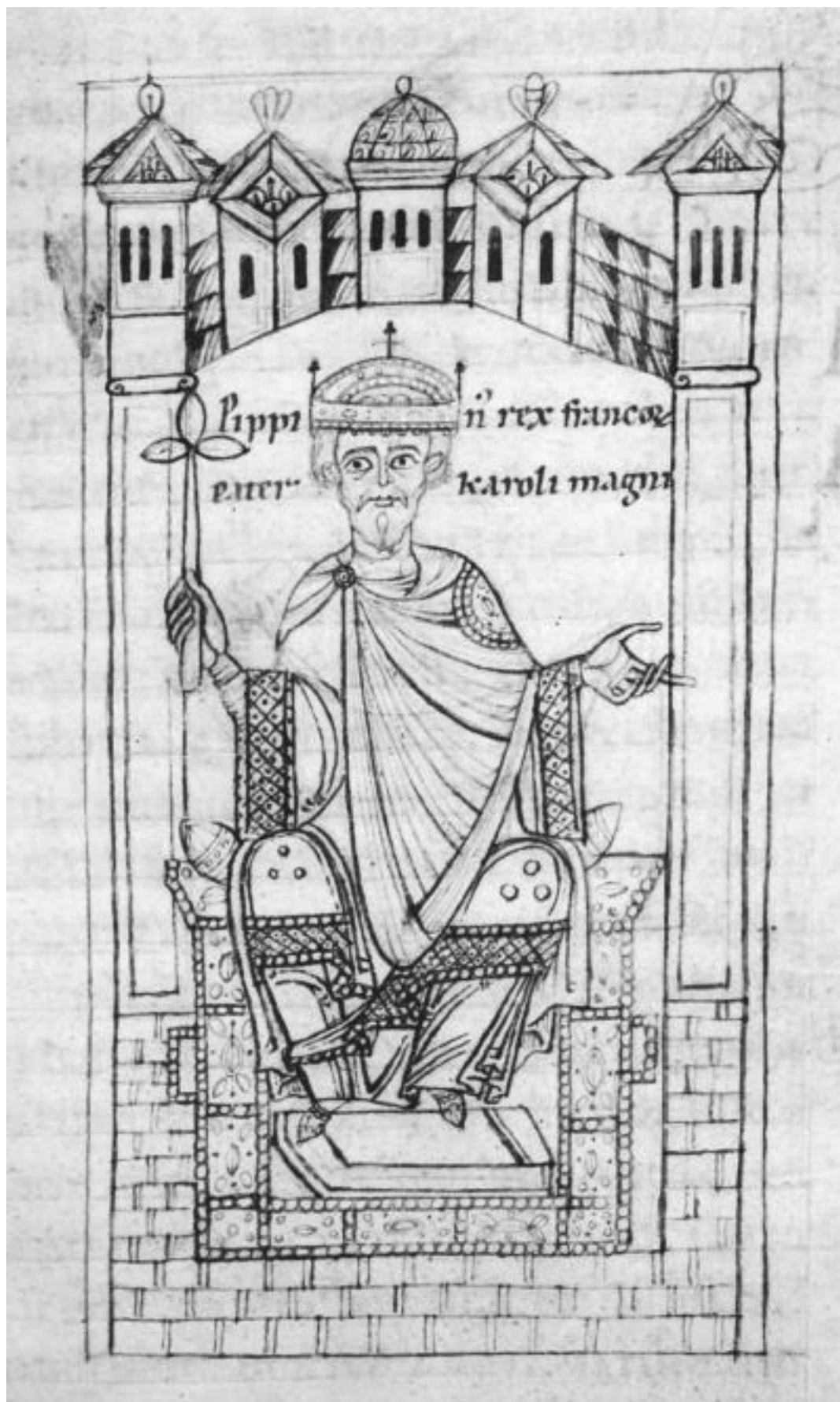
Папство, испуганное и возмущенное состоянием французской церкви, умоляло Пипина прекратить это безобразие и воспитать новое духовенство, и Пипин приступил к порученному делу, осуществляя его так же методично и систематически. А папство между тем жило в страхе перед угрозой нашествия лангобардов.

И тут Пипин Короткий второй раз вспомнил о Париже или, точнее, о Сен-Дени – но как вспомнил? Он предложил здесь папе Стефану II,¹⁵³ избранному на престол после умершего Захарии, стол и кров.

---

¹⁵³ *Стефан II (752–757)*. – На самом деле после смерти папы Захарии новым папой римским был избран римский пресвитер Стефан, который получил имя Стефан II. Однако он скончался через четыре дня, и, хотя по существовавшим тогда каноническим правилам считалось, что он начал понтификат, в официальные списки пап не входит, и избранный вместо покойного кандидат зовется так же – Стефан II, кроме того, как и последующие, он имеет двойной порядковый номер.

Пипин III Короткий. Миниатюра. IX в.

Ах, какой трогательной была встреча Стефана и Пипина в самом начале 754 года!¹⁵⁴ Прибывши к папскому кортежу, Пипин спешил, взял под уздцы лошадь понтифика и смиренно, как конюх, вел ее. Но затем, когда они оказались в первой же часовне, папа бросился на колени перед королем и стал просить у него защиты. У истории иногда просыпается чувство юмора: все это происходило 6 января – в День трех королей!¹⁵⁵

Так же как Стефан не был уверен в том, что сумеет удержаться на своем престоле в Риме, Пипин, со своей стороны, тоже не стал бы биться об заклад, что сохранит за собой новенький трон: его как выбрали, так могли и устранить после следующих выборов, его мог согнать другой претендент на власть... Кажется, все-таки на ассамблее и впрямь были представлены не все франки, вроде бы решение, там принятое, было не совсем единодушным, ведь к тому времени уже начались серьезные волнения...

Воспользовавшись тем, что папа был его гостем и был ему обязан, Пипин настоял на том, чтобы тот полгода спустя помазал его на царство в максимально торжественной обстановке. Местом миропомазания назначили базилику Сен-Дени.¹⁵⁶

Давайте позволим себе чуть-чуть задержаться на этом торжественном дне 28 июля 754 года: в школьных учебниках истории о нем есть лишь краткое упоминание, между тем политическое значение этого дня, возможно, куда больше, чем дня восшествия на престол Карла Великого. Явившиеся пешком в Сен-Дени и глазевшие в тот летний день на церемонию парижане наблюдали за событием для своего времени совершенно непривычным, можно даже сказать – за нововведением, в любом случае – за событием, последствия которого сказываются и сегодня.

Во-первых, навсегда изменилась сама природа франкской монархии. Ни один из Меровингов не был помазан на царство. В силу традиции до тех пор даже при передаче королевской власти по наследству получить ее можно было, только будучи избранным, причем избрание это всегда могло быть подвергнуто пересмотру – и действительно не раз такому пересмотру подвергалось.

Миропомазание, то есть помазание освященным благоуханным маслом (миром), не было в обычае у франков, не было оно изначально в обычае и у христиан: таинство это позаимствовано из древних магических ритуалов времен фараонов.¹⁵⁷ Смысл помазания в том, чтобы отметить внешним знаком: данный человек избран не людьми, теперь он стал Его орудием в управлении народом, он причастен отныне Духу Божию. Таким образом, после помазания монарх приобретал черты жреца, личности неприкосновенной. «*Tu es sacerdos in aeternum*»¹⁵⁸ – и любое неповиновение или тем более противостояние отныне воспринималось как святотатство. Здесь корни божественного права монарха.

¹⁵⁴ Торжественная встреча состоялась 6 января 754 года. Пипин ожидал папу в Понтионе (Понтион расположен ныне в 240 км от Парижа), а навстречу выслал своего сына Карла, тогда еще мальчика, и тот действительно встретил кортеж в ста милях от замка, куда папа направлялся. На ближних подступах, в трех милях от города, Стефана встретил уже сам король. Он спрыгнул с коня, встал перед понтификом на колени, потом взял за узду его лошадь и некоторое время вел ее. В Понтионе все вошли в дом с церковными песнопениями, затем папа и король уединились в молельне, и здесь их роли поменялись: Стефан, одетый в сермягу, посыпав голову пеплом, встал перед Пипином на колени и обратился к нему с мольбой начать войну против лангобардов. Пипин торжественно поклялся исполнить желание папы и возвратить ему все земли, отобранные королем лангобардов Айстульфом.

¹⁵⁵ 6 января праздником Богоявления (Эпифании), или Трех королей, завершается зимний цикл святочных католических праздников.

¹⁵⁶ В Лоршских анналах («*Annales Laurehamenses*», современный событиям источник, который служит главным свидетельством происшедшего в ту эпоху) сообщается о помазании папой Пипина III и двух его сыновей 28 июля 754 года.

¹⁵⁷ На древнем Ближнем Востоке символическое помазание было центральной частью обряда церемониального возведения в определенный статус, в первую очередь коронации (так, уже в Ассирии к царю прилагался эпитет «пашишу», то есть «помазанник»); обряд помазания при посвящении жрецов употреблялся в Древнем Египте, при посвящении в сан иудейского первосвященника ему смазывали голову маслом. Именно от этих древних обрядов и берет начало христианский обряд миропомазания.

¹⁵⁸ «Ты священник во веки веков» (лат.).

Такую систему прекрасно можно себе представить в государстве теократическом, глава которого является одновременно и главой священства своей страны. Но в том случае, когда глава государства и глава Церкви – разные люди, когда законы и церковные догмы – разного происхождения, когда власть мирская и власть духовная осуществляют свои функции порознь, порядок в государстве может быть только шатким, хромым на обе ноги, и либо две ветви власти обязаны заключить друг с другом некую сделку, либо они приговорены к постоянным конфликтам. Король желает управлять церковниками, потому что церковники – его подданные, а папа желает управлять своими подданными, в том числе и королем, потому что они верующие и в этом подчинены ему как наместнику Бога на земле.

Если государи не становятся, как сделали Каролинги, ближайшими помощниками папы, а папы, подобно Стефану II и его преемникам, не делаются первыми капелланами короля – что заставляет гражданские власти признать священство привилегированным классом, а власти церковные – попустительствовать всем злоупотреблениям, совершаемым правительством, – кроме Каноссы или Ананьи, императора Генриха на коленях в снегу или папы Бонифация, получившего пощечину прямо на собственном престоле, то нечего и ждать...¹⁵⁹ Или же все завершится расколом, как при Генрихе VIII Английском,¹⁶⁰ который, следуя собственной грубой логике, сделал себя главой своей национальной церкви.

---

¹⁵⁹ История Генриха и Каноссы такова: германский король и император Священной Римской империи Генрих IV (Heinrich IV; 1050–1106) всю жизнь воевал с главой католической церкви Григорием VII. Император бил врага оружием, папа – властью, которая ему тогда была дана: он имел право любого человека отлучить от церкви, а отлученный – даже император – лишался всех человеческих прав, и никто не смел заговорить с ним или поднести ему пищу, даже если он умирал с голоду. Борьба оказалась неравной: в 1077 году император явился в итальянский замок Каноссу, где жил папа, и несколько дней, босой, в нищенском рубище, стоял на снегу, вымаливая прощение. Французский же король Филипп IV Красивый (Philippe IV le Bel; 1268–1314) вел непримиримую войну с папой Бонифацием VIII: интересы королевской и папской власти схлестнулись на почве собственности и налогообложения, Филипп, как пишут некоторые источники, вел себя так, как будто никакого папы не было и в помине. По инициативе хранителя печати Гийома Ногарэ, ближайшего советника короля, Бонифация обвинили в противозаконном занятии Святого престола, и Государственный совет Франции решил немедленно созвать церковный собор, который осудил бы верховного понтифика как еретика и чудовищного преступника. Ногарэ король поручил отправиться в Италию, тот по прибытии собрал противников папы в небольшой отряд, многих подкупил и настиг Бонифация VIII в резиденции Ананьи, где арестовал его и надавал пощечин. Однако вскоре для спасения сошедшего после всего этого с ума папы из Рима прибыли четыреста всадников, с которыми 86-летний Бонифаций VIII перебрался в столицу, где через месяц и умер.

¹⁶⁰ *Генрих VIII* Тюдор (англ. Henry VIII; 1491–1547) – король Англии, второй из британской династии Тюдоров – больше всего известен в истории необычным для христианина числом браков, часть которых заканчивалась казнью бывшей супруги и уничтожением политических противников. Произведенная им в связи с несогласием Римской католической церкви на очередной развод церковная реформа привела к появлению Англиканской церкви.

Аббатство Сен-Дени

Конклавы¹⁶¹ в Карпантресе¹⁶² и Лионе, осаждаемые толпами горожан, бесконечные свары между галликанами и ультрамонтанами,¹⁶³ драмы, связанные с наложением ареста на имуще-

---

¹⁶¹ Термин «конклав» (от *лат.* *cum clave* – место, закрытое на ключ) впервые применил в 1216 году папа Гонорий III, описывая обстоятельства своего избрания на престол: в Перудже, где располагалась Римская курия, девятнадцать кардиналов были заперты на ключ в папском дворце, чтобы они быстрее избрали нового папу. Эффект оказался фантастическим: на выборы папы, который правил затем одиннадцать лет, ушло всего два дня. За сорок лет до этого конституцией «*Licet de Vitanda*» папа Александр III постановил, что избирать папу могут только кардиналы и что для избрания требуется большинство в 2/3 голосов. В течение всего XIII века число кардиналов оставалось меньше тридцати. Именно в этом веке христианам приходилось чаще всего использовать крайнюю меру – заточение членов конклава, – чтобы их поторопить. Последний и самый шумный эпизод произошел в 1268 году в Витербо, после смерти папы Климента IV. Восемнадцати кардиналам, собравшимся на конклав в папском дворце, не удалось прийти к согласию. В течение двух лет на них тщетно пытались оказать

ство церкви при отделении церкви от государства и продолжавшиеся вплоть до начала нашего столетия, – все это станет для Франции плодом, который напоила ядом коронация Пипина.

Еще одно следствие помазания на царство в Сен-Дени, не менее пагубное, – образование в Италии особого государства с неограниченной властью церкви, государства, где монарх – понтифик.¹⁶⁴

Папы эпохи Стефана выставляли себя, как ни странно это звучит, преемниками Римской республики и старались подхватить любую крупницу власти, какая выскользнет из рук Византийской империи. В день коронации Стефан присвоил Пипину еще и титул римского патриция, чисто декоративное, так сказать, почетное звание, которым императоры, начиная с Константина, иногда удостоивали иностранных правителей. Тут Стефан действовал уже отнюдь не как представитель Христа на земле, но как наследник Pontifex maximus¹⁶⁵ в языческой религии. Никогда до сих пор папство не было дальше от евангелической доктрины, никогда еще с такой непринужденностью не смешивала церковь то, что положено кесарю, с тем, что положено Богу.

Суть соглашения, можно даже сказать – сделки, между Стефаном и Пипином была совершенно ясна: «Я короную тебя в Париже – ты восстанавливаешь мою власть в Риме...» А в следующем месяце Пипин собрался в дорогу, и путь он держал в Италию. Напрасно старший брат Карломан приехал из своего монастырского убежища, напрасно умолял его отказаться от войны с лангобардами, старыми союзниками Франции, – Пипин теперь мог пренебречь любыми предостережениями: меч Божий был при нем, и король пускал его в дело с обычной своей решимостью.

Суза в Пьемонте была разорена – папа заговорил о чуде. Настала очередь Пизы, где тоже камня на камне не осталось, – и папа сравнил Пипина с Давидом и Соломоном вкупе. Но почему война после этого остановилась? Неужто франкские военачальники устали?.. Папа Стефан метал громы и молнии, он, не медля и ни секунды не колеблясь, отправил Пипину подписанное святым Петром послание, звучавшее так, будто апостол действительно вышел из могилы и требует, чтобы франки «явились защищать гробницу, где покоится его прах». Что оставалось? Пипин снова тронулся с места.

Побежденные лангобарды отдали Пипину экзархат Равенны, иными словами, не только Равенну как таковую, но и дюжину городов вокруг нее, в том числе Римини, Форли и Урбино. И эту территорию, до тех пор номинально входившую в Византийскую империю, Пипин сразу же и передал «Римской церкви, святому Петру и понтификам – его наследователям» в вечное пользование.¹⁶⁶ Вот таким образом король оплатил полученную им корону. Не кому иному, а

давление короли Франции и Сицилии, после чего двери дворца замуровали, но и это не помогло – кардиналы не пришли к решению. Отчаявшись, горожане посадили кардиналов на хлеб и воду. Наконец решение приняли: 1 сентября 1271 года кардинал Тебальдо Висконти был избран под именем Григория X. Престол пустовал почти три года, и, исходя из этого печального опыта, Григорий X на Втором Лионском соборе 1274 года опубликовал конституцию «Ubi Periculum», которой официально учреждался конклав и подробно регулировались детали его проведения.

¹⁶² Сейчас – курорт в Провансе.

¹⁶³ Главный принцип галликанизма – нежелание нового, стремление сохранить за собою свое историческое право – быть самостоятельной, хотя и не обособленной от Рима церковью. Благочестие отдельных подвижников, заслуги, оказанные епископатом государству в эпоху всеобщего брожения и варварства, а также влияние монастырей и школ, зародышей будущих университетов, помогали Карлу Великому поддерживать и развивать самостоятельность галликанской церкви. Ультрамонтанами же назывались сторонники власти папы не только в церковной сфере, убежденные, что папа и в светских делах должен стоять выше королей и правительств вообще, и не допускавшие самостоятельности церкви даже в вопросах церковного устройства. Название «ультрамонтаны», происходящее от латинского *ultra montes* («за горами», то есть за Альпами), применялось во Франции и Германии к папе и его сторонникам уже в Средние века, впервые на Констанцском соборе. В ультрамонтанстве заключались идеи абсолютной власти пап в духовных и светских делах, развитые папами Григорием VII, Иннокентием III и Бонифацием VIII.

¹⁶⁴ Понтифик – один из титулов папы римского (лат. *pontifex* – первосвященник).

¹⁶⁵ Великий понтифик (первоначально «мостостроитель») – верховный жрец в античном Риме.

¹⁶⁶ В 754 и 756 годах Пипин Короткий предпринял два успешных похода против лангобардов и вынудил побежденных уступить папе территорию Центральной Италии, простиравшуюся от Рима до Равенны. Эти земли, названные Даром Пипина,

Фульраду,¹⁶⁷ аббату из монастыря Сен-Дени, король поручил – вот вам компенсация коронования в самой что ни на есть торжественной форме – возложить ключи от завоеванных городов и акт дарения на гробницу, которая считалась могилой первого апостола. Родилось папское государство. Ключи святого Петра были на самом деле ключами короля Пипина.

Король Пипин III. Фрагмент надгробия в аббатстве Сен-Дени

Дар не принес счастья. Церковь уже двенадцать веков терпит его бремя. Став мирскими государями – со всем, что включает в себя это понятие: союзами или конфликтами с другими

впоследствии стали ядром независимой области, управлявшейся папами (Папской области). Папа римский стал тогда временным монархом и довольно долго оставался таковым.

¹⁶⁷ *Фульрад* (Fulrad; ум. 784) – святой, аббат в Сен-Дени; был очень близок к Пипину Короткому, способствовал падению династии Меровингов. Память его празднуется 17 февраля.

королевствами, финансовыми проблемами, созданием армии, войнами, расправами внутри страны, содержанием полиции, смертными казнями, – так вот, став мирскими государями, папы почувствуют, как неуклонно снижается их авторитет, как уменьшается их власть в вопросах морали. Тиара понтифика – в точности так же, как некогда императорская корона, – делается ставкой в игре вполне земных амбиций. Папы и антипапы,¹⁶⁸ гвельфы и гибеллины¹⁶⁹ – количество смертей в их борьбе значительно превышало количество мучеников, погибших во имя веры. Приверженцы любой ереси – будь то катары или гуситы, вальденсы или спиритуалы – прежде всего упрекали папство в том, что положение его не соответствует основам христианского вероучения. Реформация найдет в этой ситуации самый мощный толчок для своих действий.

Даже в середине XIX века, когда формировалось итальянское единство, Наполеон III осуществил военное вмешательство с целью сохранить владения Святого престола, но это было последнее усилие, направленное на защиту Дара Пипина.

И только в последнем столетии, с тех пор как государство понтифика оказалось разумно сокращено до Ватикана, то есть той территории, какая необходима, чтобы поместить там церковные власти, папство обрело значение для всех и влияние на всех, известные нам с вами, такие, какими оно никогда прежде не обладало.

Если вспомнить как следует, получится, что очень мало действий, направленных на удовлетворение честолюбия одного человека и его клана – таких, как первая коронация Каролинга, – имело столь долгие последствия.

Когда Пипин, вернувшись с Аквитанской войны, осознал, что тяжело болен, что конец близок, он приказал отнести себя в Сен-Дени. Тело его было истощено и измучено страданиями, в мозгу засела одна-единственная мысль: как бы понадежнее обеспечить трон своему преемнику, не нарушив при этом никакого закона? Интересно, а бросил ли король, когда его проносили по мостам, хоть один взгляд на город... Париж был для него далеко не на первом месте среди городов королевства: ну что, в конце-то концов – резиденция прежней династии, старый королевский приход вблизи семейного кладбища. Но тело его, согласно его воле, было предано земле именно здесь – в церкви, где со времен Дагоберта покоились останки королей.

Пипин, пока не испустил последний вздох, пока его плоть не истлела, был озабочен тем, чтобы доказать: он – воплощение законности. Его сыну Карлу¹⁷⁰ не придется ломать голову над такими проблемами, и ему удастся совсем позабыть о Париже.

¹⁶⁸ *Antipapa* – римский папа, не признанный католической церковью законным. В отдельные периоды Средневековья на папском престоле находилось одновременно несколько враждовавших между собой пап (ставленников различных церковных и светских кругов), впоследствии лишь один из них признавался законным, а остальные объявлялись антипапами. В составленном католической церковью списке пап числится более тридцати антипап...

¹⁶⁹ *Гвельфы* (ит. *guelfi*) – итальянизированное имя немецкого княжества Вельфов, впоследствии, во время борьбы папства с германскими императорами, ставшее названием папской партии в Италии. *Гибеллины* – противники этой партии, стоявшие на стороне императоров Священной Римской империи. Само слово «гибеллины» – это либо искаженное арабское имя Штауфенов (*Ghibello*), либо, по другой версии, происходит от названия родового замка Штауфенов в Германии (нем. *Weblingen*). Вельфы – германский княжеский род, игравший в Средние века важную роль в политической жизни Германии. Штауфены, или Гогенштауфены, – династия императоров Священной Римской империи, находившаяся у власти с 1138 по 1268 год.

¹⁷⁰ *Карл Великий* (лат. *Carolus Magnus*; 742–814) – стал королем франков в 768 году, совершил ряд победоносных военных походов, значительно расширил границы своего королевства и в 800 году получил от папы Льва III императорскую корону. Империя Карла Великого включала в себя различные племена и народности, находившиеся на разных уровнях общественного развития. Им был предпринят ряд мер для укрепления границ, центром государственной жизни стал королевский двор. Карл видел опору королевской власти в католической церкви, поощрял принудительную христианизацию населения завоеванных земель. Внутренняя его политика способствовала процессу феодализации франкского общества, то есть установлению феодальной поземельной зависимости крестьянства, росту крупного землевладения и самостоятельности землевладельческой аристократии, тем самым вопреки собственным стремлениям Карл Великий способствовал созданию социальных и экономических предпосылок феодальной раздробленности. Кроме того, при Карле Великом наблюдался подъем в области культуры – так называемое Каролингское Возрождение. Были организованы новые школы, привлечены к королевскому двору образованные люди, проявлялось больше внимания к античной литературе и светским знаниям в целом, к развитию изобразительного искусства и архитектуры.

Базлика Сен-Дени

Без Карла Великого

Отношения городов с правителями выстраивает скорее сердце, чем разум. Города в этом смысле очень похожи на женщин. Точно так же, как заставивший сильнее всего страдать

любовник оставляет в сердце женщины самую долгую ностальгию, те из королей, что сыграли в жизни города наиболее роковую роль, дольше всего сохраняются в его благодарной памяти. Общество в своих воспоминаниях – просто как девушка!

Франция лелеет память о двух властителях, которые принесли ей больше всего бед за всю ее историю, любит их и чтит с завидным постоянством. Речь о Карле Великом с его завоеванием Запада и о Наполеоне с его мечтами о власти над всей Европой. И опять-таки, подобно брошенной любовнице, которая, говоря о предмете своей страсти, приписывает ему достоинства, которых, кроме нее, никто не заметил, – «Да, он меня разорил... ничего не скажешь – истинный аристократ!.. Да, он меня поколачивал... ничего не скажешь – настоящий мужчина!..» – нация, рассказывая о своем прошлом, обеляет и приукрашивает пагубно отразившихся на ее судьбе властителей, наделяя их высокими добродетелями, коих они сроду не имели.

Из всех лубочных картинок, какие показывают французским школьникам, наиболее лишенная сходства и самая неточная по краскам – портрет императора Карла Великого.

И поскольку при его царствовании в Париже или для Парижа не было сделано ровно ничего, и поскольку его персону закрывает собой весь горизонт, давайте остановимся перед его статуей у Нотр-Дама... Кстати, ни один из других правителей не удостоен такой чести: Филиппа II Августа, например, отодвинули к месту когдатошней Тронной заставы,¹⁷¹ а именем Филиппа Красивого не названа ни одна улица, даже тупик ни один не назван, что уж тут говорить о памятниках... Ну, значит, остановимся у бронзовой статуи Карла Великого и склонимся к его отражению, скользящему по водам времени.

---

¹⁷¹ Barrière du Trône. Теперь здесь площадь Нации (place de la Nation), круглая площадь диаметром 252 м, украшенная бронзовой группой «Триумф Республики» работы скульптора Далу. Площадь раньше называлась Тронной, потому что на ней был сооружен королевский трон – в честь въезда Людовика XIV и инфанты Марии-Терезии после их бракосочетания в столицу в августе 1660 года. В восточной части площади, при въезде на Тронную улицу (rue du Trône), и сейчас стоят два павильона с дорическими колоннами высотой 28 м каждая. Они сохранились от бывшего оборонительного пояса. На южной колонне (XII округ) – почти четырехметровая статуя Филиппа Августа, выполненная Дюмоном.

Карл Великий перед Девой Марией. Фрагмент саркофага. Экс-ла-Шпель

Фрагмент мантии Карла Великого. IX в. Собор Св. Стефана. Мец

Я сказал, что любое общество ведет себя как девушка? Точно так – во всех смыслах этого выражения. Потому что во властителях, которых она себе выбирает, нация, независимо от того, счастливая у нее любовь с претендентом или несчастливая, ищет мифического отца, если не дедушку. Ищет и в этом жаждавшем безоговорочного восхищения колоссе, образ которого осенял все ее детство, ищет в том, чья власть, пусть даже она связана с лишениями и жестоким обращением, служит надежной защитой. Портрет Карла Великого – доброго и величественного гиганта с пышной седой бородой – это чистейший плод народного воображения.

Для начала – Карл Великий никогда не носил бороды, у него было круглое лицо с длинными усами на франкский манер. Что касается роста, то – да, он был высоким, спорить не стану, но уж никак не гигантом. Величие его выражалось скорее в огромном брюхе, чем в осанке или голосе, – голос у него был тонкий и слабый, а голова постоянно втянута в плечи, будто шея полностью отсутствует.

У Карла Великого было четыре законных жены. С первой – Дезире – король развелся, следующие три одна за другой поумирали. Овдовев в третий раз, Карл завел себе четырех любовниц – надо же как-то утешиться! Своим дочерям он запретил выходить замуж, требовал, чтобы они оставались при нем, и предпочитал наводнять двор бастардами, лишь бы не позволить какой-нибудь из принцесс стать чьей-то женой.

Ничто в характере Карла Великого не говорило о какой-то особенной доброте, и тщетно мы пытались бы понять, за какие такие заслуги один из антипап в XII веке причислил императора к лику святых.

Карл Великий депортировал целые народы и однажды – как говорится, без суда и следствия – приговорил к смертной казни четыре тысячи пятьсот саксонцев, на которых донесли, что они якобы участвовали в мятеже. «Всем им в один день отрубили головы, – читаем в хрониках. – А насытившись мстью, король отправился на зимние квартиры в Тионвиль,¹⁷² где отметил и Рождество Христово, и Пасху».

Его методы христианизации были такими же поспешными, как его правосудие, – жители завоеванных стран, не успевшие окреститься в течение года, должны были уплатить штраф: сто двадцать су причиталось с дворянина, тридцать су – с любого свободного человека, пятнадцать су – с раба...

Он был охвачен маниакальной страстью к войне, его отец и дед выглядят по сравнению с ним просто-таки ангелами-миротворцами. За сорок семь лет царствования он организовал и провел по меньшей мере сорок семь военных походов и отбывал каждый год на поле брани так, как мы уходим в отпуск.

---

¹⁷² *Тионвиль* (или *Тьонвиль*, Thionville) – город на реке Мозель (северо-восток Франции).

Карл Великий. XII в. Скульптура собора Св. Иоганна в Мюнстере

И наконец – этот покровитель школьников¹⁷³ не умел писать! Правда, если верить придворному писателю и льстецу Эйнхарду: «...пытался он также писать и с этой целью постоянно

---

¹⁷³ День святого Шарлеманя (так называют Карла Великого французы) был учрежден Людовиком XI в 1479 году «в память о прославленном короле, основателе Парижского университета». Однако как свободный для школьников день Сен-Шарлемань установился лишь в XVII веке, и эта отсрочка, возможно, связана с тем, что Карл Великий был канонизирован антипапой.

держал под подушкой дощечки для письма, дабы в свободное время приучать руку выводить буквы; но труд его, слишком поздно начатый, имел мало успеха».¹⁷⁴

Вот вам очень краткий и беглый, но зато уж точно правдивый набросок портрета Карла Великого.

Знаменитую фразу, произнесенную Карлом после рождественской мессы 800 года, во время которой папа Лев III возложил ему на голову императорскую корону, фразу, брошенную в ответ ликующей толпе, собравшейся у римского собора Святого Петра, – о том, что, знай он заранее о намерениях папы, не пошел бы в тот день в церковь, – не стоит рассматривать как свидетельство его скромности: куда больше эти слова говорят о гордыне франкского короля и о ярости из-за того, что коронация застала его врасплох.

В самом деле, если коронация через помазание, равно как «обоожествление», которым удостаивали древних цезарей, доставались через папу, корона принадлежала императору, который мог получить ее только от своего предшественника, назначившего его своим преемником, или, в случае, когда предшественника нет, от себя самого. Все эти тонкости имели значение и уже тогда символически свидетельствовали о наличии неизбежной борьбы за верховенство между гражданскими и церковными властями.

Ну и зачем тогда вмешивается не в свое дело этот несчастный папа Лев, этот бывший мелкий дворцовый служащий, которого сделал папой он сам, Карл, и которому не удавалось даже и по улице пройти спокойно в собственном городе, потому что на него нападали и лупили почем зря? Какое такое свое превосходство он доказывает, «делая Карла императором»? И что это к тому же за неуклюжесть – сотворить такое в тот момент, когда полгода назад потерявший четвертую жену Карл имеет виды на Византию и ведет переговоры о женитьбе на императрице Ирине!¹⁷⁵

Наполеон не случайно, говоря о Карле Великом, называл его «своим блистательным предшественником». Образцом для Наполеона был не Цезарь и уж точно не Александр – он равнялся только на Карла.

Канонизация состоялась 29 декабря, отмечать память святого было решено 28 января, в день его смерти; чудом, согласно *Acta sanctorum* (сборник жизнеописаний святых, почитаемых католической церковью), был ознаменован не этот, а третий после канонизации день: «На третью ночь после канонизации Карла Великого (то есть в ночь с 31 декабря 1666 года на 1 января 1667 года) над куполом собора Экс-ла-Шапель, где покоилось тело святого, множество людей увидели три языка божественного пламени – пламя это отличалось небесной красотой и чистотой, три его языка поднялись и, сделав три оборота вокруг креста, венчающего купол, осветили и освятили даже места, довольно отдаленные от храма». Церковники усматривают в этом троекратном повторении цифры 3 (третья ночь по канонизации, три языка пламени, три оборота вокруг креста) символ Святой Троицы.

¹⁷⁴ «Жизнеописание» Карла Великого, «создателя Европы», написано его придворным биографом Эйнхардом (Eginhard) по античным образцам в 821 году.

¹⁷⁵ Пятилетнее правление в Византии Льва IV Хазара (775–780) характеризовалось некоторым успокоением во внутренней жизни империи. Как считают историки, весьма вероятно, на Льва оказывала влияние его молодая супруга, афинянка Ирина, которая после смерти царственного супруга из-за малолетства наследника, Константина, стала управлять государством. Взаимоотношения между Карлом и византийским императором начались задолго до 800 года. В 781 году было устроено бракосочетание между Ротруд, дочерью Карла, которую греки называли Эрутро, и двенадцатилетним императором Константином. В 797 году Ирина низложила Константина и стала самодержавной правительницей. Традиция Римской империи не позволяла женщине править со всей полнотой верховной власти, и, с точки зрения Карла и папы Льва, императорский трон считался вакантным. Поэтому Карл, принимая императорский венец, занял свободный престол единой Римской империи и сделался законным преемником не Ромула Августула, а Льва IV, Ираклия, Юстиниана, Феодосия и Константина Великого – вообще императоров восточной линии. Однако германский историк П. Шрамм, называвший коронацию Карла «актом насилия, который сломал права василевса», подчеркивал, что Карл называл себя не «императором римлян», официальным титулом византийских императоров, но «*imperiū Romanum gubernans*» (управляющий Римской империей). Карл понимал, что в Византии после смерти Ирины будет избран новый император, права которого на императорский титул будут признаны неоспоримыми на Востоке, и, предвидя затруднения, открыл переговоры с Ириной, предлагая ей вступить с ним в брак, чтобы, по словам хроники, «соединить восточные и западные области». Ирина отнеслась к предложению благосклонно, но вскоре после этого (802) была свергнута и отправлена в ссылку, так что этот план так и не осуществился.

Карл Великий. IX в.

Будучи еще только Бонапартом, начитавшимся Плутарха и отплывавшим в Египет, Наполеон на мгновение мог возомнить себя Александром, но это была всего лишь мечта, причем мечта на одну кампанию. Великий македонец, завоеватель в чистом виде, никогда не поворачивал назад. Зато сходство Наполеона с Карлом Великим было просто невероятное. Да и какое там сходство! Это больше чем сходство, еще немного – и можно было бы говорить о реинкарнации, такое ощущение, будто душа Карла, побродив по земле тысячу лет, нашла наконец пристанище в теле мальчика из Аяччо.

С интервалом в тысячу лет мы видим двух завоевателей, следующих со своими армиями по одним и тем же дорогам, совершающих одинаковые действия с одинаковыми последствиями. Они правили по одним и тем же принципам, они вели себя одинаково, они разоряли и заливали кровью Европу одним и тем же способом. Как тот, так и другой молниеносными операциями одержали первую победу в Италии. И тот и другой продолжали восхождение по лестнице славы в Германии, и тот и другой, мечтая о большом смотре в Булони,¹⁷⁶ выстроили огромный флот, но обоим помешали другие заботы, и оба отказались от похода на Англию. И тот и другой потерпели поражение в принесшей одни несчастья экспедиции в Испанию, причем просьбы Жозефа¹⁷⁷ о помощи звучат как печальное эхо Роландова рога,¹⁷⁸ и тот и другой были разбиты славянами, первый, надо признать, пострадал при этом меньше, чем второй, но ведь Россия ко временам Карла Великого еще не стала ни нацией, ни государством.

Оба они – как Карл, так и Наполеон – были склонны к упорядочению, к законодательству. Европа долго жила, пользуясь капитуляциями Карла Великого, пусть даже их без конца пересматривали и приспособливали, мы до сих пор живем, пользуясь Кодексом Наполеона.

Первым «королем Рима» был вовсе не Орленок,¹⁷⁹ а маленький Пипин, сын Карла Великого. Мальчик был окрещен и стал королем Италии в один и тот же день: на Пасху 781 года. И точно так же, как Орленок, Пипин не смог унаследовать отцовский трон: он умер раньше Карла.

Пусть даже Наполеон имел, по сравнению с предшественником, то преимущество, что вырвал корону из рук папы и водрузил ее себе на голову сам, а кроме того, женился-таки на принцессе императорской крови – ведь австрийская династия обладала для него столь же мифическим обаянием, сколь византийская – для Карла Великого, зато Карл не дожил до краха своей империи.

Карл Великий обязывал всех своих подданных старше двенадцати лет присягать ему в верности – перед свидетелями и на дароносице, а того, кто отказывался, немедленно бросали в

---

¹⁷⁶ *Булонь* (или Булонь-сюр-Мер, Boulogne-sur-Mer) – город-порт на севере Франции у пролива Па-де-Кале, в устье реки Льян, самый удобный пункт в сообщении между Парижем и Лондоном.

¹⁷⁷ *Жозеф Бонапарт* (фр. Joseph Bonaparte; 1768–1844) – старший брат Наполеона I. Политикой занялся одновременно с братом, участвовал в походах брата и заключал договоры от имени республики... С 1808 по 1813 год Жозеф был королем Испании (Иосиф I Наполеон, José I Napoleón), население которой его ненавидело, и сам он чувствовал эту ненависть.

¹⁷⁸ *Роланд* – герой старофранцузской эпической поэмы «Песнь о Роланде» (La Chanson de Roland), сохранившейся в семи манускриптах, из которых старейший и лучший – так называемый Оксфордский список (1130–1150), хотя, конечно, существовали и более ранние варианты. Действие происходит во время войны Карла Великого с испанскими сарацинами. Христиане сражаются доблестно, но сражение тяжелое, и один за другим гибнут двенадцать пэров. Последними умирают архиепископ Турпин и два друга – Оливье и Роланд. Карл Великий слышит, как Роланд трубит в рог, призывая на помощь, но приходит слишком поздно и не может спасти Роланда с соратниками – ему удастся лишь догнать и уничтожить остатки сарацинского войска.

¹⁷⁹ *Орленок* – Наполеон II (Наполеон Жозеф Франсуа Шарль; 1811–1832) – сын Наполеона I и Марии-Луизы, римский король (титул получил при рождении), герцог Рейхштадтский (1818–1832). В 1815 году Наполеон Бонапарт отрекся от престола в пользу наследника, однако Наполеон II никогда не правил: он жил при дворе своего деда, австрийского императора Франца I. Римский король скончался, не дожив до двадцати двух лет. Похоронен вместе с отцом в соборе Дома инвалидов в Париже. С его смертью династия Наполеона I пресеклась. Французский поэт и драматург Эдмон де Ростан (1868–1918) посвятил Наполеону II пьесу «Орленок».

тюрьму, и, таким образом, право на протест было весьма ограниченным, – Наполеон требовал клятвы верности только от армии и должностных лиц.

В числе благодетелей, которыми человечество обязано Карлу Великому, надо прежде всех других назвать Пруссию, ведущую происхождение от большой военной провинции, или марки, – одной из тех, что он создал для защиты границ своего государства. В данном случае – восточной границы. Населенная солдатами, управлявшаяся самыми жестокими из офицеров, самыми испытанными из генералов, Прусская марка, которая была постоянным театром военных действий, и обратившись в государство осталась верной своему первоначальному назначению. Когда в 1806 году Наполеон подпишет – и это будет, наверное, самый роковой его поступок – акт о создании Германской конфедерации,¹⁸⁰ являвшейся, по существу, матрицей Германской империи, он восстановит для известного нам прекрасного будущего творение Карла Великого, которое века с великим трудом и ценой великой крови в конце концов свели до минимума и почти что уничтожили.

Самые опасные черты, самые агрессивные наклонности европейских наций формировались при расколе империи Каролингов, и это достаточно ясно показывает, как плохо переносил народ насильственное объединение под властью тирана. Сразу после падения Наполеона узкоместнические интересы стали проявлять себя особенно резко.

Оба, и Карл Великий, и Наполеон, способствовали появлению нового правящего класса, опирающегося на силу оружия, религии и денег. Буржуазия XIX столетия своим господством над национальными ресурсами и пружинами управления обязана Наполеону, и она сохранит нежную ностальгию по его времени, не важно – тайную или явную.

Социальное расслоение, сложившееся в результате действий Карла Великого, имело еще более серьезные и еще более продолжительные результаты. Именно деятельность Карла придала окончательную структуру еще не совсем оформившемуся тогда феодализму.

А что же тем временем делалось в Париже? Парижем управлял граф – во времена Карла Великого графа звали Стефан,¹⁸¹ – и единственное, что в Париже играло какую-то роль для государства, – здесь размещалась *missalica*, то есть нечто вроде административной инспекции по особым поручениям, чье правосудие, осуществляемое двумя *missi dominici*,¹⁸² один из мирян, другой из духовенства, распространялось на соседние графства: Мультсен, Мелун, Провен, Этамп, Шартр и Пуасси. Похоже, граф Стефан исполнял одновременно обязанности префекта и супрефекта.

Тем не менее Париж не упоминается даже и в завещании Карла – в списке из двадцати одного города, которым было оставлено какое-никакое наследство. Рим, Милан, Кёльн, Майнц, Зальцбург, Лион, Бордо, Бурж, Безансон, Арль, Руан – все получили золотые и серебряные дары... Санс оказался в списке – там ведь жил архиепископ, а вот Париж, не будучи центром архиепископства, не получил даже и церковной чаши. Должно быть, этим Карл Великий и заслужил тот памятник, который ему воздвигли перед собором Парижской Богоматери, – в этой статуе нет ни малейшего сходства с тем, кого ей положено было изобразить!

Однако, перестав быть столицей власти, Париж оставался столицей торговли и товарооборота. Его окрестили «рынком народов», и большая ярмарка в Сен-Дени, учрежденная спе-

---

¹⁸⁰ В начале XVIII века роль Пруссии возросла, но в 1806 году она была вынуждена уступить Наполеону Бонапарту, разделившему Германскую империю и создавшему протекторат из 16 немецких государств (Рейнская конфедерация). После освобождения страны от французских войск в 1815 году на Венском конгрессе был создан Германский союз из 39 немецких государств, возглавили его Австрия и Пруссия. Верховным органом этого союза стал Союзный сейм, который заседал во Франкфурте-на-Майне под председательством австрийского представителя. Членам этого объединения было разрешено заключать договоры с иностранными державами, если эти договоры не направлены против союза или его членов.

¹⁸¹ *Стефан I* (ок. 754–811 или 815) – граф Парижа с 779 года.

¹⁸² Букв. «государевы (королевские) посланцы» (*лат.*) – разъездные представители короля в Каролингской монархии.

циальной грамотой Пипина Короткого,¹⁸³ продолжалась целый месяц «для того, чтобы купцы Испании, Прованса, Ломбардии и других областей могли в ней участвовать».

Если не считать этого ярмарочного шума и позвякивания биллона,¹⁸⁴ долетавшего с монетного двора – император разрешил чеканить здесь монету, – на берегах Сены царил тишина, история как бы оцепенела, впала в спячку. Пробуждение будет кровавым.

Таская с собой из Тионвиля в Вормс, из Зальштадта во Франкфурт, из Нимега в Майнц, из Экс-ла-Шапель в Рим блуждающую столицу немыслимой империи, Карл Великий, умирая, мог поверить, что ему на самом деле удалось создать ту самую *imperium christianorum*,¹⁸⁵ которой он грезил. Империю, военизированную и построенную на иерархии, империю, в которой каждый обитатель, к какому бы роду-племени ни принадлежал, подчиняется единому закону и исповедует единую веру. Увы! Сооружение развалилось сразу же после его смерти, но обломки его мечты сражаются между собой до наших дней.

Сильный и крепкий народ, кажется, сам выделяет для себя противоядия, подобно живому организму. Графы Парижа, появившиеся по указу Карла Великого для того, чтобы служить империи, спасли Францию.

Противостояние Эда¹⁸⁶

Едва в Экс-ла-Шапель успели предать земле тело Карла Великого, как из глубины нордических туманов, подобно наказанию или кошмару, возникли мириады длинных морских чудищ в чешуе из щитов. У каждого было по тридцать пар весел, и – благодаря этим не то плавникам, не то крыльям – полчища драконов так и летели вперед.

Пока Людовик Благочестивый¹⁸⁷ отказывался от титула короля франков, оставив себе только императорскую корону, пока он пребывал в монастыре, низложенный собственными сыновьями, и внезапно возвращался на престол... Пока его сыновья – Лотарь, Людовик и Карл¹⁸⁸ – оспаривали свои части наследства и сталкивались в кровавых битвах («война братьев»¹⁸⁹), в которых погибли шестьдесят тысяч человек, потом заключали между собой временные союзы (Страсбургская клятва), о которых им следовало объявить кому на каком языке своим войскам, и, наконец, производили раздел (Верденским договором, который подтвердил, что империя разодрана на части)...¹⁹⁰ Пока Аквитания снова и снова восставала, а Бретань по

---

¹⁸³ Историки Франции считают большим достижением Дагоберта учреждение им особой грамотой в 629 году большой ежегодной ярмарки близ Парижа, куда съезжались все купцы Франкского королевства, а также торговцы из Италии, Испании, Прованса и других стран. Ярмарка проводилась в октябре и продолжалась четыре недели. Позже она стала называться Foire du Lendit, или Ярмарка в Сен-Дени, и проводилась в июне. Так что, по существу, Карл учредил уже некогда учрежденное.

¹⁸⁴ Биллон (ист.) – низкопробное серебро.

¹⁸⁵ Христианская империя (лат.).

¹⁸⁶ Эд Парижский (фр. Eudes; ок. 856–898) – граф Парижа и маркграф Нейстрии (886–888), король Западно-Франкского королевства, то есть Франции (888–898), из династии Робертинов.

¹⁸⁷ Людовик I Благочестивый (лат. Ludovicus Pius, фр. Louis le Pieux; 778–840) – король Аквитании (781–814), король франков и император Запада (814–840) из династии Каролингов, последний властитель единого Франкского государства.

¹⁸⁸ Имеется в виду будущий Карл II Лысый (Charles le Chauve; 823–877) – первый король Западно-Франкского королевства (Франции), король Швабии, Аквитании, Италии, император Священной Римской империи. Младший сын Людовика I Благочестивого от его второй жены Юдифи.

¹⁸⁹ После смерти Людовика его сыновья получили наконец возможность окончательно разобраться между собой, и следующие три года были наполнены непрерывной борьбой за отцовское наследство, которая и вошла в историю под названием «война братьев». Баварский король Людовик притязал на все правореинские земли. Карлу, которому по наследству достались Нейстрия, Аквитания, Септимания, Испанская марка и Бургундия до Швейцарских Альп, надо было активно защищать свои владения. Что касается Лотаря, то он в лучшем случае готов был оставить Людовику Баварию, а Карлу Аквитанию, но последнюю очень хотелось присвоить их племяннику Пипину II.

¹⁹⁰ 14 февраля 842 года в Страсбурге двое из трех братьев скрепили свой союз клятвами, произнесенными перед войсками: Людовиком на романском, Карлом на тевтонском языке, – после чего двинулись на Аахен и принудили Лотаря к бегству. Там же они поделили между собой империю. Понимая безвыходность положения, Лотарь сам пошел на мирные переговоры. 15

наущению бывшего *missus*, увенчавшего себя королевской короной, объявляла себя независимой...¹⁹¹ Пока сарацины поднимались вдоль «итальянского сапога», а всей Европой овладевала анархия... Пока все это происходило, норманны, вместе с началом нового века появившиеся на берегах Ла-Манша, год от года глубже продвигались по территории Франции, разоряя ее все сильнее.

июня 842 года братья встретились снова, уже втроем. Им удалось договориться о равном разделе империи, что расценивается историками Средневековья как большой дипломатический успех Лотаря. Для выработки договора была создана комиссия в составе 120 человек. Однако дело затянулось, так как никто не представлял себе истинных размеров государства. И только после длительных совещаний в августе 843 года в Вердене империя была наконец поделена. Каждый из братьев получил значительную часть исконных земель франкской династии: Лотарь – между Льежем и Аахеном, Людовик – между Франкфуртом и Вормсом, Карл – между Ланом и Парижем. Примерно равным было также количество епископств и графств, отошедших к каждому из братьев.

¹⁹¹ Отцом своей нации бретонцы считают герцога Номиноэ (*Nevenoë*, или *Nominoë*; ок. 800–851): до него в Арморике была лишь территория, населенная бриттами, благодаря ему появилась Бретань. После того как по Верденскому договору земли западных франков отошли к Карлу Лысому, король франков сделал попытку добавить к своим владениям и земли бриттов. Однако Номиноэ, навязав противнику свое место для боя – Баллон, разгромил франков. Карл ночью, втайне от своей армии, скрылся, бросив свой шатер, свою свиту и все свои королевские регалии, – впрочем, и армия, охваченная ужасом, не помышляла ни о чем, кроме такого же бегства. Бретонцы захватили богатый лагерь франков и множество трофеев, Номиноэ с этого дня стал полновластным хозяином Бретани, а 845 год стал первой датой в ее истории, хотя эту дату почти никогда не упоминают в учебниках истории Франции...

Император Лотарь. Миниатюра Евангелия Лотаря. IX в.

Нашествие норманнов – удивительное явление IX века, агрессивная миграция скандинавов, беспрецедентная для Европы и в подобном виде никогда больше не повторившаяся, – шло по трем основным направлениям, в зависимости от местонахождения отправной точки.

Шведские норманны, или варяги, действовавшие в Балтии, проникли на восток Европейского континента. Всего лишь за одно поколение они – когда водными путями, а когда перетаскивая свои лодки волоком по суше – добрались до Киева, где и основали столицу. Следующему поколению удалось достичь Черного моря, где в 860 году варяги атаковали Константинополь, и оставалось совсем немного до того, чтобы захватить город.

Все это резко изменило тогдашний мир: именно под властью варягов, вокруг их главарей – династии Рюриковичей – сформировалась нация, которую потом стали называть русскими.

Норвежские норманны предпочли для вторжения Шотландию и Ирландию.

Что касается датчан, то они сначала захватили Бельгию, затем двинулись к берегам Ла-Манша. Эти прекрасно организованные, дисциплинированные, соблюдающие субординацию морские разбойники в ходе своей победоносной авантюры для начала в 819 году обогнули Финистер,¹⁹² затем – уже в следующем году – забрались дальше устья Луары. А с 833 года они, умело используя ослабление императорской власти, каждый год продвигали вперед все более многочисленные и отважные войска, наводившие все больший ужас на жителей королевства.

В 841 году норманны разграбили Руан и подожгли его. Все богатые аббатства в округе ждала та же участь, если они – как Сен-Вандриль¹⁹³ – не откупались грудками золота. Норманны оказались большими любителями драгоценных металлов и зерновых культур – они систематически нападали на монастыри, зная, что те изобилуют богатствами такого рода. Монахов убивали или уводили в плен – отныне они превращались в рабочую силу, становились рабами. В 843 году наступила очередь Нанта: город был razорен, епископ убит на ступенях храма, пленников войска увели с собой. И в конце концов, слегка пограбив север Аквитании, незваные гости на время уgomонились: дойдя до места, где два века назад были остановлены арабы, они решили перезимовать в мягком климате острова Ре.¹⁹⁴

Встревоженные и исстрадавшиеся епископы умоляли внуков Карла Великого, среди которых тогда царило эфемерное согласие, закрепленное в Вердене, объединиться перед лицом опасности. Но три брата ничего не слышали: празднуя «Режим Согласия», они предпочитали устраивать друг для друга пиры, и если уж воевать, то со своими собственными подданными, дабы те не поднимали головы и подчинялись их власти беспрекословно.

На Пасху 845 года к Парижу подошли сто двадцать датских барок. Народ в испуге разбежался по деревням, город был разграблен, парижан обобрали дочиста. . . Словом, когда корабли удалялись от Парижа по Сене, было видно, что под тяжестью груза они едва ли не уходят под воду. В числе прочего норманны увезли прекрасную бронзовую кровлю Сен-Жермен-ле-Доре.

Король *Francia occidentalis*¹⁹⁵ Карл Лысый, подавлявший мятежи в Бретани и Аквитании, был в это время занят: его били сначала аквитанцы, потом бретонцы. Он терпел поражение за поражением, а большего норманнам и не требовалось: они воспользовались пусть и вынужденным, но безразличием короля к их вторжению, чтобы умножить набеги на его территорию. Они поднимались по Виле¹⁹⁶ до тех пор, пока река еще была судоходна, а затем поднимались по Луаре до Тура и по Гаронне до Тулузы. Анже, Сент, Нант «принимали гостей», Бордо эти

---

¹⁹² *Финистер* (Finistere) – самый западный департамент Франции, часть Нижней Бретани.

¹⁹³ Saint-Wandrille – аббатство в Нормандии.

¹⁹⁴ *Ре* – полный поэтического очарования, как говорится в современных путеводителях, небольшой островок в Атлантическом океане, у западного берега Франции. Сейчас здесь не только туристический рай, но и заповедная орнитологическая зона, куда мигрируют каждый год более 270 видов птиц.

¹⁹⁵ Западная Франция (*лат.*).

¹⁹⁶ *Виле* (*фр.* Vilaine, *брет.* Gwilen) – небольшая река в Бретани, на западе Франции. В том месте, где Виле впадает в Атлантический океан, устья Виле и Луары разделяет полуостров Геранд.

«гости» спалили в 848-м... Четырьмя годами позже викинг Готфрид,¹⁹⁷ дойдя со своим войском от долины Шельды до Сены, разбил лагерь на севере Франции, в Жефоссе, близ Боньера.

Карл Лысый хотел было пойти против викингов, но его дворянство отказалось воевать с ними и заставило своего короля вести с Готфридом постыдные для Франции переговоры.

В следующий раз Париж был взят норманнами в 856 году, теперь – на Рождество. И снова многие церкви оказались обезглавлены.

И вот уже норманны – просто везде! Пройдя через пролив Гибралтар, они высадились в Камарге, поднялись по Роне и, словно чертик из коробочки, возникли в Валансе. Затем они добрались до Италии и взяли Пизу.

Третья экспедиция норманнов, опустошившая Париж, состоялась в 861 году.

Трижды за пятнадцать лет ограбленные и трижды оставленные беззащитными, парижане понимали: ждать от короля больше нечего, – они куда больше надеялись на Роберта Сильного, бывшего графа Турского, ставшего потом missus Анжу и Мена. Роберту было доверено и управление территориями от герцогства, лежавшего между Сеной и Луарой, до графств Невер и Осер включительно. Это был великолепный правитель и отважный воин, он-то вел с норманнами непримиримую борьбу, но – увы – пал в бою на Луаре в 866 году.

Ну а чем занимался в это время наш непоследовательный и упрямый правитель? Что подельывал, получив в наследство Францию, этот столько же раз преданный, сколько предал сам, злосчастный Карл Лысый, которому то сумасшедшие везло, то удача безнадежно от него отворачивалась? Чувствуя, что бессилён против разбоев и грабежей, что не способен избавить от нужды собственное государство, что ему не под силу заставить себе повиноваться и показать себя настоящим королем, он собрал войско и пошел с ним на брата Германика.¹⁹⁸ Он претендовал на Лотарингию, он замахивался на Италию, он приказал выколоть глаза собственному сыну, заподозрив того в заговоре, и в конце концов получил-таки императорскую корону, блеск которой решительно ослеплял Каролингов.

А парижане издали наблюдали за тем, как Карл Лысый, одержав победу при Анже, не спешит воспользоваться этим успехом, чтобы занять в империи вакантное место.

Потом – все так же издалека – они видели, как он, не обратив внимания на новую высадку норманнов в устье Сены, ринулся за рейнским наследством и был побит...

Окончательно потеряв доверие к кому-либо, кроме себя самих и своего графа Эда, сына Роберта Сильного, парижане стали снова возводить по римским образцам вокруг Сите каменные стены, укреплять острова, а для того, чтобы затруднить доступ чужаков к двум мостам, построили небольшие деревянные замки (châtelets), где круглые сутки должна была стоять охрана.

В городских кварталах на обоих берегах виднелось больше руин, чем строительных лесов. Никто не стремился не только строить, но даже и восстанавливать разрушенное. Зато взлетели цены на землю в Сите, где дома росли все выше. «Ярмарка народов» сократилась, как во времена Атиллы, до десяти гектаров площади острова.

Но неужели все эти оборонительные работы были затеяны зря? Норманны на несколько лет, казалось, позабыли о бассейне Сены. Они предпочитали свои поселения в Англии, где король Альфред в конце концов уступил им часть территории, или продолжали грабить Прованс, в котором для борьбы с ними было создано независимое королевство Арля.

---

¹⁹⁷ В 882 году норманны под командованием конунга Готфрида дошли до Мааса. Здесь их встретила армия короля Ост-Франкского королевства и будущего императора Карла III, под чьей властью в тот момент были также Лотарингия и Италия. Несмотря на то что франки имели численный перевес, их король не решился на битву и предпочел откупиться от «людей моря». Готфрид согласился принять христианство, жениться на франкской принцессе и поселиться со своими людьми во Фрисландии. За это он получил 2412 фунтов золота и серебра.

¹⁹⁸ Германиком называли Людовика II, ему при разделе были отданы германские земли по линии реки Рейн.

Все началось по новой только в 880 году: часть норманнов во главе с конунгом Зигфридом покинула тогда берега Темзы и направилась к континенту. За время первой кампании они поднялись по Шельде и дошли до Гента. На следующий год их уже видели в Камбре и Амьене. Здесь состоялась битва, в которой норманны понесли тяжелые потери, и это вынудило их отступить в Лотарингию.

Но в 882 году они вернулись – на этот раз дойдя до Реймса, откуда в срочном порядке было вывезено тело святого Ремигия, а летом 885 года Зигфрид, придя морем к Руану, захватил город и стал подниматься по Сене.

Парижане в ответ эвакуировали предместья, все население собралось на острове, и сюда же свезли монастырские сокровищницы, раки с мощами святых и личные состояния.

И вот 26 ноября Зигфрид, соединившись еще с одним норманнским войском, пришедшим с Луары, привел свои семьсот парусников, семьсот кораблей с драконьими головами на носу, к мостам Парижа. Если верить современникам, норманнский флот покрывал два лье водного пространства.

Зигфрид не требовал капитуляции города – он всего лишь хотел (во всяком случае, говорил, что хочет), чтобы парижане разрушили свой большой мост и дали, таким образом, пройти дальше его судам. Но парижан было не перехитрить, они знали цену словам норманнов, а уж тем более – когда слышали такие слова из уст вождя, за спиной которого виднелись тридцать тысяч воинов в железных шлемах, грозных воителей с загнувшими руками.

Впервые западный город, не ждавший никакой помощи ни от королей, ни от императора, вместо того чтобы сдаться, выкупить свою свободу или бежать, ответил норманнам «нет». Это решение было принято совместно графом Эдом, епископом Гозленом¹⁹⁹ и населением Парижа.

---

¹⁹⁹ Гозлен (Goslin, Gauzlin или Gozlin; 834–886) – как многие прелаты того времени, активно участвовал в борьбе против норманнов. В 858 году попал к ним в плен, и отпустили его только после уплаты большого выкупа. В 855–867 и в 867–881 годах был канцлером Карла II Лысого и его преемников. В 877 году, после смерти Карла Лысого, Гозлен возглавил партию противников сына и законного наследника Карла, Людовика II Зайки, противопоставляя ему короля Германии Людовика III Молодого. В 883/84 году был избран епископом Парижа и, когда в конце ноября 886 года на город напали норманны, по поручению графа Эда вместе с другими в течение двух дней держал оборону у моста Меньял. В результате норманны отступили. Осада Парижа продолжалась более года, все это время император Карл III Толстый находился в Италии. Умер Гозлен во время мирных переговоров – возможно, от чумы, которая бушевала в городе.

Карл Лысый. Миниатюра Библии Вивиена. IX в.

Осада Парижа длилась десять месяцев. Закрепившись на правом берегу, вокруг Сен-Жермен-л'Оссерау, норманны изготовляли военные машины и тараны. Первый раз они попытались взять приступом Большой мост 31 января 886 года, потом – 1 и 2 февраля. К городу летели каменные ядра и пылающие стрелы, загорались дома на острове, деревянные башни, огонь охватил Шатле, тучи стрел носились над Сеной... И тут вдруг – паводок! Вода поднялась 6 февраля, – право, эта дата словно бы специально предназначена для парижских драм. Вода поднялась и снесла Малый мост, который связывал Сите с левым берегом, мало того – отдала тем самым один из деревянных замков-крепостей врагу. Вода поднялась опасно: теперь осаждающим стало легче добраться до крепостных стен. Сражались по щиколотку в воде. И к тому же еще начался голод...

А семьсот кораблей Зигфрида все еще стояли в низовьях реки.

Корона перешла от Лысого к Заике,²⁰⁰ а от того к Толстому – и именно к императору Карлу Толстому²⁰¹ граф Парижа Эд отправил посланников, и те глубокой ночью пустились из города вплавь, чтобы попросить военной поддержки и съестного.

Император в ответ направил к Парижу два отряда – оба вялые и бездарные. Одним командовал герцог Генрих Саксонский, который удовольствовался тем, что прорвал блокаду и снабдил город продовольствием, но воздержался от каких бы то ни было боевых действий. А второй был разделан варягами под орех на глазах осажденных.

В апреле умер епископ Гозлен. Граф Эд продолжал отражать атаки, сам появляясь на крепостных стенах и совершая героические вылазки через единственный оставшийся мост. Затем ему удалось ночью выбраться из города, и он галопом помчался в Германию, куда к тому времени перебрался толстяк-император, – упрекнуть того в бездействии и побудить к личному вмешательству в события.

Карл Толстый весьма неохотно двинулся в путь. Он привел с собой такое огромное войско, что, едва оно, спускаясь с высоты Монмартра, предстало перед глазами варягов, теми овладела паника, и они принялись спешно переносить свой лагерь на левый берег. Только ведь мы знаем, что Карл Толстый, обожая власть, риска побаивался. Кроме того, он страдал эпилепсией. И потому, вместо того чтобы завязать битву, пользуясь численным преимуществом («наших» было вчетверо больше, чем норманнов), он начал с Зигфридом переговоры, предлагая агрессору свободный проход по своему государству туда и обратно до Бургундии, которую варяги смогут вволю пограбить. При этом Карл воображал себя тонким политиком: он намеревался воспользоваться норманнами для того, чтобы наказать бургундов за их поползновения сделаться независимыми, а заодно остановить экспансию нового королевства Арльского, которое протянулось теперь от Альп до Севенн и от Юрского хребта до Средиземноморья.

Парижане в такие хитроумные планы не входили, они видели, что император явился ради одного: чтобы дать варягам то, в чем сами они им отказывали в течение десяти месяцев, – право разрушить Большой мост. К тому же Карл Толстый пообещал Зигфриду семьсот ливров серебром в качестве прощального подарка, лишь бы тот двинулся дальше.

И граф Эд, от имени города Парижа, наотрез отказался от сделки, в которой все видели только трусость и предательство.

Тогда император пожал пухлыми плечами, и норманны, потеряв терпение, сделали то, что могли сделать уже давно: вручную вытащили свои семьсот украшенных драконами кораблей на берег и покатили их, выкладывая на пути настил из бревен, по горам и долам на расстояние лье к верховьям, чтобы там спустить на воду. Это была единственная в истории эскадра, которая для того, чтобы пройти от нынешнего моста Йена до нынешнего моста Аустерлиц, двигалась по Марсову полю, равнине Гренель и лугам Сен-Жермена. На обратном пути, заставив несчастную Бургундию пережить худшую за все время ее существования зиму, норманнам пришлось поступить точно так же.

Настолько же, насколько восхищало народ героическое сопротивление графа Эда, возмущали его бездарность и мягкотелость императора. Когда полтора года спустя Карл Толстый, низложенный сеймом в Трибуре,²⁰² скончался, не оставив прямых наследников, но оставив

---

²⁰⁰ *Людовик II Заика* (Louis le Bègue; 846–879) – внук императора Людовика I и сын Карла II Лысого. Людовик II стал королем Аквитании в 867 году, а в 877-м унаследовал трон отца как король западных франков, то есть будущей Франции. Правление его было неудачным, так что ему с трудом удалось удержаться на троне.

²⁰¹ *Карл III Толстый* (839–888) – король Восточно-Франкского (876–887) и Западно-Франкского (884–887) королевств, император франков (881–887). Сын Людовика Немецкого. Карл Толстый лишь на время объединил под своей властью территории бывшей империи Карла Великого, а в 887 году был свергнут мятежными феодалами.

²⁰² Незадолго до смерти баварского короля Карломана его сын Арнульф попытался закрепить за собою баварский престол, однако эта попытка не удалась. Баварцы, несмотря на это, видели в нем своего природного короля, а потому, когда к осени 887 года правление его дяди, императора Карла III Толстого, возбудило всеобщее недовольство, Арнульф двинулся на запад с

множество претендентов на корону, в летописи появились такие слова: «Королевства, которые пережили его владычество, распались, и каждая частица стала искать государя внутри себя самой».

Епископы, графы и знать *Francia occidentalis* собрались и решили, что не станут передавать власть немецкому принцу, – в феврале 888 года в Компьене они избрали королем своего защитника, парижского графа Эда.

За век до своего внучатого племянника, Гуго Капета, Эд стал первым королем, которого действительно можно назвать «королем Франции».

Аллилуйя Оттону

Столетие, минувшее со дня избрания королем Эда, графа Парижа, до дня воцарения Капета, было смутным временем, в течение которого империя Карла Великого окончательно распалась. Германское королевство тоже, в свою очередь, развалилось на национальные герцогства. Практически по всей Европе образовывались независимые королевства – некоторые из них просуществовали ровно столько, сколько прожили их основатели, другие уцелели, но веками создавали для всех территориальные и династические проблемы. Императорский скипетр, выпав из рук Каролингов, какое-то время переходил от одного герцога к другому, оставаясь всего лишь бездейственным символом, и так продолжалось до того дня, когда Оттон I²⁰³ из Саксонии попытался возродить Священную Римскую империю как совокупность империи цезарей и империи Карла Великого.

Воспользовавшись царящим повсюду беспорядком, норманны снова стали агрессивны. Сарацины вкусили легких побед во всем Средиземноморском бассейне, особенно в Италии, где вообще не было никакой власти; венгров, действовавших так, словно в их кровь проник какой-то вирус, унаследованный от Атиллы, охватила захватническая лихорадка, которая вела их по пути поджогов и прочего дикарства вдоль диагонали, ведущей напрямик на Шампань; а искатели приключений, которые не были ни сарацинами, ни венграми, тем не менее вели свои шайки по Европе, и это было ничуть не менее опасно.

При полной беспомощности государства, а порой и полном его отсутствии, фьефы²⁰⁴ – у этого названия готские корни, буквально это значит «стадо» или «паства», – являли миру территориальное, административное, юридическое и политическое единство, обеспечивавшее им не только реальное существование, но и постоянство во времени, потому крупные феодалы становились настоящими королями. Случаются в истории моменты, когда народы не могут найти помощи ни у кого, кроме тех, кто сам же гнетет их и причиняет им зло, – заря феодализма была одним из таких исторических моментов. Быть вассалом – это означало безопасность, дарило надежду, а вскоре – и почет. Каждый стремился, присоединившись к «стаду-пастве» и став зависимым, обрести защиту, а может быть, если повезет, – и толику власти. Церковь принимала участие в насаждении этой системы: епархии и графства иногда сливались, и мы знаем, что тогда среди наиболее крупных феодалов значились графы-прелаты.

войском из баварцев и славян. Тщетно сзывал император своих приверженцев в Трибур на сейм – приверженцев не оказалось, напротив, князя восточных франков, которым надоела власть человека, не бывшего в силах ни отразить внешнего врага, ни подавить анархию внутри страны, тут же приняли сторону Арнульфа. Карлу осталось только удалиться в Алеманию, где он вскоре и умер.

²⁰³ *Otton I* (912–973) – король Германии с 936 года, император Священной Римской империи с 962 года. Сын Генриха I Птицелова. Оттон I фактически подчинил своей власти папство, он активно привлекал духовенство к несению дипломатической, административной, военной и государственной службы. Такая церковная организация, поставленная на службу королевской власти и ставшая ее опорой, получила название «имперская церковь». Оттон I совершил немало победоносных походов и уже при жизни получил титул Великий.

²⁰⁴ *Fief* – то же, что лен или феод.

В течение этого столетия корона Франции, подобно волейбольному мячу, переходила от одного к другому: ее отпасовывали, она возвращалась к прежнему владельцу, тот пасовал снова... от угасающей Каролингской династии к встающей на ноги Робертинской (потом представителей этой династии назовут Капетингами), от команды немецких принцев к команде парижских графов.

Пас первый состоялся, когда пять лет спустя после избрания королем Эда сын Людовика Заики, Карл III, нашел партию знати, которая возвысила его и короновала в Реймсе. Теперь во Франции было сразу два короля, два держателя титула, и, естественно, началась борьба между ними.

Властителя Германии той эпохи, кстати тоже избранного, звали Арнульфом.²⁰⁵ По крови он был внуком Людовика Германика. И вот этот самый Арнульф, признав поочередно королем Франции и Эда, и Карла, решил сыграть роль арбитра. После смерти Эда, у которого к тому времени так и не появилось детей, преимущество временно перешло к Карлу, и ради мира в государстве Арнульф признал законным то, что Эд назначил своим наследником именно его. Брат Эда Роберт, олицетворявший надежды Франции, тоже согласился с этим назначением, удовольствовавшись (или притворившись, что довольствуется) титулами графа Парижа, Тура, Блуа и Анже, и объявил себя первым вассалом Карла III Простоватого.²⁰⁶

Но почему Простоватый? Это явно незаслуженное прозвище – одна из обманок истории. Достаточно было одному-единственному летописцу, утоляя личную антипатию, наградить Карла III эпитетами *Parvus, Minor, Stultus, Insipiens*²⁰⁷ – и вот уже он остался на столетия в обличье дурачка. А ведь этот принц не только не был дурачком, напротив, он был одним из самых умных среди Каролингов. Для того чтобы удержать норманнов от агрессии, он, по примеру англичан, дал им в 911 году посредством подписанного в Сен-Клер-сюр-Эпт договора во владение земли – то самое герцогство, где они и так осели, герцогство, которое в будущем станет называться Нормандией.

Свежеиспеченный герцог Роллон вместе со своими людьми принял официальную религию, а став христианином, одновременно стал и вассалом короля. Теперь он наводил порядок на территориях, где в минувшем году все подряд разорял, – феодальная система себя оправдывала.

Однако в то же самое время Карл III аннексировал Лотарингское королевство (или то, что от него оставалось) и вступил там на престол – и вот это увеличение своей территории оказалось для него фатальным. Царствуя одновременно в двух королевствах, он заполучил недовольных соседей, германских королей, которые зарились на те же земли, и недовольных французских феодалов, обозленных тем, что двор сместился к востоку и высокие должности достаются лотарингцам.

Второй пас: в 922 году граф Роберт поднимает мятеж, в результате которого ему достается корона свергнутого ассамблеей Карла. Во Франции снова два короля, и они снова начинают воевать друг с другом. Битва состоялась в окрестностях Суассона; Роберт, пробывший королем всего год, был убит в сражении, но победу все равно одержало его войско во главе с девятнадцатилетним юношей, сыном Роберта Гуго. Именно этого юношу впоследствии назовут Гуго Великим.²⁰⁸

²⁰⁵ *Арнульф Каринтийский* (Arnulf von Kärnten; 850–899) – был каролингским королем Восточной Франкии с 887 года и императором Священной Римской империи с 896 по 899 год. Незаконнорожденный сын короля Баварии Карломана и дочери каринтийского графа, он был внуком Людовика Германика, правнуком Людовика Благочестивого и праправнуком Карла Великого.

²⁰⁶ *Карл III Простоватый* (879–929) – король Франции из рода Каролингов, правивший в 898–922 годах. Сын Людовика II Заики.

²⁰⁷ Незначительный, слабый, глупый, неразумный (*лат.*).

²⁰⁸ *Гуго Великий* (также Белый, или Аббат, *фр.* Hugues le Grand; ок. 897–956) – герцог Франции с 936 года, маркиз Нейстрии, граф Парижа и Орлеана с 922 года, герцог Аквитании с 955 года.

Но, несмотря на то что Гуго выиграл битву, видимо, его сочли слишком молодым для того, чтобы стать королем, и французская знать предпочла юноше мужа его сестры Эммы Радульфа.²⁰⁹ Бургундского герцога тут же провозгласили королем и короновали. Боковой пас, если продолжать использование спортивных терминов. Теперь у Франции был король Радульф, о котором никогда не вспоминают, единственный представитель Бургундской династии, которая началась и закончилась вместе с ним.

Карл III, захваченный из-за предательства, попал в руки Радульфа и умер в плену²¹⁰ через шесть лет. Его жена, королева Огива,²¹¹ бежала в Англию к отцу, королю Эдуарду Старшему, прихватив с собой сынишку: маленькому Людовику было тогда всего два года.

После тринадцати лет беспокойного царствования, ознаменовавшегося главным образом постоянными вторжениями венгров, Радульф скоропостижно скончался, не оставив прямого наследника.

Третий пас. В то самое время, когда все намеревались сделать королем Гуго, он, опасаясь семейных распрей и считая, что посреди общей неуверенности сыграет ловчее некуда, решил отдать корону Каролингам, которым престол теперь даже и не снился: он вернул из Англии сына Карла Простоватого и королевы Огивы. М-да, игра чересчур тонкая: Гуго надеялся, что сможет управлять пятнадцатилетним мальчиком, что станет править от его имени... Разочарование было горьким и скорым.

Итак, Людовика Английского (или, как его чаще называют, Заморского)²¹² короновали в Лане.

Новое соперничество между вассалом и сюзереном длилось все время царствования Людовика, и снова появилась необходимость обратиться к германскому арбитру. Читателю игра может показаться слишком запутанной, да и вообще ему уже набили оскомину эти игры – а что же говорить о современниках!..

---

²⁰⁹ *Радульф* (фр. Raoule) – король Франции в 923–936 годах, зять короля Роберта I. Герцог Бургундский Радульф был одним из ближайших союзников короля в его войне против Карла III Простоватого.

²¹⁰ Исходя из того, что в день, посвященный Богу, на Троицу 923 года, Карл III затеял кровавое сражение, историки предполагают, что он к тому же еще и лишился рассудка. Победители, обратив Карла в бегство, не стали его преследовать. После коронации Радульфа граф Герберт II Вермандуаский отправил своего двоюродного брата к Карлу и пригласил короля к себе на переговоры. Король, поверив их клятвам, приехал с небольшой свитой. Граф принял его в своем замке на Соне, а затем, отпустив тех, кто с ним приехал, увез Карла в другой свой замок – на Марне – и заключил под стражу. В 927 году он был освобожден, но через год снова потерял свободу и был заточен в крепости Перрон, где и умер.

²¹¹ *Огива Уэссекская* (англ. Eadgifu; 902 – после 955) – дочь короля Англии Эдуарда Старшего. Карл III женился на английской принцессе после смерти своей первой жены Фредеронны.

²¹² *Людовик IV Заморский* (Louis d'Outre-Mer; ок. 921–954) – король Франции с 936 по 954 год. Правление проходило в постоянных столкновениях с могущественным Гуго Великим, графом Парижским, который стремился диктовать королю свою волю, а в 945–946 годах держал его в заточении. Умер в Реймсе, по свидетельствам некоторых историков, после неудачного падения с лошади.

Император Оттон I (Всадник. Памятник на Альтмаркт). XIII в.

Судьей на этот раз стал Оттон Саксонский, основатель Священной империи, личность весьма масштабная. Поначалу он взял сторону вассала и для того, чтобы его поддержать, привел свою армию к Парижу. Людовик Заморский сохранил корону, но вся реальная власть была сосредоточена в руках Гуго Великого, для которого было даже создано вокруг Парижского графства герцогство Французское²¹³ – не только в качестве временного командного пункта, но и в качестве большого наследственного лена. Чуть позже Гуго получил еще и герцогство Бургундское.

Король был тогда до того слаб, что попался в ловушку, расставленную для него жителями Руана, а те отдали его в руки Гуго, заточившего несчастного в донжоне. Узник имел на руках неплохой козырь (правда, единственный) – незадолго до того он женился на сестре Оттона I, и немецкий арбитр снова вышел на сцену. Теперь он рассудил в пользу монарха.

Оттон во второй раз вторгся во Францию, взял Реймс и долго вел свою армию мимо Парижа, прежде чем отвести ее в Руан. Так, обычный военный парад... но кому неизвестно, чего стоят подобные прогулки населению!

Грохот тяжелых башмаков и звон подкованных копыт вдоль всей Сены еще долго отдавались зловещим эхом в ушах парижан.

Гуго отлучили от церкви – такого наказания для непокорного вассала могли добиться короли от своих епископов со времен Пипина. Вот только у герцога были свои епископы... В конце концов взаимная необходимость – нашествие венгров, действовавших близ Реймса и Лана, – вынудила противников примириться.

В 954 году тридцатитрехлетний Людовик Заморский умер после несчастного случая на охоте.²¹⁴

Король не назначил наследника, но престол без всяких затруднений был отдан его старшему сыну Лотарю,²¹⁵ Впрочем иначе и быть не могло: над этим выбором витает тень грозного Оттона, нового Карла Великого. Гуго, шансы которого при выборе наследника тоже были довольно серьезны, даже и не выставил себя кандидатом, зато в уплату за свой голос потребовал герцогство Аквитанское, а главное – поскольку новому королю было всего тринадцать лет, фактически стал регентом.

---

²¹³ Соответственно: comté de Paris и duché de France.

²¹⁴ Вот как об этом рассказывают: Людовик возвращался верхом из Лана в Реймс и был уже недалеко от Эны, как вдруг перед ним выскочил волк. Людовик прищипорил свою лошадь; утомленное животное, не выдержав, рухнуло, и при падении король тяжело пострадал. Его отвезли в Реймс, где король вскоре скончался. Смерть его была настолько неожиданной, что на похоронах, по-видимому, не присутствовал никто из знати.

²¹⁵ Лотарь Французский (941–986).

Христос и Церковь. Портреты Оттона I и его жены Эдит Английской. XIII в.

Император Оттон II вручает посох епископу. Фрагмент рельефа бронзовых ворот. XIII в. Собор в Гнезно (Польша)

Три герцогства – Французское, Бургундское и Аквитанское – находились теперь в одних руках: Франция выросла из пеленок и начинала показывать миру лицо взрослой нации. Величие Гуго в том, что он помог этому лицу оформиться.

Подобно тому как Людовику Заморскому наследовал его сын Лотарь, титул герцога Франции и все добро от Гуго Великого унаследовал его сын Гуго, которого называли Капетом.

Откуда взялось это прозвище, которое потом веками будет служить именем французской династии? От названия головного убора? Несомненно, нет. Одежды? Скорее всего, так. И вероятно, не просто от названия одежды, но от латинского слова «сарра»...²¹⁶ Медиевисты не могут найти в этом вопросе согласия. Совершенно точно имеется в виду церковное облачение, говорят одни, приводя в качестве аргумента то, что герцоги Франции были аббатами в турском Сен-Мартене²¹⁷ и носили там каппу. Нет, утверждают другие, это просто короткий плащ, который очень любил надевать на себя Гуго. Вот только – какой Гуго? Летописцы XI века дают кличку Капет Гуго Великому, но уже в XII столетии она присваивается только его сыну. Происхождение королевского имени бывает таким же темным, как происхождение имен самых безвестных личностей из обычных горожан...

Вплоть до кончины императора Оттона I, то есть еще два десятка лет, герцог с королем жили, казалось, в добром согласии. Но когда грозный Саксонец умер и его сменил сын Оттон II, у Лотаря проявилась наследственная болезнь Каролингов – тяга на Восток, он собрал армию и совершил марш-бросок к Экс-ла-Шапель. Гуго Капет не стал его удерживать, более того – втайне помог несколькими воинскими частями, но ввязываться не спешил.

²¹⁶ *Каппа манья* (ит. *sarra magna*) – соединенная с особой накидкой очень длинная мантия, которую епископы носят в самых торжественных случаях (процессиях). У кардиналов она алая, у епископов из фиолетового шелка. Зимний вариант этого одеяния может быть оторочен горностаевым мехом. Первоначально каппа появилась в IX веке во Франции и Северной Италии для защиты епископов и монахов от холода.

²¹⁷ С 845 года аббатами Сен-Мартена были миряне, французские герцоги, предки Гуго Капета. Имеется в виду, конечно, что герцоги только получали доход от монастыря; религиозные обязанности настоятеля исполняли их заместители монашеского звания.

Бедный Лотарь! Несчастный побег от корня Каролингова! Он уже считал себя победителем, проникнув в старый дворец предка, который Оттон II едва успел оставить! От каких мечтаний кружилась тогда королевская голова? Украшавший крышу бронзовый орел с распростертыми крыльями по его приказу был повернут клювом к германским землям – это была угроза! Но слава короля Лотаря с этим деянием и угасла: три дня спустя, из-за нехватки провианта, ему пришлось убраться восвояси, и разве это утешение – что его солдаты на прощание пограбили дворец!

Оттон II приступил к карательным мерам. Его армия вторглась во Францию, и там он всячески преследовал Лотаря: захватил Лан, разорил Шампань и Суассонне, дошел до Парижа... И тут Гуго Капет, который предусмотрительно сохранил большую часть своих вооруженных сил при себе, преградил ему путь и помешал переправиться через реку, тогда как Лотарь отправился в Этамп, чтобы собрать там войско для помощи герцогу.

В течение всего ноября 978 года Оттон стоял на Монмартре рядом со старой церковью, фасад которой еще украшали романские колонны храма Меркурия. Окрестности Парижа были разграблены императорскими солдатами, северные предместья горели. Но герцог, в каппе или в коротком плаще, продолжал сражаться за свою столицу, не подпуская неприятеля к мосту, всеми способами тревожа его и стараясь остановить.

Император Оттон II. Миниатюра кодекса Св. Григория. X в.

Оттон оставался на холме. Он был похож на огромное жужжащее насекомое, упорно бьющееся о стекло. А потом пришла зима, стало морозить, на юге столицы Франции было подготовлено контрастное наступление – и император решил выйти из игры. Утром 30 ноября, в день своего ухода, он собрал своих клириков и приказал им громко петь «Аллилуйя». Подхваченный армией возглас прокатился по окрестностям, достиг изумленных парижан. Шестьдесят тысяч человек орали во всю глотку, их голоса поднимались к небу, а земля, говорят, дрожала. Что означало это радостное пение, исходящее из уст императора и его войска в ту минуту, когда им надо было отступать? Сколько об этом ни думали, никто пока не понял...

Скорее парижанам надо было кричать «Аллилуйя!» – ведь пройдет больше восьмисот лет до того дня, когда германская армия снова решится пойти на их город.

А сейчас... Вскоре придет конец продолжительным династическим колебаниям: Эд спас Париж от норманнов, Гуго Великий создал герцогство с центром в Париже, Гуго Капет только что избавил Париж от немцев – и неувядаемая слава озарила этот род, в прошлом насчитывавший уже трех королей. Состязание за трон вошло в завершающую стадию. При первой же ошибке рода-соперника победа останется за Парижской династией.

Когдаходишь к 1001 году и осознаешь, что половина истории столицы уже позади, когда начинаешь подсчитывать столетия и понимаешь, что между Цезарем и Гуго Капетом стоит столько же веков, сколько между этим последним и нами, как не удивиться и не задаться вопросами: «Да как же время могло пройти так быстро? Каким образом годы пролетели настолько незаметно, оставив так мало следов?»

А это потому, что царствовали Каролинги, и из-за них двух веков словно бы и не было. Годы их правления напоминают наши самые неудачные дни: когда, за что бы ни взялся, дело не клеится, когда прикладываешь силы явно не к тому. Дни, которые не оставляют по себе ни каких-либо творений, ни настоящих воспоминаний, а только сожаления.

IV. Главный город Капетингов

Ассамблея Адальберона²¹⁸

Пусть даже избрание Гуго Капета королем имело место не в Париже, города оно непосредственно касалось, поскольку возвращало ему роль столицы, утраченную после смерти Дагоберта. Давайте посмотрим, как все это происходило.

Оттон II отступал, и король Лотарь двинулся вдогонку. Нет, вовсе не для того, чтобы добить, напротив – чтобы заключить с ним союз. Объединиться против герцога Франции! Со стороны Лотаря это было больше чем неблагодарностью по отношению к своему первому вассалу, к человеку, который только что его спас.

Немного времени спустя Оттон II умер. Он умер скоропостижно, неожиданно для всех, в Риме, и в империи тотчас же началось ожесточенное соперничество между саксонцами и баварцами.

---

²¹⁸ *Адальберон* – сын графа Готфрида Арденнского, аббат бенедиктинского монастыря Горце в Лотарингии, стал архиепископом Реймским в 969 году, умер в 989-м. Был главным канцлером Франции и министром при Лотаре, Людовике V и Гуго Капете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.